

Информационно–аналитический журнал

современный Иран

№25

октябрь 2013

Главнокомандующий ВВС России
Виктор Бондарев в лице своего иранского
коллеги нашел надежного партнера. См. стр.97

Информационно-аналитический журнал
современный
Иран

№ 25
октябрь 2013 г.

Свидетельство о регистрации ПИ 1 ФС77-41649
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор) 12 августа 2010 г.

Редакционная коллегия

Раджаб Сафаров (Главный редактор)
Александр Проханов
Сергей Бабурин
Дмитрий Рюриков
Виталий Третьяков
Гейдар Джемаль
Максим Шевченко
Игорь Панкратенко (Шеф-редактор)

Адрес редакции

119049, Москва, Коровий вал, д. 7, стр. 1, оф. 6

В издании использованы фотоматериалы
ИТАР-ТАСС, РИА Новости, РИА Иран.ру

Содержание

Краткое содержание номера.....3	Скрытое наступление американских предприятий в Иране <i>Жорж Мальбрюно</i>29
По итогам визита Хасана Роухани в Нью-Йорк <i>Владимир Ефимов</i>6	Возобновление диалога Иран-США войдет в учебники истории — эксперты.....31
А Баба Яга — против, или о том, как в США пытаются мобилизовать израильское лобби на войну против грядущего мира <i>Исраэль Шамир</i>9	Реакция арабов на ирано-американское сближение <i>Владимир Ефимов</i>33
Президентов США и Ирана просят не разговаривать <i>Сергей Ъ-Строкань</i>11	Русский подвиг в Бушере <i>Татьяна Синицына</i>37
Беседа Обамы и Роухани взбудоражила Ближний Восток <i>Артем Кобзев</i>13	Ирано-американское сближение: плюсы и минусы для России <i>Игорь Николаев</i>45
По тонкой грани ближневосточного пространства <i>Эль Мюрид</i>15	Россия усилит ПВО Ирана новейшими комплексами <i>Владимир Мухин</i>50
Почему Нетаньяху боится американо-иранского сближения <i>Владимир Ефимов</i>18	Саудовская Аравия все больше толкает США в объятия Ирана <i>Владимир Алексеев</i>52
О том, как Саудовская Аравия провоцировала Израиль на удары по Ирану <i>Владимир Ефимов</i>21	Перемены на иранском фронте? <i>Федор Лукьянов</i>56
Призрачная угроза: что если ядерный потенциал Ирана сильно преувеличен?.....25	Иран и предстоящий передел границ на Ближнем Востоке <i>Владимир Ефимов</i>58
Точечная ликвидация <i>Игорь Николаев</i>27	Озабоченность России «дружественной дипломатией» Ирана <i>Реза Ходжата-Шамами</i>62

Проблема шиитов может взорвать Саудовскую Аравию <i>Владимир Ефимов</i>66	Смерть Америке или диалог с Вашингтоном? <i>Игорь Николаев</i>87
Роль Ирана в афганском урегулировании <i>Игорь Николаев</i>69	Центральная Азия в геополитике Среднего Востока: иранский вектор.....91
Треугольник смерти в Сирии <i>Владимир Алексеев</i>74	Иран, российские ВВС и газ Северного моря.....97
Женева и иранский атом: Новые надежды и новые сложности.....79	Эрдоган и Тегеран: Возвращение к диалогу <i>Джамшед Хакимов</i>101
Тегеран и «шестерка» расширяют окно возможностей <i>Евгения Новикова</i>83	Саудовско-израильский альянс: направление главного удара — Тегеран <i>Игорь Николаев</i>105
Король послов покидает Россию.....85	Иран и таможенный союз.....109

Краткое содержание номера

Одной из главных интриг 68-й сессии Генассамблеи ООН был вопрос: встретятся или нет лидеры Ирана и США? Поводом для разговоров стало то обстоятельство, что одиозного Махмуда Ахмадинежада на посту президента сменил умеренный политик Хасан Роухани. В конечном счете с Бараком Обамой он, правда, так и не встретился. Однако до отлета иранского президента домой главы двух государств 15 минут поговорили по телефону. Эта беседа стала первым прямым контактом лидеров Соединенных Штатов и Исламской Республики с 1979 года.

Собственно, эта беседа стала событием, запустившим процесс изменения политической ситуации на Ближнем Востоке, спровоцировала израильско-саудовские соглашения, обусловила маневры вашингтонской дипломатии в регионе и открыла новое поле возможностей для России. Весь этот спектр сложных и противоречивых событий октября 2013 года и составил содержание очередного, 25-го номера журнала «Современный Иран», который мы представляем сегодня нашим читателям.

Но начать рассказ о номере хочется не с актуальной повестки, а с замечательного события. В последнюю неделю сентября, 23 числа, был подписан протокол о полной передаче АЭС «Бушер» в руки заказчика — Исламской Республики Иран. Как полагается, с гарантией, распространяющейся на 7 тысяч часов работы, т.е. — на два последующих года. «Иранский народ ждал этого момента 37 лет, и вот получил желаемое», — сказал на церемонии подписания протокола глава Организации по атомной энергии Ирана Али Акбар Салехи. Так атомная электростанция «Бушер», сооруженная российскими специалистами на берегу Персидского залива, завершила свой инженерный образ и вошла в цикл суверенной жизни. Из российского персонала, доходившего почти до двух тысяч человек, на станции осталась лишь небольшая группа топ-экспертов — для консультаций и технической поддержки. Подробности строительства, наиболее драматичные моменты — в материалах «*Русский подвиг в Бушере*». Историческая хроника этой необычной, пропахшей русским потом и духом иранской атомной энергетической стройки вместила в себя невероятный труд, блеск инженерного интеллекта, силу человеческой воли. И сегодня уже ни у кого не вызывает сомнений ясный факт достигнутого результата: АЭС «Бушер» построена и генерирует энергию. У нее только один атомный реактор, 436-й на земле. «В итоге всех страстей — благополучный конец с шампанским и обнадеживающими перспективами», — пишет автор, и вместе с ним мы искренне надеемся, что история российско-иранского сотрудничества в освоении мирного атома на этом не закончится.

Кстати, иранский атом стал и предметом прошедшего в октябре очередного раунда переговоров группы 5+1 и представителей Исламской республики. Прошедший в Женеве диалог не привел к соглашениям, снимающим вопрос об «иранском атоме» с повестки дня международного сообщества. Но новые подходы, продемонстрированные Ираном в Женеве, созданные на переговорах политические и технические «заделы», имеющие далеко идущее

щие последствия, демонстрируют, что в «иранском ядерном досье» открыта новая страница. На этих переговорах иранская сторона доказала серьезность своих намерений настолько весомо, что «шестерке» практически не осталось другого выбора, как принять иранские предложения за основу. Пожалуй, главным в женевском раунде были не иранские предложения, и не готовность Запада объективно их оценить. Главным был настрой сторон на скорейшее разрешение проблем вокруг «иранского атома», и название плана, предложенного Тегераном «шестерке», как «Конец ненужного кризиса и начало новых горизонтов», в этом отношении было более чем символичным. Анализ прошедших переговоров и прогноз на будущее — в материале *«Женева и иранский атом: Новые надежды и новые сложности»*.

Положительная оценка, данная российской стороной этим переговорам, заставляет задуматься о практической стороне наметившейся нормализации отношений между Вашингтоном и Тегераном, а конкретнее — о том, чем обернется урегулирование конфликта между двумя странами для России. В посвященной данному вопросу статье *«Ирано-американское сближение: плюсы и минусы для России»* отмечается, что «телефонный звонок Обамы, миролюбивая риторика Керри — это, конечно, замечательно. Но в канун президентских выборов в Иране был принят новый санкционный пакет, который окончательно закрепил финансовую изоляцию Ирана». По мнению автора, ни администрация Белого дома, ни уж тем более Конгресс даже не инициировали рассмотрение вопроса о временной приостановке санкционного режима, что было бы крайне логичным жестом «доброй воли», рассчитывая США действительно нормализовать двухсторонние отношения. Все это позволяет сделать вывод, что говорить о некоей «нормализации» более чем преждевременно. И у Вашингтона, и у Тегерана есть серьезные ограничители в диалоге, своеобразные красные линии, переступить через которые не может ни одна из сторон. По мнению автора, «любой поворот в ирано-американском диалоге может принести России немалые и политические, и экономические преимущества».

Создается впечатление, что Россия наличие этих преимуществ начинает осознавать и российское руководство. Визит министра внутренних дел Колокольцева в Иран в начале нынешнего года окончился прорывом в вопросах сотрудничества с Исламской Республикой в сфере общественной безопасности. Состоявшийся в октябре визит главкома российских ВВС Виктора Бондарева создал мощный задел для закрепления России на иранском сегменте рынка вооружений и сотрудничества по НИОКР. О подробностях этого визита и достигнутых в ходе него договоренностях — в материале *«Иран, российские ВВС и газ Северного моря»*.

Своеобразное развитие тема российско-иранского сотрудничества получила еще в одном редакционном материале, написанного по «горячим следам» состоявшегося в Минске заседания глав государств-членов Таможенного союза. У любого нормального эксперта давно уже возникает вопрос, в полной ли мере «архитекторы» постсоветской и евразийской интеграции знакомы с географическими картами. Если проанализировать дискуссии, проходившие в рамках ШОС, ОДКБ, а теперь — и Таможенного Союза, то можно с удивлением обнаружить, что ключевая держава региона, отношения с которой являются ключом к целому ряду проблем — Исламская Республика Иран — полностью выпадает из обсуждения в качестве пер-

спективного члена евразийских объединений. В чем причина? Ответ на этот вопрос редакция дает в статье «Иран и таможенный союз».

Что означает для Таможенного Союза присоединение к нему Ирана, пусть пока, на переходный период, в виде зоны свободной торговли? По мнению редакции Иран.ру, «практического воплощения, пусть пока только на уровне концепций, у евразийского единства только два — американская стратегия «Нового шелкового пути», которая, по сути, является своеобразным «шампуром для региона» и направлена на закрепление западного контроля Евразии». Нестандартный, рвущий все шаблоны ход — присоединение Ирана к ТС — способен в корне изменить перспективы Таможенного Союза, сделав его самым популярным и значимым проектом ближайшего десятилетия. Но любое интеграционное образование, будь то Таможенный Союз, будь то зона свободной торговли «ТС + Иран», требуют длительной и кропотливой работы. И не столько потому, что необходимо отработать политические и правовые возможности и полномочия, скорректировать принципы функционирования, свыкнуться с новыми политико-правовыми реалиями. Главное здесь — четкое понимание взаимной выгоды и политическая воля к ее достижению, поскольку, если идея собственно Таможенного Союза вызывает у Запада негативную реакцию, то уж идея «ТС + Иран» вызовет волну ненависти. Осторожный оптимизм в отношении возможности создания такого блока внушают слова Сергея Лаврова, сказавшего, что «Таможенный союз — это не замкнутый блок, он открыт к взаимодействию с другими странами». Но деклараций сегодня уже мало. Необходим решительный шаг, способный придать новый импульс евразийской интеграции. Необходим качественный рывок вперед, объединение усилий с Ираном, которое заставит мир поверить в то, что Таможенный Союз и евразийская интеграция — всерьез и надолго.

Ну и в завершение нашего обзора — о грустном, но по-человечески светлом событии. Чрезвычайный и полномочный посол Исламской Республики Иран в России Махмуд Реза Саджади в воскресенье, 20 октября, по завершении своей дипломатической миссии отбыл на родину. Один постоянный читатель его блога написал «почему-то мне кажется, что вы всегда были «Королем послов» в России. И делали нечто большее, чем просто рядовой посол...». В материале, так и озаглавленном: «*Король послов покидает Россию*», российские друзья рассказывают об этом незаурядном человеке, его потрясающем обаянии, открытости, о его вкладе в развитие российско-иранских отношений в самый сложный для этих отношений период — президентский срок Дмитрия Медведева.

Тысячи россиян выражают свое искреннее сожаление, узнав о завершении миссии посла. Разумеется, физически невозможно было пригласить всех на церемонию прощания, но остроумный и незаурядный Махмуд Реза Саджади совершил еще одно маленькое чудо, которое, уверены, станет своеобразным «ноу-хау» в истории современной дипломатии — выступил с прощальным видеообращением. Мы, искренние его друзья, сумевшие по достоинству оценить потрясающее чувство юмора, душевную щедрость и политический масштаб его фигуры, верим, что он станет Послом доброй воли, неофициальным послом России в Иране, сохранит все контакты со своими российскими друзьями и продолжит вести свой, чрезвычайно популярный среди россиян блог. Мы не говорим господину Саджади «прощай», мы говорим ему — «до свиданья».

Владимир Ефимов

По итогам визита Хасана Роухани в Нью-Йорк

В самом Иране итоги встреч и бесед президента Хасана Роухани в Нью-Йорке, и особенно его телефонная беседа с президентом США Бараком Обамой, вызвали весьма неоднозначную реакцию. Многим иранцам не понравилась его политика с существенно новыми акцентами. Так, чтобы выразить свое недовольство, они закидали иранского лидера яйцами и ботинками. Случилось это в аэропорту

Тегерана после того, как глава Исламской Республики вернулся из Нью-Йорка, где он участвовал в сессии Генассамблеи ООН. Службе безопасности пришлось загоразживать Рухани зонтиком, когда он шел к своему автомобилю. Это были сторонники оппозиции и консервативно настроенные граждане, возмущенные уже самим фактом попытки наладить дипотношения с «идеологическим врагом».

А между тем, похоже, что отношения между Вашингтоном и Тегераном стремительно налаживаются. Еще до телефонной беседы президентов США и Ирана американцы «в знак доброй воли» сделали иранскому народу неожиданный подарок: древний серебряный кубок в виде Грифона. Как пишет агентство Inpa, этот артефакт в 2003 году был конфискован американскими таможенниками у контрабандиста из Ирана. По оценкам экспертов, персидский кубок с Грифоном относится к VII веку до н. э. Как рассказали прессе свидетели этих переговоров, звонок от Обамы раздался, когда Хасан Роухани уже направлялся в аэропорт, чтобы лететь из Соединенных Штатов домой. Беседа, которая произошла сразу после этого, длилась чуть больше десяти минут. Тон ее был весьма теплым и благожелательным. Общались Роухани и Обама без посредников, на английском языке.

Иранский президент заявил, что готов вести переговоры с США и Западом и сделать все для того, чтобы достичь соглашения по поводу ядерной программы, реализуемой его государством. На это, по его словам, может потребоваться от трех месяцев до полугода; тем не менее, он понимает, что это — очень важная задача. Высший духовный руководитель Исламской Республики аятолла Али Хаменеи уже наделил его полномочиями для ведения переговоров на эту тему, — отметил Роухани. В свою очередь Обама заявил, что верит в вероятное «комплексное решение» иранской ядерной проблемы, несмотря на то, что гарантии успеха в данных вопросах пока никто не дает.

Обозреватели-международники отмечают, что этим субботним звонком американский лидер и его иранский коллега нарушили своеобразный «обет молчания», который главы обеих стран соблюдали в течение 34 лет. Как рассказали прессе представители Белого дома, Обама и Роухани хотели лично пообщаться во время сессии Генсассамблеи ООН в Нью-Йорке. Однако сделать этого им не удалось по причине сложностей с организацией встречи.

Что касается итогов нынешних переговоров, то Обама оценил их следующим образом: «Сам факт, что это было первое общение американского и иранского президентов с 1979 года, говорит о глубоком недоверии между нашими странами. Но он также указывает на возможность преодоления этой сложной истории. Разрешение этого вопроса, безусловно, могло бы послужить крупным шагом вперед на пути к новым отношениям между Соединенными Штатами и Исламской Республикой Иран, — отношениям, основанным на взаимном интересе и уважении», — заявил он, выступая перед журналистами президентского пула.

Кстати, накануне поездки в Нью-Йорк руководство «Корпуса стражей исламской революции» (КСИР) предупредило Роухани, чтобы он не попался в сети «американских заговоров». Поэтому сейчас следует ожидать весьма острой борьбы в Тегеране по итогам состоявшихся в Нью-Йорке встреч и переговоров. Многое будет зависеть от того, какую позицию займет высший руководитель ИРИ аятолла Али Хаменеи, который дал мандат президенту страны на контакты с Обамой. Но остается вопрос — насколько далеко мог зайти Хасан Роухани в своих договоренностях как с США, так и по ядерной программе с «шестеркой» международных переговорщиков. По окончании визита командующий КСИР генерал Мохаммад Али Джафари заявил, что президент страны Хасан Роухани не должен был беседовать по телефону со своим американским коллегой Бараком Обамой. Он все это время придерживался твердой и определенной позиции, и, поскольку он отказывался встречаться с Обамой, ему следовало отказаться и от телефонного разговора с ним до тех пор, пока американское правительство не сделает конкретных шагов навстречу Ирану. Главная интрига — что скажет в этой связи Али Хаменеи, верховный руководитель страны, который одновременно является и верховным главнокомандующим всеми вооруженными силами Исламской Республики. В любом случае ясно одно — у линии Роухани появились сильные оппоненты, причем не только политические, но и в силовых структурах Ирана.

Судя по информации из Нью-Йорка и из источников делегаций стран, с руководителями которых встречался глава Ирана, ничего радикально там пока не произошло, хотя существенно изменилась тональность в высказываниях иранской стороны. И в этом ничего странного и предосудительного нет. Ведь Роухани еще до своего избрания не скрывал, что будет вести дело к нормализации в отношениях с Вашингтоном и Западом в целом, а также к достижению договоренностей по ядерному досье. Ведь Роухани никоим образом не капитулировал перед Обамой, а лишь выразил готовность вести диалог на равных, без всяких предварительных условий. Как и по ядерной программе — иранской делегацией подтверждена приверженность тому, чтобы она развивалась исключительно в мирном русле, без выхода на создание ядерного оружия. А что касается гарантий этого и ее транспарент-

ности для МАГАТЭ и мирового сообщества в целом, то Тегеран передал на рассмотрение свои предложения. Так что вполне вероятно, что уже через 3–6 месяцев, о которых заявил президент ИРИ, могут быть достигнуты соответствующие договоренности, которые откроют путь к снятию финансово-экономических санкций с Ирана. А без этого Тегерану нет никакого смысла идти на уступки в одностороннем порядке.

Как бы то ни было, любые шаги США и Ирана навстречу друг другу после 34 лет фактического отсутствия отношений будут восприниматься как внутри ИРИ, так и в США и в других странах, особенно близких Вашингтону региональных союзников, с большим вниманием, если не настороженностью. Равно как и подозрительность вполне естественно могут проявлять и друзья Ирана, такие как Сирия и Хизбалла, например. Ведь каждая из них вправе думать о том, не будет ли это делаться за счет них. Саудовской Аравии, Израилю, Катару и Кувейту важно понять, не приведет ли улучшение американо-иранских отношений к тому, что Тегеран существенно расширит масштабы своего влияния в зоне Персидского залива и на Ближнем Востоке. Важно это и для России. Ведь снятие санкций с ИРИ приведет к тому, что «Газпром» и другие энергетические компании РФ смогут принять самое активное участие в разработке крупнейшего газового месторождения «Южный Парс», что существенно снизит агрессивную газовую политику Катара в Европе, где Доха демпингует на поставках СПГ на рынки, которые традиционно были российской сферой влияния. А совместно с ИРИ РФ сможет просто «сдуть» Катар с газовых рынков Европы и Азии, заставив эмират уважать интересы других участников ФСЭГ (газового форума), а не плясать под дудку своих американских и британских покровителей, сбивая цену на «голубое топливо».

Что касается внутрииранского восприятия новых «веяний» Роухани, то совершенно естественной выглядит реакция консерваторов и оппозиционеров его новой линии. Они не хотят перемен, опасаясь, что это приведет к уменьшению их влияния в стране. Но Иран уже не может жить по-старому, не учитывая «ветры» демократических требований в регионе, необходимость модернизации экономики и получения новых технологий для развития, что абсолютно исключено в условиях действия санкций. Нужны и массовые иностранные инвестиции, без которых ИРИ не сможет взять высокий старт экономического роста. Ведь достаточно вспомнить пример Китая, который, сохраняя свою политическую систему, смог существенно изменить экономическую структуру за счет расширения сферы влияния частного сектора и активного привлечения иностранного, в том числе и западного капитала, в ведущие сферы народного хозяйства. От этого КНР не только не стала слабее, но и наоборот — все более ускоренными темпами догоняет и перегоняет США и ведущие европейские экономики.

Так что Ирану уже в ближайшие недели предстоит сделать выбор либо в пользу нового курса, сулящего рывок вперед и выход из международной изоляции, или же в пользу сохранения прежней линии, означающей дальнейшую стагнацию и ослабление устоев нынешнего правящего режима. Молодое поколение страны явно рвется к первому и является мощной поддержкой Роухани. Ну а консерваторы — они всегда были во всех странах мира. Причем от них тоже есть польза, хотя бы в том, что они будут удерживать реформаторов от чересчур резких и скороспелых решений.

Израэль Шамир

А Баба Яга — против, или о том, как в США пытаются мобилизовать израильское лобби на войну против грядущего мира

Огромная дипломатическая победа России, и ее плоды: снятие немедленной военной угрозы Сирии, внезапное быстрое сближение США и Ирана после десятилетий отчаянной вражды, вызвали — если не восторг, то сдержанный оптимизм как в США, так и в других странах. Мир стоял на грани глобальной катастрофы — и сделал шаг назад от края пропасти, как не обрадоваться?

Только Баба Яга против, то бишь израильский премьер-министр Нетаньяху недоволен. Он отправился в Вашингтон, чтобы мобилизовать израильское лобби на войну против грядущего мира. Он уже встретился с президентом Обамой, и передал своим сторонникам в конгрессе свои пожелания. Если уж нельзя разбомбить Сирию, то хотя бы Иран! Если не разбомбить, то поставить на колени.

Обама и Рухани, новый президент Ирана, уже поговорили по телефону, и возникло ощущение — они близки к договоренности. Ирану очень нужно, чтобы сняли санкции — болезненные санкции обрушили местную валюту, постоянная угроза не дает стране мирно развиваться. Иран готов на уступки — полная прозрачность мирной ядерной программы и обещание не создавать ядерное оружие. Америку это устраивает, но не Израиль.

Рухани пошел навстречу Израилю — признал и осудил нацистские казни евреев во время второй мировой войны. Его предшественник Ахмадинежад любил троллить израильтян тем, что призывал проверить, сколько на самом деле евреев было убито. Рухани закрыл эту тему.

Но в числе израильских требований — полная ликвидация даже мирной ядерной программы Ирана, полное удаление расщепляющихся материалов, ликвидация центрифуг. Эти требования незаконны — по Договору о нераспространении ядерного оружия (NPT), а Иран — участник договора, все страны имеют право на мирный атом. Более того, Израиль не подписал договор, и в нарушение договора, имеет и ядерное, и химическое, и бактериологическое оружие в огромном количестве. И все же страна-нарушитель требует поставить на колени страну-участника договора.

Эти требования были озвучены израильским лобби в Вашингтоне — АИ-ПАК. Пока Иран не выполнит все эти условия, санкции должны оставаться в силе, и США должен признать право Израиля (именно так — право!) бомбить Иран, когда ему заблагорассудится.

Как старая, надоевшая жена готова выцарапать глаза юной сопернице, так Нетаньяху препятствует флирту Обамы с Ираном. Рискнет ли Обама пренебречь требованиями евреев? Такое редко происходит. В кармане у АИ-ПАК — большинство членов Сената и Конгресса. Или по крайней мере так им кажется. Все же АИПАК не сумел мобилизовать конгресс на поддержку удара по Сирии.

Да и сейчас результат приставаний Нетаньяху не очевиден. У конгресса, сената и президента США есть сейчас другая головная боль — опасность дефолта. Республиканцы и демократы не смогли пока договориться о бюджете, и в этих условиях правительству трудно функционировать. И уж точно им сейчас не до Нетаньяху, который рассказывает им, что Рухани недостаточно признал «холокост», потому что он в той же фразе упомянул и палестинскую трагедию, а это отрицает уникальность евреев и их гибели. В нормальное время сенаторы прислушались бы, но сейчас им не до этого.

Не менее важна и международная арена. Несколько напряженных дней, когда американские корабли стояли против берегов Сирии, угрожая ей ударом; статья Путина против незаконного применения силы; обсуждение в ООН создали особую обстановку — народам мира опротивела Америка с ее большой дубинкой. Этого, пожалуй, никогда не было. До того дело дошло, что Ево Моралес, президент Боливии, призвал с трибуны ООН перенести эту организацию из США в Европу, а Барака Обаму судить международным трибуналом за развязывание войн. И такого еще не было.

У американских лидеров возникло противненькое ощущение, что они сейчас не самые популярные люди на свете, и что им было бы неплохо чуток притормозить с очередной военной инициативой. Конечно, Нетаньяху рассердится, но что поделаешь — Баба Яга, она всегда против.

Сергей Ъ-Строкань

Президентов США и Ирана просят не разговаривать

Прямой диалог между лидерами США и Ирана, начатый на 68-й сессии Генассамблеи ООН, грозит вызвать громкий скандал в отношениях Америки с Израилем и другими союзниками в регионе. В своем обращении с трибуны ООН, намеченном на вторник, израильский премьер Биньямин Нетаньяху пообещал разоблачить нового иранского президента Хасана Роухани — «когда все молчат и улыбаются». Премьер Нетаньяху намерен доказать, что под прикрытием разговоров о мирном атоме Тегеран выигрывает время для создания ядерного оружия. Под удар попал и сам Хасан Роухани. Консервативная часть иранской элиты, недовольная его общением с президентом Обамой, обвиняет президента в сдаче национальных интересов.

Продлившийся 15 минут разговор президентов Ирана и США стал одной из главных сенсаций 68-й сессии Генассамблеи ООН. Несмотря на то что ожидавшаяся личная встреча господ Обамы и Роухани так и не состоялась, лидеры двух стран все-таки пообщались друг с другом — по телефону. Это произошло, когда автомобиль Хасана Роухани уже направлялся в аэропорт. Представители двух стран расходятся в том, кто был инициатором разговора. По версии Белого дома, Барак Обама позвонил своему иранскому коллеге после того, как об этом попросила иранская сторона. В Тегеране же настаивают, что звонок президента США стал для иранского лидера полной неожиданностью. Как бы то ни было, эксперты и СМИ назвали «историческим» разговор лидеров двух стран, не имеющих дипотношений с 1979 года.

О содержании беседы поведал Барак Обама. По его словам, главной темой стала иранская ядерная проблема. «У обеих сторон есть обеспокоенность, которую необходимо развеять», — заявил он, призвав использовать «уникальную возможность добиться прогресса с новым руководством Ирана». Признав, что «успех вовсе не гарантирован», глава Белого дома пообещал приложить максимум усилий, «чтобы добиться всеобъемлющего решения». Главным итогом беседы президентов стало поручение в ускоренном режиме подготовить соглашение по ядерной проблеме — эта договоренность должна быть выработана в рамках переговорного механизма между Ираном и «шестеркой» (пять постоянных членов СБ ООН и Германия).

Новость о том, что Тегеран продемонстрировал готовность смягчить позицию по ядерному вопросу, вызвала крайне негативную реакцию ближайшего союзника США на Ближнем Востоке — Израиля. Перед отлетом в

Нью-Йорк премьер Нетаньяху не скрывал, что намерен использовать выступление на 68-й сессии Генассамблеи ООН, намеченное на 1 октября, чтобы доказать невозможность перезагрузки с Тегераном, несмотря на смену руководства страны. Не упоминая президента Обаму, премьер Израиля бросил камешек в его огород: «Необходимо предъявить факты перед лицом сладких речей и улыбок».

В израильские СМИ попали выдержки из речи премьера. Ссылаясь на неназванного представителя правительства, газета The Jerusalem Post сообщает: Биньямин Нетаньяху намерен сравнить ядерную политику Ирана с программами Северной Кореи, которая «прикрывалась разговорами о приверженности режиму нераспространения, чтобы ослабить режим санкций и выгадать время для развития ядерных программ».

Начав диалог с Ираном, президент Обама рискует сорвать потребовавшую от него немалых усилий перезагрузку с Израилем. Тем более что личные отношения Барака Обамы и Биньямина Нетаньяху складываются непросто. В ходе прошлогодней президентской кампании в США глава израильского правительства не скрывал симпатий к республиканцу Митту Ромни. Только в марте, в ходе своего первого визита в Израиль, американский президент сумел снять напряженность. Но, как выясняется, ненадолго.

Недовольство американо-иранской перезагрузкой высказывают также в Саудовской Аравии и других странах Персидского залива — традиционных соперниках Тегерана в регионе. Да и в самом Иране немало противников нормализации отношений с США. В аэропорту Тегерана Хасана Роухани встречала толпа, скандировавшая «Смерть Америке!» и «Смерть Израилю!». А один из демонстрантов швырнул в автомобиль президента ботинком — как проявление высшего презрения.

Пытаясь успокоить страсти, замглавы МИД Ирана Аббас Арагчи заявил: «Учитывая крайнюю напряженность между Тегераном и Вашингтоном, к нормальным отношениям нельзя перейти благодаря телефонному звонку, встрече или переговорам. Мы никогда на 100% не будем верить Америке. И в будущем останемся на том же пути». Это признание может пригодиться премьеру Нетаньяху как аргумент в его споре с президентом Обамой о том, как вести себя с Ираном.

Артем Кобзев

Беседа Обамы и Роухани взбудоражила Ближний Восток

Наметившееся потепление в отношениях США и Ирана серьезно встревожило традиционных союзников Вашингтона на Ближнем Востоке — Израиль и Саудовскую Аравию. Каждое из этих государств по собственным причинам склонно видеть в Иране врага. Неудивительно, что даже намек на сближение Соединенных Штатов и Тегерана был воспринят ими в штыки. При этом и в самой Исламской Республике новый внешнеполитический курс вызвал неоднозначную реакцию

Одной из главных интриг 68-й сессии Генассамблеи ООН был вопрос: встретятся или нет лидеры Ирана и США? Поводом для разговоров стало то обстоятельство, что одиозного Махмуда Ахмадинежада на посту президента сменил умеренный политик Хасан Роухани. В конечном счете с Барак Обамой он, правда, так и не встретился. Однако до отлета иранского президента домой главы двух государств 15 минут поговорили по телефону. Эта беседа стала первым прямым контактом лидеров Соединенных Штатов и Исламской Республики с 1979 года. Однако на родине Роухани это понравилось далеко не всем. Кортёж, который вез его из аэропорта, забросали яйцами. А командующий Корпусом стражей исламской революции генерал Мохаммад Али Джафари заявил, что президент не должен был разговаривать с Обамой. Впрочем, все это лишь доказывает, что в Иране существует определенный плюрализм мнений, полагает эксперт Института международных исследований Леонид Гусев.

«В Иране есть демократия. Она, конечно, исламского толка, но все-таки это именно демократия. Там выборы проходят, там есть состязательность между партиями. Да, они все придерживаются исламской направленности, они все неизбежно привержены идеалам исламской революции 1979 года. Но в остальном критика в той или иной степени может существовать».

За телефонный разговор с иранским лидером подвергся критике и Барак Обама. Причем не только дома, но и за рубежом. Наиболее резко по этому поводу высказался израильский премьер Биньямин Нетаньяху. Беседа Обамы и Роухани была посвящена иранской ядерной проблеме. И, как рассказал хозяин Белого дома, его иранский коллега продемонстрировал готовность искать компромисс в этом вопросе. Однако, по мнению Нетаньяху, иранцы под прикрытием таких разговоров лишь тянут время, продолжая создавать ядерную бомбу. Не в восторге от возможности потепления

в американо-иранских отношениях и суннитские монархии Персидского залива. В первую очередь Саудовская Аравия, привыкшая считать себя едва ли не главным партнером Вашингтона в исламском мире. Однако именно процессы, протекающие в суннитских странах, подталкивают США к нормализации отношений с Ираном. Комментирует главный редактор журнала «Россия в глобальной политике» Федор Лукьянов.

«В США существует точка зрения, что в нынешней ситуации на Ближнем Востоке Америке, для того чтобы сохранить свои, если не доминирующие, то хотя бы солидные позиции, нужна серьезная диверсификация отношений. Потому что в силу разных причин с середины 1970-х американцы полностью сориентировались на суннитов. А сейчас в условиях радикализации суннитского сообщества, радикализации в основном антиамериканской, отсутствие отношений с Ираном очень сильно портит и разрушает возможности для американской дипломатии и стратегии».

Дипотношения между Ираном и США были разорваны в 1980 году, после того как толпа иранцев захватила американское посольство в Тегеране. Сотрудники посольства удерживались в заложниках больше года. За прошедшее с тех пор время в Соединенных Штатах образ Исламской Республики был по-настоящему демонизирован. Поэтому начать сегодня перезагрузку с Тегераном может лишь очень сильный американский лидер, которого на родине никто не заподозрит в слабости. Обаму же и так регулярно критикуют за то, что он, как полагают «ястребы», слишком мягок с врагами США. Поэтому вряд ли ему удастся перезагрузить отношения с Тегераном, подобно тому, как Никсон перезагрузил отношения США и Китая в 1971 году.

Эль Мюрид

По тонкой грани ближневосточного пространства

Итак, прямые переговоры между США и Ираном становятся реальностью. То, что еще полгода назад казалось немыслимым, начинает выползать из Сумрака. И, похоже, далеко не все этому рады.

Столь стремительное сближение США и Ирана, безусловно, объективно необходимо и Обаме, и победившим в Иране осторожным реформаторам. Слишком много проблем и у Америки, и Ирана, чтобы продолжать тащить еще и этот груз проблем.

Иран находится в очень сложном положении, которое вызвано целой совокупностью факторов системного характера. Жесточайший дефицит электроэнергии, который вынуждает власти ограничивать ее потребление, не позволяет проводить индустриальное строительство. Экономика Ирана продолжает оставаться производителем нефти и газа. Другие отрасли либо стагнируют, либо находятся в устойчивом пике. Уже поэтому ядерная энергетика для Ирана — высшая ценность, и он не откажется от нее даже под угрозой войны.

Вторая проблема современного Ирана связана с демографией. Несмотря на то, что рождаемость в стране вполне европейская и даже ниже, к примеру, чем во Франции, Иран остается одной из самых молодых стран в мире. Миллионы молодых людей в условиях депрессивной экономики не могут найти работу, накапливая взрывоопасный материал, который уже доказал свою опасность в странах Арабской весны. Предыдущий президент Ахмадинежад отложил эту проблему, запустив внушительную по масштабам программу образования. Иран стал одной из самых образованных стран, иранские студенты на время были исключены из трудовой деятельности, но теперь они возвращаются на рынок труда. Главное — запросы выпускника вуза существенно выше запросов вчерашнего школьника. А рабочих мест как не было, так и нет. 40% женщин-выпускниц вузов и 20% мужчин не могут найти работу.

Наконец, третья проблема — тяжелейший финансовый кризис. За годы правления Ахмадинежада денежная масса увеличилась почти в 7 раз — с 50 до почти 350 триллионов риалов при том, что экономика росла в среднем на 4 с небольшим процента в год. Значительные средства были направлены на субсидирование жилищного строительства, социальные программы, но

без растущей экономики, занятости. Все эти триллионы нависают тяжелой лавиной над всей экономикой.

Санкции, введенные год назад, добавили проблем, и поэтому дальновидный руководитель страны Хаменеи предпочел увидеть на посту президента не ультраконсерватора, а человека, способного системно подойти к решению тяжелого наследия предыдущего правления. И, если потребуется, то пойти на заключение договора с Дьяволом, которым аятоллы вполне трезво считают Соединенные Штаты. Правда, мудрый рахбар при этом оставил дверь открытой, и ультра-консерваторы всегда на подхвате. Не получится у Роухани — их спустят с цепи, и нынешний президент прекрасно это понимает. Крайне недружелюбная встреча его в аэропорту по прилету из Нью-Йорка должна была напомнить президенту, что не все ему тут рады.

Свои резоны к переговорам есть и у Обамы. Ставка на умеренных исламистов, как силу, которая зачистит ближневосточное пространство от союзников его политических противников в самих США, не оправдалась. «Братья-мусульмане» оказались болтунами и мечтателями. Идейная нищета и управленческое слабоумие — вот, что они сумели продемонстрировать во всей красе. С такими союзниками нам не по пути, — осознал Обама и включил еще год назад план «Б».

Иран должен стать гораздо более мощной заменой «братьям», способной довести начатое до конца. «Арабская весна» должна продолжаться, но уже иначе. Цель остается прежней — переформатирование Ближнего Востока. США должны уйти от прямого присутствия, высасывающего из них триллионы долларов, оставив вместо себя опущенный в средневековые регион управляемого смотрящего. Иран не слишком управляем, но в том и состоит искусство политики — создать условия, при которых США останутся в выигрыше при всех вариантах развития ситуации. США, обладая передовыми технологиями управления социальными субъектами, вполне могут рассчитывать на успех своего предприятия.

В общем, интересы переговорщиков пересеклись и совпали по некоторым позициям. Ирану нужно освобождение от санкций, нужны инвестиции и технологии. Ему нужна интенсификация энергетической программы и занятость молодежи. Вот, собственно, его требования к переговорам с США. Для Обамы от Ирана требуется его готовность стать жандармом Ближнего Востока и зачистка региона от излишне самостоятельных и выбившихся из-под контроля аравийских монархов, в первую очередь, Саудовской Аравии. Провокация в Восточной Гуте стала для Обамы сигналом — саудиты способны в любой момент разрушить любые планы США, поставив их на грань войны, которая в них совершенно не вписывается.

В принципе, это требование вполне вписывается и в планы Ирана. Как говорил генерал Лебедь, «двум пернатым в одной берлоге не ужитья». Стратегия Саудовской Аравии на создание агрессивного суннитского радикального халифата на обломках стран Ближнего Востока означает для Ирана прямое столкновение в недалеком будущем с ордами современных варваров. То, на что они способны, прекрасно демонстрирует сегодняшняя Сирия — и повторять ее судьбу у аятолл нет ни малейшего желания.

Единственный способ избежать уготовленной участи — разрушить спонсора терроризма — династию Аль-Саудов. Террористы, лишившись мощней-

шей финансовой подпитки, станут обычными бандитами с большой дороги, маргинальными группировками, которые можно будет постепенно истребить — как это делает Асад. В таком случае, лидер региона, которым вполне может стать победитель Аль-Саудов, сможет предложить Ближнему Востоку новую парадигму развития, исключая внешнюю экспансию.

Однако, все это продолжает оставаться планами и смелой мечтой. Их воплощение — процесс небыстрый, хотя и времени остается не так уж и много. Саудовская Аравия и Израиль управляются не детьми, и совершенно не согласны с предложенным им вариантом развития региона. Поездка Нетаньяху на Генеральную ассамблею, его переговоры с Обамой и недавняя речь говорят о том, что Израиль категорически против переговоров США с Ираном. Под любым предлогом он готов их сорвать. Саудовская Аравия целиком и полностью поддерживает в этом Израиль, правда, саудовские спецслужбы давно плюнули на все правила, идя напролом. Химические атаки в Алеппо, Восточной Гуте — это только начало.

Если потребуется, провокации будут перенесены хоть в Штаты. Теракт уровня «9/11» (теракты 11 сентября 2001 года) способен сломать любые планы Обамы и вынудить его действовать так, как того захотят его политические противники. В этот раз проблему решила Россия, предложив выход из положения через ликвидацию сирийских химических арсеналов. В следующий раз провокация может коснуться Ирана и то, что он ничего не будет сокращать, понятно всем.

Похоже, что ближайшие месяцы, а возможно, и ближайшие годы станут цепью стремительных событий и процессов, идущих по тонкой грани. Сорваться с нее легко и просто, тем более, что желающих помочь — хоть отбавляй.

Вечер явно перестает быть томным...

Владимир Ефимов

Почему Нетаньяху боится американо-иранского сближения

Как известно, 25 сентября сего года премьер Израиля Биньямин Нетаньяху назвал выступление иранского президента Хасана Роухани на Генассамблее ООН циничным и лицемерным. По его словам, Тегеран таким образом пытается выиграть время для осуществления своих планов по созданию ядерного оружия. Причем еще до выступления Роухани израильский премьер дал указание делегации своей страны бойкотировать выступление иранского лидера. А накануне своего отлета в Нью-Йорк он сделал еще одно заявление, в котором сказал, что намерен рассказать ООН правду об Иране, «невзирая на сладкоречивые улыбки». Так официальный Израиль отреагировал на телефонный разговор, состоявшийся между президентом США Бараком Обамой и главой Ирана Хасаном Роухани. Беседа эта, как известно, состоялась 27 сентября впервые за последние 34 года. Ранее израильский премьер говорил, что Исламская Республика «попытается избавиться от международных санкций, идя на косметические меры, но сохраняя техническую возможность создать ядерное оружие в любой момент». При этом Нетаньяху сравнил Иран с Северной Кореей.

После встречи с президентом США в Белом Доме в Вашингтоне 30 сентября, куда он заехал перед Нью-Йорком, премьер-министр Израиля призвал Барака Обаму не отменять санкции в отношении Ирана. По его словам экономические санкции должны продолжать действовать в ходе переговоров с Ираном, которые должны возобновиться в Женеве 15–16 октября. «Ключевой момент — полное свертывание Ираном своей военной ядерной программы», — отметил израильский премьер, т.к. «Иран до сих пор привержен идее уничтожения Израиля».

В свою очередь, президент США Барак Обама не исключил возможности американского удара по Ирану в связи с ядерной программой этой страны. Эти слова американского президента прозвучали во время его встречи с Нетаньяху, ровно через 3 дня после того как он говорил совершенно другое после своей телефонной беседы с Хасаном Роухани, состоявшейся накануне вылета последнего в Тегеран. Причем Обама тогда сам позвонил иранскому президенту, который до этого отказался от кулуарной встречи с лидером США на «полях» сессии ГА ООН, сославшись на ее ненадлежащую неподготовленность.

При этом почти одновременно госсекретарь США Джон Керри сказал, что договоренность о снятии санкций с Ирана может быть достигнута раньше, чем планировалось. Об этом он сообщил в интервью телеканалу CBS. Госсекретарь США в ходе этого выступления сделал заявление о том, что вопрос с иранской ядерной программой может быть урегулирован менее чем за три-шесть месяцев — именно такой период времени назвал ранее глава ИРИ Хасан Роухани для решения данной проблемы. При этом он подчерк-

нул, что, судя по последним контактам с иранцами, появилась надежда на решение ядерной проблемы, однако слова должны подкрепляться делами.

Таким образом, мы имеем противоречащие друг другу заявления ведущих политиков Белого Дома, равно как и нестыковку в словах самого президента Обамы. Понятно, что американский президент не мог не подыграть своему гостю из Израиля, учитывая, что еврейский электорат Демократической партии в США является весьма влиятельной силой поддержки самого американского лидера-демократа. Да и заодно продемонстрировать Исламской Республике, что не все так легко, как кажется, с иранской мирной ядерной программой. И тут надо просто подождать, пока страсти утихнут, а высказывания американских политиков из несколько сумбурных речей обретут вполне логичную стройность, по которой можно будет уже ясно понять истинные намерения Вашингтона в отношении Тегерана при президенте Роухани.

Совсем другое дело — резкие заявления Нетаньяху. Ведь Роухани в Нью-Йорке фактически осудил Холокост еврейского народа, назвав его преступлением против человечности. А что касается ядерной программы Ирана, являющегося членом МАГАТЭ и участником ДНЯО, то не Тель-Авиву указывать мировому сообществу, что делать и каким образом действовать. Израилю самому давно пора вступить в МАГАТЭ и присоединиться к ДНЯО, а заодно и признать наличие у себя ядерного и химического оружия. Его отнимать никто не будет, но тогда не надо обвинять других во лжи. Ему в самый раз помалкивать и тихо радоваться, пожинать плоды принятого накануне фантастической по своей беспрецедентности резолюции СБ ООН по Сирии. В результате получается, что без единого выстрела (на основании американского блефа о ракетной атаке) взяли и разоружили главного врага Израиля. А можно было увязывать принятия этой резолюции с определенными условиями в Израиле, чтобы не допустить одностороннее разоружение Сирии.

Да и стоило бы Биньямину Нетаньяху вспомнить и другое — Иран является естественным союзником Израиля в арабском мире. Об этом, кстати, не забывают многие другие, более дальновидные израильские политические деятели. Правда, надо сделать скидку и на то, что Нетаньяху — это еще не весь Израиль и тем более не весь еврейский народ, разбросанный по всему миру. А взглянул бы он на географическую карту, то понял бы — зажатый между Израилем на Средиземном море и Ираном на побережье Персидского залива, Ближний Восток, и в первую очередь богатые нефтью и газом монархии Персидского залива, уже не столь опасны для еврейского государства при нормальных отношениях между Тель-Авивом и Тегераном. А если еще будет создано государство курдов с населением почти в 30 млн человек, которое с севера нависнет над регионом, и которое тоже является естественным союзником как Израиля, так и Ирана (именно в Иране в свое время находила покровительство от преследований Саддама семья курдского лидера Барзани), то поле для маневров у арабов будет существенно сужено. И пора вспомнить Нетаньяху другое — не арабы в целом, а прежде всего ваххабиты Саудовской Аравии и Катаря являются основной угрозой для Израиля, разжигая вокруг него пламя исламистских революций и финансируя «Аль-Каиду» и ее ответвления, а также другие ваххабитско-экстремистские группировки, цель которых — полное уничтожение Израиля как государ-

ства. Ведь не Иран финансирует ХАМАС, а Катар и Саудовская Аравия. А что касается Хизбаллы, то Иран поддерживает ее по чисто религиозному признаку (шиизм), и не для борьбы с Израилем, а главным образом внутри Ливана, а также в Сирии, где она помогает режиму Башара Асада бороться с боевиками «Аль-Каиды», которые, в том числе, периодически вторгаются и на ливанскую территорию, где базируются ее отряды.

Похоже, Нетаньяху опасается другого — возможной конкуренции с Ираном в качестве главного партнера США в регионе, пока, естественно, в гипотетической перспективе. Пример подобного стратегического партнерства между Тегераном и Вашингтоном уже был — до свержения иранского шаха. Не плохо бы помнить Нетаньяху и то, что после Суэцкого кризиса 1956 года, единственной страной, поставлявшей Израилю нефть был именно Иран. В тот год Иран поставил Израилю 8 миллионов тонн нефти и фактически спас Израиль от энергетического коллапса, а после войны 1967 года Иран стал практически единственным из исламских государств, выступивших против призывов арабских стран уничтожить Израиль как государство и выразил поддержку Израилю в качестве независимой суверенной страны. Эти страницы истории дорогого стоят. Тогда, кстати, иранская спецслужба САВАК активно взаимодействовала с МОССАД против многих арабских стран, в том числе и аравийских монархий. Но чем бы не руководствовался израильский премьер, остановить объективные исторические процессы, повернуть их вспять, он не в силах. У США есть свои национальные интересы, которые превыше всего, даже ответственности за безопасность Израиля. Тем более что прозрачность ядерной программы Тегерана при контроле со стороны МАГАТЭ является наилучшей гарантией для Израиля того, что Тегеран не будет создавать ядерное оружие.

И вообще, Нетаньяху пора брать пример с других израильских лидеров, которые были не менее правыми по своим взглядам, чем нынешний руководитель ЛИКУД, — Менахема Бегина и Ицхака Рабина, которые не побоялись пойти на сближение с Египтом и палестинцами соответственно. Или же взять пример с президента АРЕ Анвара Садата, который взял и прилетел в Иерусалим с миссией мира. Так может и Нетаньяху стоит задуматься над тем — не пора ли ему прилететь в Тегеран и нормализовать отношения с Ираном? Ведь даже Обама пошел на то, чтобы позвонить Роухани после отказа ему во встрече. А уж США куда более значимая мировая держава по сравнению с Израилем. Но только великие люди способны на великие поступки. Он должен помнить, что главным врагом Израиля является не Иран, а некоторые хорошо известные ваххабитско — фундаменталистские арабские государства. Ваххабитские арабские государства имеют фундаментальные идеологические противоречия с Израилем и эти противоречия с каждым днем усиливаются, т.к. главная задача этих государств — не только максимальное распространение ваххабизма по всему миру, но и уничтожение Израиля как государства. И при таких делах непонятно, почему израильский премьер встал рогами об стену, и сам не хочет израильско-иранского сближения и другим не дает (злоупотребляя своим влиянием на израильское и международное еврейское лобби в США и Европе) сближаться с Ираном. Пока же от нынешнего израильского премьера пахнет нафталином времен «холодной войны» и прямого арабо-израильского военного противостояния.

Владимир Ефимов

О том, как Саудовская Аравия провоцировала Израиль на удары по Ирану

Поскольку в СМИ активно раскручивается тема нормализации отношений между США и Ираном, причем на фоне негативного восприятия Израилем этого процесса, который начался всего неделю назад, хотелось бы осветить вопрос, который имеет непосредственное отношение к проблеме иранской ядерной программы и израильским планам, если не ее уничтожения, то отбрасывания назад на многие годы.

Дело в том, что обвинять Тель-Авив в подобного рода намерениях очень легко, учитывая, что подобные удары ВВС Израиля уже наносили в 80-х годах по ядерным объектам Ирака и Сирии. А тут налицо декларации многих видных деятелей Тегерана о том, что Израиль как государство не имеет право на существование и должен быть просто стерт с карты Ближнего Востока. Назывались даже конкретные боевые самолеты ВВС и беспилотники, снаряженные специальными американскими бомбами глубинного разрушения целей в скальных породах, где иранцы якобы прячут свои мощности по производству материалов к ядерному заряду. К тому же, израильские спецслужбы физически ликвидировали многих иранских ученых, участвовавших в ядерной программе страны.

В конце апреля 2012 года руководитель Армии обороны Израиля (ЦАХАЛ) Бени Ганц заявил в интервью газете «Едиот Ахранот», что израильская армия готова нанести удары по ядерным объектам Ирана. При этом военачальник добавил, что израильские военные постоянно вовлечены в тайные операции за пределами страны и оценки разведки таковы, что вероятность войны выше, чем в прошлом.

А в феврале того же года министр обороны Израиля Эхуд Барак, выступая на конференции в Герцлии, заявил, что его страна готова уже сейчас нанести удар по Ирану, если окажется, что санкции против ядерной программы Тегерана не работают. В свою очередь вице-премьер Израиля Моше Ялон также заявил, что Иран нужно так или иначе остановить, что ядерные объекты Ирана уязвимы для возможных военных ударов. По его словам, подземные бункеры Ирана, в которых предположительно ведется разработка ядерного оружия, недостаточно защищены. Вице-премьер отметил, что

также существует необходимость нанесения удара и по вооруженным силам Ирана, охраняющим объекты, и по самим объектам.

А вот что опубликовала влиятельнейшая израильская газета «Маарив» 1 октября сего года: «Парадоксальным образом (ирония судьбы) нынешняя разрядка напряженности и телефонный разговор между президентами США и Ирана увеличивают шансы на то, что Израиль будет вынужден нанести удар по ядерным объектам Тегерана в недалекой перспективе. С точки зрения израильской оборонной системы, нынешние события являются частью одного из заранее предусматривавшихся сценариев, который носит название «иранский блеф». Министр обороны Моше Яалон всегда был скептиком, однако не только он один ставит под сомнение неожиданные изменения в иранской риторике. В израильской армии распространено мнение, что аятоллы решили назначить президентом Хасана Роухани — человека, обладающего умеренными, по иранским меркам, взглядами — лишь для того, чтобы избавиться от экономических санкций. В Израиле не верят, что результаты иранских выборов являются подлинными и что Иран отказался от своих ядерных амбиций. Иными словами, Иран может якобы приостановить свой атомный проект, не отказываясь от него, и возобновить тогда, когда сочтет нужным, или в тайне продолжит развитие проекта — вдали от любопытных глаз инспекторов ООН. «Это именно то, — отмечает Маарив, что и произойдет после того, как Иран уже создал всю инфраструктуру, необходимую для производства ядерного оружия, и находится на расстоянии вытянутой руки от своей первой атомной бомбы».

По мнению израильских стратегов, Вашингтон устал и ему удобнее смириться с тактическими трюками Тегерана, которые в конечном итоге приведут к созданию атомной бомбы (точно так же Северная Корея проявила твердость и создала ядерное оружие). Израильцы пытались объяснить американцам, что делать ставку на Роухани — это такое же безумие, как рассчитывать на «Братьев-мусульман» в Египте. Но у США есть собственное понимание ситуации и собственная повестка дня. А все основные игроки на Ближнем Востоке полагают, что Обама не посмеет вступить в военную авантюру, связанную с Ираном. В прошлом США не обязательно выступили бы против израильской атаки на атомные объекты Тегерана, однако теперь ситуация изменилась. Мир не примет израильские военные действия до того, как будут исчерпаны дипломатические возможности. По всей видимости, у Израиля есть всего две возможности — либо атаковать иранские объекты, либо смириться с превращением Ирана в ядерную державу.

Таинственный незнакомец

Ну а теперь стоит коснуться вопроса о том, кто же подзуживает Израиль, начиная с 2009 года, к нанесению ударов по иранским ядерным объектам? Как выясняется, вовсе не США и не западные страны. Тогда кто же этот таинственный незнакомец? А тот, кому это выгодно — Саудовская Аравия. Опасаясь возрастания иранского потенциала в Персидском заливе, а также «купившись» на заявления Тегерана о готовности закрыть Ормузский пролив для иностранных танкеров, которые вывозят нефть из КСА, Кувейта, ОАЭ и сжиженный газ из Катара в случае угрозы для его ядерной программы, Эр-Рияд решает, что пора уничтожить Иран чужими руками. В США и

Великобританию направляются высокопоставленные эмиссары из королевской семьи, требуя «наказать» Тегеран за амбиции в зоне Персидского залива, умело разыгрывая карту «ядерной опасности». Активно задействуются телеканалы «Аль-Джазира» и «Аль-Арабийя». Более того, через спецслужбы ваххабитского королевства, возглавляемые принцем Бандаром Султаном, осуществляется «слив» израильской разведке данных, полученных из якобы разведисточников в Иране, будто Тегеран вплотную подошел к порогу создания ядерного устройства и через год получит не менее 4-х боеголовок. Аналогичная дезинформация передается Тель-Авиву и по ракетам среднего и дальнего радиуса действия, будто бы способных легко достичь территории не только еврейского государства, но и ряда стран НАТО на южном фланге! А иранские ВМС якобы имеют не менее 200 специальных торпед, изготовленных по северокорейским технологиям, которые можно пускать с кораблей и с суши, и которые способны потопить корабли всего 5-го флота ВМС США в Персидском заливе, а заодно и все флоты стран ССАГПЗ !

Фантастика, вроде бы, но ни тут то было. С авиабазы «Эль-Удейд» в Катаре с февраля 2010 года ежедневно поднимаются в воздух боевые самолеты ВВС США, а также «АВАКСы» для ведения радиоэлектронной разведки. В ряд стран ССАГПЗ прибывают батареи ЗРК «Пэтриот» из США для защиты этих государств от ударов «возмездия» со стороны Ирана в случае израильского нападения на его ядерные объекты. В Израиле говорят о подготовке к возможным ударам по Ирану. Распространяются слухи о том, что ракетно-бомбовые удары по ядерным объектам ИРИ могут перерасти в широкомасштабную операцию с сухопутным компонентом с целью свержения правящего иранского режима. И, наконец, самое главное — периодически, вплоть до июля 2010 года, саудовцы через арабские СМИ делают взбросы информации о том, что воздушное пространство королевства на севере страны будет открыто то на день, то на два, то на неделю, якобы для учебных тренировок саудовских средств ПВО. Почему на севере, а не на побережье Персидского залива? Так все просто — Израилу посылаются открытые сигналы о том, что его боевые самолеты и беспилотники могут спокойно пересечь воздушное пространство КСА и нанести удар по Ирану!

Но кое-кто оказался умнее саудовцев, понимая, чем грозит подобная эскалация в Персидском заливе. Ведь Тегерану вовсе не надо бить по флотам и авиабазам США в регионе, чтобы осуществить акты «возмездия». Достаточно блокировать Ормузский пролив и нанести удары силами ВВС и ракет малой дальности по нефтяным полям и инфраструктуры Восточной провинции Саудовской Аравии, скважинам Кувейта и Северному газовому месторождению с его терминалами СПГ в Катаре, чтобы обрушить весь мировой энергетический рынок, а заодно и экономически уничтожить арабские монархии Аравии. Они ведь без нефти и трех дней не продержатся, тем более что в условиях войны миллионы иммигрантов просто убегут из них. А арабские шейхи, как известно, даже водопроводный кран починить не смогут, не говоря уже о содержании всей инфраструктуры. И этот кое-кто — не кто иной, как бывший премьер-министр Катара Хамад бен Джасsem, который срочно полетел в Эр-Рияд, чтобы описать все ужасы последствий израильского или американо-израильского удара по Ирану и вымолить саудовцев не делать глупостей. Надо сказать, что это ему удалось. В королевстве зашевелили мозгами и «горячие головы» стали остывать. Угроза военной операции в то время рассосалась. В Израиле тоже успокоились. Но в КСА

продолжили подобные «вбросы» ядерной дезинформации для Израиля и в 2011 и в 2012 гг. Лишь исламистские революции в арабском мире несколько отодвинули иранскую тему для КСА на второй план. А без провокаций саудовцев и Израиль сбавил обороты.

Следует особо отметить, что как ни парадоксально, эти планы КСА самым активным образом поддерживало другое ваххабитское государство Катар (главный конкурент КСА в суннитском мире ислама). Так что впору задуматься и Вашингтону и Тель-Авиву о том, а кто реально стоит за пугалом иранской ядерной угрозы региону? И зачем это делается. Ответ ясен — салафитско-ваххабитским государствам хочется загребать жар чужими руками и попытаться ослабить Иран силовой акцией США и Израиля. Так что антисионистская риторика Эр-Рияда и Дохи — это пустые слова и пропаганда, рассчитанные на одурачивание арабских и исламских народов. Не Иерусалим нужен Саудовской Аравии и Катару, а КСА — господство на рынке нефти, а Катару — исключительного положения для своего СПГ на мировом газовом рынке. А тем временем катарская авиакомпания «Катар Эйрвейз», которой на 40% владеет упомянутый выше Хамад бен Джасsem, ежедневно возит из Аммана израильских туристов по всей Азии и Африки транзитом через аэропорт Дохи. И иврит можно часто услышать в самых фешенебельных отелях катарской столицы. Так что ХАМАСу и ПНА надо обязательно это знать, чтобы не строить иллюзий относительно некой общеарабской солидарности и готовности ССАГПЗ оказать помощь в создании независимого палестинского государства!

Призрачная угроза: что если ядерный потенциал Ирана сильно преувеличен?

Бесчисленные политики, в том числе Дик Чейни и Джон Маккейн, уверяли и уверяют, что США должны нанести удар по Ирану, чтобы положить конец его ядерным амбициям, пишет Newsweek. «Но что если это только истерия?» — вопрошает издание, опираясь на интервью со стратегами и разведчиками, «мрачные прогнозы которых основаны на подозрениях, предположениях и весьма скудных фактах».

Один из самых ярких скептиков — премьер-министр Израиля Нетаньяху, утверждающий, что новый иранский президент Рухани обманывает Обаму. Нетаньяху также сказал: «Мы можем предположить, что в ближайшие 3–5 лет Иран станет самостоятельным в плане способности разработать и произвести атомную бомбу, без необходимости импортировать технологии или материалы». «Искоренить эту угрозу должен международный фронт во главе с США», — добавил Нетаньяху.

Авторы статьи, приводя эту цитату, сообщают: Нетаньяху произнес эти слова 18 лет назад — в 1995 году. Лучше положиться на оценки Военного колледжа Армии США, считает издание. «Иран не несет угрозы для жизненно-важных интересов Америки, — говорит преподаватель колледжа Кристофер Дж. Болен. — Иранцы не хотят обзавестись ядерным оружием».

Некоторые западные «ястребы» уверяют, что к Ирану неприложимы логические прогнозы, так как страной управляют безумцы. Гоудат Бахгат (Университет национальной обороны США) возражает: «Они мыслят рационально — понимают, что создание бомбы не отвечает их наилучшим интересам».

По мнению американских командующих, Израилю не стоит бояться иранской агрессии. «Иранское руководство знает, что нападение на Израиль будет означать уничтожение его собственной страны западными войсками», — говорится в статье.

По данным журнала, у Ирана вообще нет высокообогащенного урана — производится только низкообогащенный для гражданских проектов.

Тегеран гадает: Запад всерьез обеспокоен темой оружия или на самом деле хочет свергнуть иранский режим? «Руководство опасается: если оно односторонне даст понять, что не будет разрабатывать оборонительное атомное

оружие, то окажется беззащитным перед возможным вторжением. Однако оно знает: если оно приступит к созданию бомбы, на него обрушатся вся мощь и гнев американской армии», — говорится в статье.

На взгляд издания, Америка окажется в столь же запутанной ситуации, если решит нанести удар по Ирану. «По словам стратегов, такой удар будет на руку «Аль-Каиде», утверждающей, что США ведут войну с исламом», — говорится в статье. Бахгет, со своей стороны, утверждает, что Иран придумал, как отомстить США в случае удара. Например, возможны теракты в Ормузском проливе, через который нефть следует на Запад.

Еще хуже, что удар по Ирану лишь замедлит разработки ядерного оружия, а заодно укрепит позиции иранских «твердолобых».

Поэтому самое разумное — вести переговоры с Ираном, говорят военные стратеги. По мнению Бахгета, можно договориться за три месяца.

Игорь Николаев

Точечная ликвидация

Тело Моджтабы Ахмади, начальника штаба подразделения кибербезопасности Корпуса стражей Исламской революции Ирана было обнаружено в лесополосе неподалеку от города Караджа, с двумя огнестрельными ранениями в области сердца. Тот случай, когда причинами убийства становятся и политические мотивы, и профессиональная деятельность.

Сейчас спецслужбы Исламской Республики Иран разыскивают двух мотоциклистов, причастных к гибели Моджтабы Ахмади. Но уже ясно: это почерк боевых групп Организации моджахедов иранского народа. Под руководством израильской разведки «Моссад» боевики с 2007 года реализуют так называемую «стратегию Дагана», то есть осуществляют «точечные ликвидации» ключевых фигур ядерной программы, ракетных и других высокотехнологических проектов Ирана.

На днях израильский премьер Беньямин Нетаньяху фактически объявил с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН о том, что Тель-Авив, если потребуются, будет вести борьбу с иранской ядерной программой без союзников, в одиночку.

Значит, израильские спецслужбы продолжают террористические акты в рамках «стратегии Дагана».

В самом Израиле эта деятельность признана вполне успешной. Выступая в кнессете в январе 2011 года с отчетом о «проделанной работе», уходящий в отставку Меир Даган — возглавлявший «Моссад» с 2002 по 2012 год — отметил, что выбранная спецслужбами стратегия, получившая его имя, позволила добиться того, что «Иран не сможет получить атомную бомбу раньше 2015 года».

Могут возразить, что «стратегия Дагана» касалась исключительно ядерной и ракетной программ Ирана. А область кибервойны, ставшей актуальной после 2010 года, когда появился вирус «Стакснет», запущенный в компьютеры иранских ядерных центров, «стратегия» не охватывала. И здесь мы подходим ко второму мотиву убийства Ахмади: его профессиональной деятельности и операциям подразделения кибербезопасности КСИР, штаб которого он возглавлял.

Само это подразделение — не просто команда иранских программистов и хакеров, которые в огромном зале за мониторами отслеживают вирусы и состояние безопасности компьютерных сетей на важнейших объектах. Сегодня служба кибербезопасности КСИР — мощная служба, которая помимо чисто компьютерных вопросов занимается и оперативно-разведывательной деятельностью за пределами Ирана. Что, кстати, вполне объяснимо. Дело в том, что в отношении кибервойны против ИРИ существует определенное разделение труда между спецслужбами США и Израиля. Если американские специалисты, в основном, «генерируют» вирусы, создавая все более совершенные и многофункциональные образцы, то их «доставка» на терри-

торию Ирана является прерогативой «Моссад» и отдела «8220» израильской военной разведки АМАН.

Их усилиями по всему миру, от Таиланда до ОАЭ, Германии и Бельгии, создана сеть подставных компаний, основная задача которых — продать Ирану компьютеры с «секретной недружественной начинкой». Причем — в самом широком ассортименте, от «Стакснета» до его мутировавшего родственника «Дуку», способного снимать пароли пользователей. Затем они передаются на сервер, расположенный на одной из «станций» Агентства национальной безопасности США, расположенной на севере Индии.

Но на личном счету Ахмади были не только операции по противодействию этим вирусам.

При его непосредственном участии был осуществлен перехват управления американского беспилотника, «Кандагарского зверя», запущенного с базы в Афганистане и посаженного на территории Ирана. В этой операции были использованы как технические, так и агентурные методы, сочетание которых становится фирменным почерком новой иранской спецслужбы.

А еще среди его успехов — вскрытая в начале нынешнего года оперативниками иранской разведки сеть израильских подставных компьютерных фирм, работавших в Бельгии, причем в Тель-Авиве о собственном провале узнали только в начале лета. Словом, у израильских спецслужб были и «личные причины» внести Ахмади в «список ликвидации».

Убийство Моджтабы Ахмади — еще одно доказательство, что в «иранском вопросе» израильтяне, опираясь на «местную агентуру» из боевиков Организации моджахедов иранского народа, ведут свою войну, не обращая внимания даже на робкие «миролюбивые» пожелания Вашингтона. В кавычках: оговорка Джеймса Льюиса из Центра стратегических и международных исследований США о том, что в вопросах сближения между Вашингтоном и Тегераном «сейчас стоит позиция Корпуса стражей исламской революции», заставляет думать, что и позиция США в отношении «необъявленной войны» против Ирана далеко не так миролюбива, как декларируется с официальных трибун.

Террор и диверсии, необъявленная война против ИРИ будут только нарастать.

В средства массовой информации просочились сведениям о негласном соглашении, достигнутом Израилем и Саудовской Аравией о «совместных действиях в отношении Ирана».

В реальной жизни это будет означать, что к традиционным союзникам из боевиков Организации моджахедов иранского народа присоединится саудовская агентура. Сейчас она активно вербует на базе возникающих в Иране «джамаатов» — ячеек салафитов, явления, которое раньше в шиитском Иране представить было трудно. Необъявленную войну против Исламской Республики Иран, как и сопутствующий ей террор, израильтяне и саудиты готовы продолжать до конца. До конца нынешнего иранского государства.

Жорж Мальбрюно

Скрытое наступление американских предприятий в Иране

Американские компании активизировали свою деятельность в Иране еще до наступления «оттепели» на дипломатическом фронте, пишет Жорж Мальбрюно в газете Le Figaro.

Опережая оттепель между Вашингтоном и Тегераном, американские предприятия без лишнего шума начали восстанавливать свои позиции в Иране, на рынке с 80 млн потребителей, богатом газом и нефтью, говорится в статье. «Большая часть американских компаний, в том числе котирующихся на американском внебиржевом рынке Nasdaq, направили в прошедшие месяцы своих эмиссаров в Иран», — утверждает французский промышленник, сотрудничающий с Исламской республикой. Эти эмиссары довольно часто используют швейцарские паспорта, поскольку именно Берн представляет американские интересы в Иране с момента разрыва дипломатических отношений в 1980 году.

«Иранский автомобильный сектор особенно активно обхаживает General Motors. Американский гигант вступил в контакт с Iran Khodro, который до 2012 года работал с Peugeot по производству моделей 206 и 405, которые французская группа прекратила поставлять в Иран по причине западных санкций, наложенных на Иран из-за его атомных амбиций, — продолжает автор статьи. — Но в последние полгода представители General Motors посещают Иран и обсуждают вопрос о возобновлении деятельности GM, занимавшей прочные позиции в стране во времена правления шаха».

Этим летом GM через Азербайджан переправила в Иран модели Samano. «Речь идет о первой пробной партии», — отмечает французский конкурент. Эта инициатива не нарушает Executive Order Act 13645 — декрет, подписанный Бараком Обамой 3 июня этого года, который вводит запрет на поставки и продажу комплектующих или услуг в автомобильный сектор со стороны иностранных компаний, но не запрещает поставку автомобилей, отмечает автор.

«Renault был основным зарубежным оператором с 90 тыс. производимых автомобилей в 2012 году, поэтому американский закон в первую очередь направлен против Франции. Кроме того, этот декрет можно назвать настоящим отмытием иранского автомобильного рынка, расчисткой места для американских компаний до достижения политических договоренностей между Тегераном и Вашингтоном», — сетует французский подрядчик, вы-

ражая сожаление, в том числе, и по поводу слабой реакции французских властей на американский декрет», — говорится в статье.

Американские компании нацелились также на вытеснение своими компаниями, например, Boeing, соперников в авиационном секторе, в частности Airbus. Еще до подвижек в американо-иранских отношениях в ходе ГА ООН американские промышленники отмечали, что духовный лидер Ирана аятолла Али Хаменеи дал разрешение на «прямые контакты» с представителем «великого сатаны». Накануне президентских выборов, на которых одержал победу умеренный Рухани, группе высокопоставленных чинов из КСИР было поручено составить список американских предприятий, подходящих для сотрудничества», подчеркнул эксперт по Ирану.

«Французы должны отдавать себе отчет в том, что в случае достижения соглашения между нами и американцами их предприятиям останутся крошки», — заявил иранский дипломат.

Автор заключает статью призывом к Елисейскому дворцу и МИДу Франции смягчить позицию в отношении Тегерана.

Возобновление диалога Иран-США войдет в учебники истории — эксперты

Активизировавшийся в последнюю неделю диалог между Ираном и США, вернее, обмен заявлениями обеих сторон о готовности к диалогу с напоминанием своих прежних требований, не мог не оказаться в центре внимания экспертного сообщества. Влияние возможного потепления в отношениях Исламской республики с Западом на ситуацию на Ближнем Востоке в целом обсудили сегодня генеральный директор Центра изучения современного Ирана Раджаб Сафаров, сотрудник Института востоковедения РАН Борис Долгов и директор Центра общественно-политических исследований Владимир Евсеев.

«В мире происходят очень интересные события, — такими словами начал свою речь Раджаб Сафаров, — и не все успевают осознать, что именно происходит. На Западе проявили полную не готовность к новым веяниям, которые идут из Тегерана. Многие ожидали, что с приходом Рухани политика изменится, но никто не ожидал, что это будет в таком масштабе. Израиль пребывает в состоянии полной истерии, королевства Саудовской Аравии в ступоре. Они не понимают, что делать, ориентиры потеряны. Разброд и шатания сейчас идут в этих кругах».

Сафаров пояснил, что именно успел сделать Рухани за эти два месяца, что находится у власти. «Он получил мандат от духовного лидера вести лично переговоры по самым животрепещущим вопросам. Он поменял схему конструкций переговорных групп. Он перевел переговорный процесс из консервативного крыла в либеральное крыло, которое комфортно чувствует себя, работая с Западом», — рассказал эксперт.

«Все руководители внешнеполитических ведомств стояли в очереди на прошлой неделе в Нью-Йорке, чтобы поговорить с иранским руководством. Там состоялось более 60 контактов на очень высоком уровне. Все проявили заинтересованность в налаживании отношений с Ираном», — напомнил Сафаров об обстоятельствах визита иранской делегации и самого президента ИРИ в Генассамблею ООН. В качестве завершающей точки в этом взрыве интереса к новому руководству Ирана политолог назвал звонок президента США Барака Обамы, причем «Рухани был удивлен такой скорой инициативе».

По мнению Сафарова, в учебник по истории этот эпизод, когда президент США поддержал курс, объявленный Рухани — отказ от производства ядерного оружия и позиционирование Ирана как мирного государства — будет включен как очень яркая страница мировой политики. «Даже в самом Иране не все были готовы к таким начинаниям Рухани.

В аэропорту, когда руководство Ирана возвращались, была толпа протестующих. Но сам иранский народ устал от этих санкций и крайне заинтересован в нормальных отношениях со всеми странами мира», — выразил уверенность в соответствии курса иранского руководства чаяниям народа.

Владимир Евсеев произошедшее в эти недели назвал «тектоническими процессами». «Впервые за 34 года произошли встречи министров иностранных дел Ирана и США. Успешные переговоры со странами «шестерки» позволили создать условия для телефонного разговора президентов», — отметил он, добавив, что, тем не менее, выступление Рухани на Генассамблее было крайне сдержанным а потому, по мнению эксперта, следует придерживаться умеренного развития событий.

В первую очередь здесь оказывается связанной обязательствами западная сторона. «Обама произнес речь о перенесении центра тяжести в Азиатско-тихоокеанский регион, но чтобы это сделать, США нужно уменьшить свое военное присутствие на востоке. При этом Штаты не могут пересмотреть свои отношения с Саудовской Аравией: заключены контракты на длительный срок и большие деньги, от этого никто не откажется. Они будут всячески тормозить процесс сближения», — подчеркнул Евсеев, добавив, что и в самом Иране не все поддерживают Рухани, который во многом опередил время.

«Процесс восстановления отношения будет очень трудным, он может вообще встать. От Ирана ждут практических действий, среди которых сегодня возможна приостановка процесса дообогащения урана. При этом нужен еще один шаг — остановка работы предприятий, которые этим занимаются. В ответ США могут снять санкции на морские перевозки и банковской сфере», — предположил политолог.

Борис Долгов поддержал Евсеева в том, что в ближайшем будущем кардинального улучшения отношений ожидать не стоит. Одним из камней преткновения неизбежно окажется Сирия. «Штаты вряд ли пойдут на полный отказ от удара по Сирии, поскольку сейчас у них главная цель — уничтожение режима Асада. Вооруженная оппозиция в Сирии враждует между собой, общей программы нет, общей делегации для «Женевы-2» еще долго не будет. Но если будут улучшены отношения между Ираном и Израилем, это бы сыграло большую роль. Нужно нахождение какого-то компромисса. Процесс идет, но он еще очень далек от успеха», — предупредил эксперт.

Евсеев также напомнил, что следует говорить не только об улучшении ирано-американских отношений, но и о трениях между Россией и Штатами. «Сейчас появилось окно, когда можно эти возможности осуществить. Каким-то образом два вида этих отношений идут в связке. Я не говорю о прямой связи, но параллель есть», — отметил он, добавив также, что та неустойчивость, которая сегодня сохраняется в США, в том числе в связи с бюджетным кризисом, продолжит сказываться на ситуации в мире: «то, что происходит в США, влияет на весь мир».

Владимир Ефимов

Реакция арабов на ирано-американское сближение

«Отепель», которую сейчас переживают отношения между США и Исламской Республикой Иран, вызывает серьезные опасения не только у израильского руководства. У непосредственных соседей ИРИ, арабских монархий Персидского залива, она стала причиной настоящей паники. Настоящая причина сближения

США и Ирана — не приход к власти Хасана Роухани, а страх американской администрации перед военным решением сирийской проблемы. Они отмечают, что США понимают: без участия Тегерана невозможно решить этот вопрос дипломатическим путем. Запад нуждается в Иране, как в главном союзнике Асада. Это позволит Ирану добиться значительных уступок в том, что касается ядерных разработок, а также влияния в Ираке, Ливане, Сирии и Бахрейне.

Власти Саудовской Аравии до сих пор не прокомментировали телефонный разговор между президентом США Бараком Обамой и президентом Ирана Хасаном Роухани. В Эр-Рияде считают Вашингтон своим главным союзником, а Тегеран — главным противником. В королевстве полагают, что Иран использует проживающих в арабских странах шиитов для дестабилизации обстановки. Если ранее в Саудовской Аравии рассчитывали на американскую поддержку, теперь там осознают, что арабским монархиям придется противостоять угрозам самостоятельно. Общая мысль примерна такова: Мы не понимаем, почему администрация США открыла перед Тегераном двери, прежде надежно закрытые, ведь, до Обамы Иран называли в США частью «оси зла». Арабские аналитики также отмечают, что у государств Персидского залива есть рычаги влияния на американскую политику. Их значительные финансовые возможности позволят им задействовать лоббистов в Вашингтоне, чтобы противостоять любым инициативам Обамы. Они также могут начать вывод своих авуаров из долларовой зоны, что дестабилизирует курс этой валюты.

Союз осиротевших

По мнению влиятельной израильской газеты «Гаарец», сирийский кризис еще раз продемонстрировал, что характер исторического конфликта между арабским миром и еврейским государством претерпел кардинальные изменения.

И что против радикальной исламской оси якобы даже формируется стратегический союз между Израилем, Египтом, Саудовской Аравией, Иорданией и странами ССАГПЗ. Израильяне и умеренные сунниты внимательно наблюдали за действиями США в регионе в последний период. И пришли к выводу, что остались в одиночестве. В полном одиночестве. В отсутствие американского «покровителя», несущего ответственность, Нетаньяху, египетская военная элита, нефтяные монархии Аравии, по мнению «Гаарец», пытаются опереться друг на друга. Новый арабо-израильский «союз осиротевших», по мнению израильской газеты, становится чуть ли не самой важной силой на Ближнем Востоке. Но это уже явный перебор и искажение реалий, когда желания выдаются за действительное. Тем более что газета «Гаарец» выражает интересы правых во главе с Нетаньяху.

Сейчас консервативные круги еврейского государства на каждом углу кричат и упорно доказывают, что сближение США и Исламской Республики Иран вновь продемонстрировало единство Израиля и арабских монархий Персидского залива в вопросе иранской ядерной угрозы. 2 октября в новостях Второго израильского телеканала сообщили, что высокопоставленные представители Израиля и арабских стран проводят интенсивные консультации по данному вопросу. По сведениям журналиста Уди Сегала, в ходе тайных встреч с лидерами государств, с которыми у Израиля нет дипломатических отношений, стороны обсудили способы совместного противостояния американско-иранскому сближению. Участники консультаций опасаются, что Тегеран воспользуется диалогом с Вашингтоном, чтобы довести до конца ядерные разработки. Следует отметить, что этого вопроса коснулся в своем выступлении в ООН и глава правительства Биньямин Нетаньяху. «Опасения перед иранской угрозой заставили наших арабских соседей признать, что Израиль больше не является их врагом. Это дало возможность наладить новые отношения», — заявил израильский премьер-министр. «Times of Israel» цитируют близкого к Нетаньяху депутата Кнессета от партии «Ликуд» Цахи Анегби, по словам которого, Израиль больше не верит заявлениям американского руководства о готовности прибегнуть к силе, чтобы не позволить режиму аятолл стать обладателем ядерного оружия.

Так почему наблюдается столь нервная реакция реакционно-консервативных монархий ССАГПЗ и правых сил Израиля на американско-иранское сближение? Все просто. В реальности случилось то, что аналитики Израиля и многих арабских стран, зашоренные стереотипами мышления прежнего периода, просто прозевали тот момент, когда в Тегеране и Вашингтоне пришли к осознанию того, что в интересах обеих стран нормализовать отношения, которые были заморожены на протяжении 34 лет. Иранские политики более трех десятилетий находились в поиске альтернативы внешнеполитической ориентации, отдавая предпочтение Европе, России и Китаю, что привело к полному банкротству представлений о партнерах и союзниках. Данный поиск был весьма сложен для понимания отдельных политических инициатив, но сейчас уже нет смысла предлагать какие-либо оценки политических результатов прежнего курса ИРИ. Тем более, что ни один из противников Ирана так и не сумел добиться чего-либо существенного в части конфронтации и враждебной политики.

Иранские политики практически всех толков и взглядов поняли, что в мире есть единственная крупная держава, являющаяся по определению партне-

ром и союзником Ирана, это — США. Из всех «альтернативщиков» только Китай в какой-то мере проводил последовательную и независимую политику в отношении Ирана. Ведущие европейские государства и, в определенной мере даже Россия, проявили свою полную или частичную недееспособность выстраивать свои отношения с таким государством, как Иран. Даже Великобритания, имеющая колоссальный опыт политики в данном регионе, продемонстрировала свою несостоятельность в проведении политики в отношении Тегерана, причем, по нескольким вариантам и версиям.

Ирану нанесен огромный экономический и политический ущерб в результате проведения политики санкций, но, что при этом получили США? Без соучастия Ирана США оказались в довольно сложном положении на огромном пространстве от Средиземноморья до Китая. Позиции США в условиях арабских революций могли бы быть более предпочтительными, при условии более-менее понятных отношений с Ираном. США совершенно иначе вели бы диалог с Турцией и Пакистаном, если бы американо-иранские отношения не были столь напряженными. Таким же образом складывались бы политические приоритеты США в отношении Ирака и Сирии. Партнерство с Ираном оказало бы важную услугу США в проведении политики в Центральной и Южной Азии. Многие инициативы США на Ближнем Востоке, а также в центральной Евразии завершаются провалами во многом из-за отсутствия взаимопонимания с Ираном.

Ирану нанесен огромный экономический и политический ущерб в результате проведения политики санкций, но, что при этом получили США?

В настоящее время США и Иран приступили к шагам по сближению, выяснив, что между ними гораздо больше интересов, чем проблем. Причем, следует понимать, что данное сближение в какой-то мере стало происходить до недавних президентских выборов в Иране. Но США и Иран слишком обильно наполнены противниками сближения друг с другом, чтобы ожидать быстрых решений и разрешения проблем, однако Пентагон сейчас в особенности заинтересован в частичном разрешении проблем в отношениях с Ираном. Кроме того, этому будут сильно мешать арабские страны Персидского залива и Египет, которые привыкли видеть в США своего «покровителя», и Израиль, пока последний не осознает, что ему самому выгоднее партнерство с Ираном, нежели с салафитами и ваххабитами Аравии, для обеспечения своей безопасности, поскольку именно аравийские монархии порождают и финансируют исламский экстремизм и терроризм.

Перед Пентагоном стоят более чем сложные проблемы и даже агрессивные намерения американских политиков и лоббистов в отношении Сирии не были одобрены военными кругами в США. Что касается Ирана, то в Вашингтоне давно имеется однозначное решение — война исключается, и настало время для урегулирования отношений с Тегераном. Аналогичные настроения стали более чем популярны и в Иране, прежде всего, в среде право-либеральных и право-консервативных кругов. США могли бы одним шагом кардинально изменить ситуацию в регионе — занять более компромиссную позицию в отношении ядерной программы Ирана. Американцы давно поняли, что Иран не может не создать ядерного цикла, и опасаются

вовсе не гипотетической ядерной бомбы в руках Ирана как таковой, а отсутствия договоренностей с Ираном.

Необходимо понимать, что в политике США стратегия безопасности, как геополитическая игра, трансформируется в реальные политические задачи. Американские аналитики хорошо поняли: как бы ни были раньше вызывающи заявления иранских политиков, в отличие от соседей, Иран — не агрессор, а находится в «круговой обороне» и ему необходим такой партнер, как США. Как ни странно, но именно события в Сирии и приход Хасана Роухани стали катализатором понимания «обреченности» США и Ирана на сближение. На протяжении 34 лет Иран и США находились в состоянии ожидания или выжидания, и дождались — международное сообщество (возможно, кроме арабских государств, Израиля и Турции) «санкционировали» примирение и урегулирование американо-иранских отношений. Неизбежное случилось и теперь нужно только ждать, чем завершится начатый процесс и до какого уровня дойдет американо-иранская нормализация.

Татьяна Сеницына

Русский подвиг в Бушере

Судьба АЭС «Бушер» — остросюжетный роман, с захватывающим драматическим сюжетом, нетривиальными героями, полный интриг, непростых испытаний, взлетов и падений, скандалов и примирений. А в итоге всех страстей — благополучный конец с шампанским и обнадеживающими перспективами.

«Иранский народ долго ждал и вот получил желаемое»

Историческая хроника этой необычной, пропавшей русским потом и духом иранской атомной энергетической стройки вместила в себя невероятный труд, блеск инженерного интеллекта, силу человеческой воли. И сегодня уже ни у кого не вызывает сомнений ясный факт достигнутого результата: АЭС «Бушер» построена и генерирует энергию. У нее только один атомный реактор, 436-й на земле.

В последнюю неделю сентября, 23 числа, был подписан протокол о полной передаче АЭС «Бушер» в руки заказчика — Исламской Республики Иран. Как полагается, с гарантией, распространяющейся на 7 тысяч часов работы, т.е. — на два последующих года. «Иранский народ ждал этого момента 37 лет, и вот получил желаемое», — сказал на церемонии подписания протокола глава Организации по атомной энергии Ирана Али Акбар Салехи.

Так атомная электростанция «Бушер», сооруженная российскими специалистами на берегу Персидского залива, завершила свой инженерный образ и вошла в цикл суверенной жизни. Из российского персонала, доходившего почти до двух тысяч человек, на станции осталась лишь небольшая группа топ-экспертов — для консультаций и технической поддержки.

Теперь эксплуатация объекта в полном объеме находится под ответственностью хозяина. Одновременно с ходом строительства в России, на базе Нововоронежского учебно-тренировочного центра, для «Бушера» готовился иранский персонал, более тысячи специалистов.

В эту уникальную стройку были вложены колоссальные ресурсы — человеческие, технологические, интеллектуальные. Невозможно забыть и о серьезных дипломатических усилиях, сыгравших немалую роль в разных обстоятельствах. В процессе строительства был «распутан» целый клубок трудных проблем — инженерных, договорных и прочих, требующих оригинальных

решений, гибкости и компромиссов, а в целом — бесконечного терпения, упорства и самозабвения. Слава Богу, русским этого не занимать!

Книга рекордов Гиннеса не должна упустить столь уникального факта, который вряд ли имеет шанс повториться: АЭС «Бушер» от идеи — до включения в национальную энергосеть — пришлось прожить целых 37 лет! Долгострой, не имеющий аналогов: обычно атомный энергообъект возводится не более чем за 5 лет, а то и быстрее.

«Благоуханное поселение»

Бушер (или Бушир) — достаточно большой песчаный полуостров, врезающийся в воды Персидского залива. Здесь солнечно и тепло, однако летом распалается жара, достигая 45 °С и выше. С ней спорит влажная морская прохлада. Для местных жителей это — родные пенаты, но для россиянина — суровое испытание. Мне приходилось глубоко прочувствовать подобный климатический пассаж в Джибути и скажу: непросто жить европейцу в этом экстриме, да еще и работать под открытым небом.

С древних, еще домусульманских времен на бушерском берегу стоит город, одноименный с полуостровом. Руины древних поселений, развалины голландской крепости свидетельствуют о бурных исторических событиях, некогда здесь происходивших. Город-гавань, Бушер всегда был открыт кораблям, заходившим сюда, — кто с добром, а кто со злом.

Знаток персидского языка Петр Гончаров сказал мне, что название «Бушер» (Бушир) можно интерпретировать как «Благоуханное поселение». Горячее дыхание пустыни в союзе с морскими бризами, хозяйничающими на полуострове, способствуют буйному цветению прекрасных роз, нежных олеандр, роскошных деревьев орхидей, инжира, миндаля, фиников, цитрусовых.

Название «Бушер» (Бушир) можно интерпретировать как «Благоуханное поселение»

Все это — достоинства местной красоты, аборигены природы. И уж конечно, пустыня всегда была родной стихией пальм, алоэ, кактусов.

Бушер — центр одноименной провинции, у него много профессий, нужных стране, достаточно сказать, что сегодня это — второй по значимости порт Исламской республики. И он мог бы еще долго жить в устоявшемся ритме, когда бы волею

судеб не взлетела его карьера. Еще при шахе Мохаммеде Реза Пехлеви, в 1975 году, в 18 километрах от города, близ берега, было выбрано место для атомной электростанции

Население полуострова приветствовало эту перспективу, люди понимали, что цивилизация прикоснулась к их месту высокотехнологичным перстом и благодаря атомной станции провинциальный район приобретет особый статус, поднимется экономически, и все это откроет новые возможности.

Змеи же были очень недовольны

Первым подрядчиком АЭС «Бушер» стал концерн Kraftwerk Union A.G. — филиал германского транснационального холдинга Siemens. Немцы успели

продвинуть стройку до высокой степени готовности, когда вспыхнула исламская революция 1980 года. Монарх был изгнан, американское посольство в Тегеране захвачено. Реакция мира была соответствующей — первым делом Запад ввел эмбарго на поставку Ирану высоких технологий, и Siemens разорвал контракт.

Немцы ушли, бросив все, что успели сделать, и больше никто в мире не соглашался достроить объект, хотя иранцы предпринимали немалые усилия в поисках возможностей завершения проекта. Не удивительно — действовало эмбарго. Кроме того, техническая задача была беспрецедентной — предстояло состыковать разные проекты, срастить неоднокровное оборудование.

Как к последней надежде, иранцы обратились к России. И вряд ли решение Москвы было бы положительным, когда бы ни тяжелые времена исторических потрясений и социально-экономических реформ. Рухнуло советское государство, разбалансировались все этажи общества, в губительной ситуации оказались многие отрасли.

Как рассказывал мне в интервью ныне покойный академик Виктор Михайлов, возглавлявший в 90-е годы Министерство по атомной энергии, «на атомщиках еще висела тень «чернобыльского компромата», и строители АЭС переживали критические времена бездействия. Умение строить атомные электростанции тогда не было востребовано, оно вызывало отторжение у общества. Но профессионалы понимали, что надо спасать блестящую когорту атомной элиты, специалистов, оставшихся не у дел в процессе жесткой отечественной ломки, и это понимали также в Кремле».

Предложение Тегерана было принято. Двадцать четвертого августа 1992 года правительства России и Ирана подписали соглашение о сотрудничестве в сфере мирного использования атомной энергии, а на следующий день уже было заключено соглашение о продолжении строительства АЭС в Бушере.

...«Когда мы, группа российских специалистов, впервые прибыли в Бушер, к месту брошенной стройки, с целью понять, что именно предстоит доводить до ума, всех охватила тоска и немота изумления, — рассказывал мне в ту пору переводчик группы Валерий Тюрин. — Перед нами стояли искалеченные стены, почти занесенные песком. Реактор был во многом готов, однако оставалась незавершенной сферическая оболочка — крыша здания, а само оно зияло пробоинами от ракет времен ирано-иракской войны. Объект почти 20 лет простоял один на один с природой — во власти палящего солнца, песчаных вихрей пустыни и соленых ветров Персидского залива, покрываясь «культурным слоем». Мы вошли внутрь, и были встречены шипением змеиного кагала, заселившего это укромное место и явно недовольного нашим появлением. Змеи расползались на глазах...»

Но трудные задачи только разжигают азарт профессионалов. Засучили рукава — и пошла работа, очень трудная и очень интересная с инженерной точки зрения. Потом привезли семьи, благо поселок, где предстояло жить специалистам, был достаточно комфортным — все же строили немцы, для себя, надеясь жить здесь долго и вслед за одним блоком — строить новые...

Но жребий не выпал, и немецкий уют в Бушере через пять лет был оставлен в наследство русским строителям.

«Таких строек не бывает!»

«Не дай Бог нам еще одной такой стройки! Таких строек мир еще не знал, их просто не бывает! Мы взялись за «Бушер» с отчаяния, — воскликнул когда-то в беседе со мной бывший директор Управления по строительству АЭС в Иране Александр Афров. — У нас с иранцами был подписан контракт на два блока средней мощности ВВЭР-440, и строить должны были

По условиям контракта, предстояло максимально интегрировать в наш проект «наследство», оставшееся от немцев, а они успели завезти немало, почти три четверти того, что требовалось для стройки»

на новой площадке. Но это разумное предложение не было утверждено в меджлисе, депутаты сказали: «Давайте, все же будем достраивать то, что есть». Решение было совершенно некорректным с технической точки зрения — депутаты, конечно, мало что понимали в атомной энергии. Однако рассуждать не приходилось. Со строительной частью дело обстояло проще, но большую «головную боль» доставляло оборудование. По условиям контракта, предстояло максимально интегрировать в наш проект «наследство», оставшееся от немцев, а они успели завезти немало, почти три четверти того, что требовалось для стройки».

Все это оборудование, как уже было сказано выше, находилось в неприемлемом состоянии и требовало серьезного технического обследования.

Специалистам пришлось проработать каждую «железку» — оценивали, отбраковывали, подвергали экспериментам. Через руки экспертов суммарно прошло 35 тысяч единиц различных деталей, конструкций и систем, предназначенных для АЭС. Титанический труд занял четыре года. В итоге оказалось, что можно применить только 5 тысяч единиц, остальное — пришло в негодность или категорически не совмещалось с русским проектом. За всем процессом неотступно наблюдала иранская комиссия, решения утверждались совместно.

В контракте изначально предусматривалось, что реакторная установка, турбоустановка, спецкорпус по хранению радиоактивных отходов и еще ряд систем будут российскими. После долгой инженерной аттестации «немецкого наследия» пришлось дозаказывать у иностранного заказчика оборудование, принимать то, что было изготовлено на российских заводах.

В итоге через руки строителей было пропущено до 46 тысяч тонн различного оборудования (из них 14 тысяч — проинтегрированное немецкое). Внедрить всю эту громаду в высокотехнологичный проект, смонтировать, привести в соответствие, достичь идеала (в атомной отрасли другой стандарт невозможен) стоило невероятных усилий. Причем в мире не существовало никакого опыта подобной работы, и его приходилось обретать на ходу — искать способ, как можно сроднить две совершенно разные конструкторские идеи, два самостоятельных стиля и принципа атомостроительной мысли — германской и российской.

В общем, искусство, с которым все преодолевалось, было сродни виртуозному мастерству лесковского «левши», сумевшего подковать блоху.

Не стройка, а гроссмейстерская шахматная партия

Обычно строители празднуют закладку первого кубометра бетона, но в Бушере праздновали... первую вырубку 3,5 тысяч кубометров бетона из реакторного отделения. Это было необходимо, чтобы вместить российское оборудование. Габариты не совпадали с немецкими параметрами, реакторная установка принципиально другая, да и парогенераторы у россиян — вертикальные, тогда как у Siemens — горизонтальные. И подобные технические «разночтения» проявлялись на каждом шагу. Однако решения так или иначе находились, дело двигалось. «Это была не стройка, а гроссмейстерская шахматная партия, где надо было продумывать свои решения намного вперед, если не хочешь получить «мат», — рассказывал один из участников стройки инженер Геннадий Толбухин.

Российско-иранский контракт на строительство АЭС был заключен в январе 1995 года, и специалисты «Зарубежатоэнергостроя» начали работу. Позже дело продолжал, и уже до конца, его нынешний приемник — инженеринговая компания «Атомстройэкспорт» в системе госкорпорации «Росатом».

Согласно контракту, Россия обязалась поставить один реактор модели ВВЭР-1000, ядерное топливо для него, а также подготовить иранских специалистов для обслуживания АЭС. Завершить работу планировалось в 1999 году. Но, как оказалось, это был очень оптимистичный вариант. АЭС «Бушер» понадобилось еще больше десятилетия, чтобы запустить реактор.

Стройка, на которой было занято 2750 человек (1735 россиян, остальные — рабочие иранских фирм, принимавших участие в строительстве под контролем российских специалистов) шла в атмосфере постоянной нервозности. Стороны оспаривали проблемные ситуации, конфликтовали, работы неоднократно приостанавливались, переходила в вялотекущий режим. При этом — изматывающий климат и сизифов фронт работ.

В 2006 году между заказчиком и подрядчиком разразился настоящий скандал. Российская сторона обвиняла Иран в недостаточном финансировании строительства. Дело дошло до крайности — Тегеран заявил о том, что он уже рассматривает другие кандидатуры для завершения строительства. Но это, конечно, были эмоции — кто бы мог еще взяться за такое технически сложное дело, приобретшее репутацию одиозного, почти безнадежного.

Позже были еще и распри из-за ядерного топлива — спорили о цене, о том, когда доставят твэлы из Новосибирска, с завода химконцентратов и пр. Недопонимание между сторонами преодолевалось более года, после чего заказчик и подрядчик все же «ударили по рукам» и возобновили работы с новой энергией. Правда, ситуация была уже принципиально иной: Россия «не достраивала» АЭС, а сооружала станцию под ключ, с развязанными руками и полной мерой ответственности.

Ядерное топливо въезжало в Бушер, будто Кир Великий

Прошло немало колдоворогов природы, прежде чем 21 августа 2010 года прибывший в Бушер глава «Росатома» Сергей Кириенко объявил о завершении строительства АЭС и переходе к новому этапу — физическому пуску.

Процесс загрузки ядерного топлива проходил под пристрастным оком МАГАТЭ, контролировавшем каждый шаг.

Попутно замечу, что ядерное топливо это — не какая-то масса, жидкость, твердь или другая субстанция. Оно изготавливается и поставляется в виде тепловыделяющих сборок, которыми «начинается» реактор. У модели ВВЭР-1000, примененной в АЭС «Бушер», активная зона состоит из 163 сборок, заполненных таблетками, содержащими 8 граммов диоксида урана. Всего в энергоблок загружается более 17 млн таких таблеток, и каждая их них эквивалентна энергии 50 баррелей нефти, 40 тонн каменного угля, 900 кубометров природного газа.

Тут сразу становится понятно, почему многие страны, даже имея богатые естественные кладовые нефти, газа, какими обладает Иран, все же стремятся заполучить атомные источники энергии — емкие, экологичные, дающие возможность беречь невозполняемые кладовые природы.

Конечно, существует проблема т.н. ядерных отходов. Опять же, это не какая-то «гадость», достойная мусорной свалки, как представляет себе обыватель, а предмет, заслуживающий эпитет «драгоценный», — столько дорогостоящих элементов он содержит. Да, пока еще физики не нашли способа, как в полной мере переработать, утилизировать «ядерные отходы» — многие из них содержат продукты долгого распада, их приходится хранить в остеклованном виде, в специальных хранилищах.

Но жизнь идет вперед, в колыбелях лежат будущие физики, которые, наверняка, найдут решение. А, возможно даже, они уже слушают лекции в университетских аудиториях...

Прибытию топлива вместе с иранцами радовались и русские, которым хотелось как можно скорее завершить, наконец, этот «бесконечный» проект

...Ядерное топливо (атомщики добавляют к нему эпитет «свежее») было доставлено в Бушер за 20 дней до начала физического пуска, в первый августовский день. Это обычное, вполне техническое дело для Тегерана было «знаковым», воледеленным, поскольку страна жила в турбулентной атмосфере политических пререканий, подозрительности и недоверия, связанных с т.н. «иранским ядерным досье». Именно поэтому церемония за-

воза ядерного топлива в хранилище была обставлена подчеркнуто торжественно: казалось, в Бушер явился на колеснице сам Кир Великий. Прибытию топлива вместе с иранцами радовались и русские, которым хотелось как можно скорее завершить, наконец, этот «бесконечный» проект.

Но не тут-то было. По требованию МАГАТЭ, топливо выгружалось из реактора и потом снова загружалось. Инспекторское око, видимо, что-то подозревало, искало, но не нашло.

Не страшен даже тяжелый «Боинг»...

За четыре дня до приезда главы Росатома Сергея Кириенко, 17 августа 2010 года, «Бушер» пережил остросюжетное ЧП, напряженный драматический момент, завершившийся вмешательством боевой ракетной установки. Утром 17 августа истребитель F-4 ВВС Ирана, по непонятной причи-

не, нарушил двадцатикилометровую бесполетную зону вокруг Бушерской АЭС. Самолет пришлось сбить ракетным комплексом ПВО. В мире хорошо помнили трагедию американских зданий-близнецов. К счастью, оба пилота благополучно катапультировались. Никакого криминала: оказалось, что экипаж выполнял тренировочный полет и «заблудился» в небе по причине технической неисправности самолета.

Тут несведущий может подумать: «А если бы атомная станция уже действовала и над ней появился бы не «заблудившийся истребитель», а злонамеренный самолет-террорист, имеющий цель протаранить реакторное здание... Что тогда?»

Ничего. Чернобыльская трагедия стала жестоким, но и бесценным уроком, многому научившим российских атомщиков, и теперь АЭС проектируются и, соответственно, сооружаются с большим запасом прочности. В частности, реактору ВВЭР-1000 не страшно даже падение тяжелого «Боинга».

Нельзя забыть и о другом ЧП — землетрясении с магнитудой 6,6 баллов, произошедшем в районе Бушера в апреле прошлого года. Стихия разрушила несколько населенных пунктов, были жертвы и пострадавшие. В тектонической зоне оказалась и АЭС «Бушер» — как будто сама мать-земля проверяла станцию на прочность. Эпицентр находился всего в сотне километров от новенькой АЭС, толчки, конечно, ощущались, но станция продолжала работать в штатном режиме, а радиационный фон сохранял норму. Российские специалисты успокаивали: конструкция способна выдержать землетрясение в девять баллов по шкале Рихтера. А в Индии блок ВВЭР-1000 спокойно выдержал удар цунами.

Здесь к месту сказать о том, насколько в целом безопасен построенный в Бушере атомный реактор. Цифры, снимающие сомнения, таковы: допускается вероятность одной аварии в миллион лет... На этом фоне век атомной станции, которой регламентом отведено от 40 до 60 лет, — просто мгновение, равно, как и век человеческий.

Цифры, снимающие сомнения, таковы: допускается вероятность одной аварии в миллион лет

Миром правит джоуль, и ничего тут не поделаешь

«Напряженный труд делает людей нечувствительными к огорчениям», гласит мудрость Цицерона. В Бушере имел место тот самый случай. Между тем огорчения были, и весьма серьезные. Иногда для русских строика, что называется, «висела на волоске». Достаточно еще раз вспомнить тот конфликтный политический фон, бесконечные миссии МАГАТЭ — от 50 до 70 экспертных проверок в год, которые проверяли документацию, оценивали меры безопасности, вникали во все мелочи. Иран во всем шел навстречу — обещал сообщить заведомо сроки пуска станции, согласился возвращать в Россию облученное (отработавшее) ядерное топливо, а также присоединиться к венской Конвенции о ядерной безопасности (недавно это обновленное намерение подтвердил иранский президент Хасан Роухани).

Пуск станции был, конечно, большим успехом. Однако в международном пространстве его интерпретировали по-разному. Во-первых, не все считали

его таковым: оппоненты говорили, что объект, мол, не так уж идеально построен, у заказчика остаются претензии и пр. Но зачем бы тогда заказчик делал плохому подрядчику новые предложения? Не логично, как-то.

Иранский успех «Бушера», завершение этого проекта является еще одним свидетельством того, что международные санкции, принятые для того, чтобы сорвать ядерные амбиции Ирана, не работают

В ходу был и такой аргумент : «Иранский успех «Бушера», завершение этого проекта является еще одним свидетельством того, что международные санкции, принятые для того, чтобы сорвать ядерные амбиции Ирана, не работают».

Но почему у Ирана, одной из древнейших цивилизаций мира, не может быть подобных амбиций? Я имею в виду, конечно, их мирный аспект. Правила МАГАТЭ не запрещают ни одной стране сооружать АЭС. И чтобы не было опасной «кустарщины», государства, обладающие ядерными технологиями, призваны помогать строить АЭС тем, у кого нет опыта в этом деле. Мировому сообществу, наверняка, жилось бы более комфортно и безопасно, когда бы все принятые международные договоренности работали бы надежно, как часы, швейцарские, конечно.

Санкции в отношении Ирана, беспрецедентное давление американцев, всячески вставлявших палки в бушерские колеса, объясняются, конечно, тем, что они двукратно не хотели завершения строительства «Бушера»: и потому что «страна-изгой» все же заполучит ядерный объект (пусть даже мирный), и еще потому, что реализует проект Россия, укрепляя тем самым имидж надежного, высокотехнологичного партнера, а заодно и свои позиции на Ближнем Востоке в целом.

Взяться за Бушер — было действительно отчаянным, почти сумасшедшим делом со многими рисками, с непредсказуемым исходом, и при этом на кону были имидж страны, ее честь. Но сегодня ясно, что Россия не ошиблась, решившись на бушерскую стройку. Выполнена инновационная, творчески захватывающая инженерная работа. И «все змеи» остались позади. Иранцы просят россиян соорудить второй блок — парная АЭС эффективнее, экономичнее. И вообще — у них грандиозные планы, правда концептуальные, пока без экспертных оценок и экономических обоснований — соорудить 11, а то и больше атомных энергоблоков... Но, как говорится, человек предполагает, а Бог располагает. Предполагали построить «Бушер» германские специалисты, а жребий выпал русским...

Сегодня у российской госкорпорации «Росатом» список очередников, желающих построить АЭС: турки, белорусы, вьетнамцы, аргентинцы, египтяне, алжирцы, индонезийцы и список можно продолжать. Даже англичане не прочь воспользоваться услугами русских атомостроителей.

Что делать, «миром правит джоуль»...

Игорь Николаев

Ирано-американское сближение: плюсы и минусы для России

Если начало сентября нынешнего года можно было смело называть «декадой российской дипломатии», то конец месяца, без всякого сомнения, стал декадой дипломатии иранской. Из своего участия в Генассамблее ООН президент Хасан Рухани выжал в плане создания площадки для диалога

с Западом максимум возможного и даже чуть больше. Медиа заговорили, что Иран разворачивается к Западу, что нормализация ирано-американских отношений — вопрос нескольких месяцев. На фоне этих сообщений не мог не возникнуть главный для российской аудитории вопрос: «Ирано-американское сближение — хорошо это для России или плохо?» В постановке самого вопроса кроется некое лукавство. То, что Россия длительное время дистанцировалась от Исламской Республики — особых вопросов и протестов у экспертов как-то не вызывало. Как только Иран, не дождавшись ответа Москвы на свои предложения о стратегическом партнерстве, вынужден был самостоятельно искать выхода из международной изоляции — сразу появились российские «опасения». Впрочем, сейчас речь не об этих нюансах, речь о другом: об объективной оценке так называемой «ирано-американской нормализации».

В рассуждениях о наметившемся якобы ирано-американском сближении упускается очень важное, на мой взгляд, обстоятельство — а каковы, собственно, границы диалога между Вашингтоном и Тегераном? То есть — как далеко стороны, США и Исламская Республика, могут на пути взаимных уступок зайти ради нормализации двусторонних отношений. И если мы начнем рассматривать происходящие сейчас процессы именно под этим углом, если мы отвлечемся от броских заголовков медиа и вернемся к повседневной реальности, то с удивлением обнаружим, что говорить о некоем «ирано-американском сближении» как минимум преждевременно.

Разумеется, можно сколько угодно долго подчеркивать «исторический характер» телефонного разговора между Обамой и Рухани. Но более показательным, на мой взгляд, является то обстоятельство, что в те же дни, когда шла Генеральная ассамблея ООН, МАГАТЭ, организация абсолютно зависимая от Вашингтона, вернулась к рассмотрению вопроса о «военной составляющей» иранской ядерной программы. И состоявшиеся консультации Агентства с иранскими представителями закончились безрезультатно.

Телефонный звонок Обамы, миролюбивая риторика Керри — это, конечно, замечательно. Но в канун президентских выборов в Иране был принят но-

вый санкционный пакет, который окончательно закрепил финансовую изоляцию Ирана. Ни администрация Белого дома, ни уж тем более Конгресс даже не инициировали рассмотрение вопроса о временной приостановке санкционного режима, что было бы крайне логичным жестом «доброй воли», рассчитывая США действительно нормализовать двухсторонние отношения. Все это позволяет сделать вывод, что говорить о некоей «нормализации» более чем преждевременно. И у Вашингтона, и у Тегерана есть серьезные ограничители в диалоге, своеобразные красные линии, переступить через которые не может ни одна из сторон.

«Прозападные тенденции» в Тегеране: между мифом и реальностью

Ослабление уровня конфронтации с Западом сегодня является для Ирана необходимым по целому ряду экономических и политических причин. Соответственно, требуется и смена риторики, и определенные демонстративные шаги, которые Запад мог бы расценивать как готовность к диалогу. Нужно понимать, что и в экономике, и в общественной структуре сегодняшнего Ирана назрела необходимость определенных реформ. Это обычная практика, потому как любое нормальное государство каждые 10–15 лет что-то внутри себя «ремонтирует». Да, Исламская Республика достигла огромных успехов. Сам факт того, что экономика страны выстояла под напором беспрецедентных санкций, факт того, что общество осталось стабильным и лояльным — более чем высокая оценка государственному строю. Но сегодня развитию Ирана необходим новый импульс, усвоение экономических, социальных и внешнеполитических уроков «санкционной агрессии», развязанной Западом. Это понимают практически все в иранских политических элитах.

Ослабление уровня конфронтации с Западом сегодня является для Ирана необходимым по целому ряду экономических и политических причин

Но одновременно эти иранские политические элиты понимают, что Иран — булыжник в обуви США, НАТО и транснациональных корпораций, мешающий им «весело шагать по просторам» Ближнего Востока. Геополитические цели Вашингтона и Брюсселя в отношении Ирана остаются неизменными. Иран может рассчитывать на нормализацию отношений с Западом только в том случае, если «сдаст» Сирию, откажется от поддержки Хизбаллы, закроет глаза на нарастающее суннитско-шиитское противостояние, согласится с присутствием НАТО на Каспии и расширением военно-политической активности в Центральной Азии. Но в таком случае Иран окажется не просто в геополитической изоляции, он утратит все свои позиции и вынужден будет отказаться от сколько-нибудь самостоятельной внешней политики.

Для Тегерана достаточно многозначительно прозвучали слова, сказанные министром иностранных дел Франции Лораном Фабиусом. Сказанные, замечу, именно в те дни, когда проходила Генассамблея ООН и медиа «упивались» деталями диалога Ирана с Западом. Так вот, Фабиус заявил, что Тегеран должен выполнить два условия — «однозначно принять цели «Женевы-2» (которые предложит Запад) по мирному урегулированию в Сирии,

и не связывать сирийский вопрос с решением иранской ядерной проблемы». Для иранских политических элит это было предельно ясным сигналом того, что Запад готов пойти на нормализацию исключительно в обмен на серьезные геополитические уступки. Фактически — на отказ от основных принципов внешней политики Исламской Республики. Окончательной точкой в деле уничтожения иллюзий с иранской стороны стала история с амнистированием группы лиц, которых на Западе называли «иранскими диссидентами или политзаключенными». Вашингтон и Брюссель «выразили моральное удовлетворение» этим актом, сказали много красивых слов — но ни одного о том, когда начнется процесс сворачивания «калечащих санкций». Вот Вам истинная позиция США и Запада.

Для руководства Исламской Республики становится очевидным, что Вашингтон в вопросе «нормализации отношений» предпочитает для Тегерана «короткий поводок», и нет никаких гарантий, что в обмен на уступки с иранской стороны, с другой стороны последуют не слова и обещания, а реальные шаги в экономических и политических вопросах. Разумеется, было бы неправильным утверждать, что подобная адекватность восприятия позиции Запада присуща в Иране всем без исключения. Иллюзии о возможности нормализации существуют и в определенной части иранского общества, и в определенной части политических элит. Эти иллюзии и добрые ожидания возникают у той части иранцев, которые традиционно симпатизируют США и Западу, и которые хотят восстановления отношений с Западом при любых условиях. В реальности, подавляющее население Ирана хочет восстановления отношений с Западом, в том числе и с США, и даже готовы согласиться с определенными уступками, но ни принципиального, и тем более стратегического характера для Исламской Республики. Резких движений в сторону Запада не будет и по той причине, что система сдержек и противовесов Исламской Республики построена таким образом, что «политические утописты» и безоглядные реформаторы практически не имеют шансов занять ключевые посты. А это означает, что пресловутый «курс Ирана на Запад» является набором иллюзий. Это означает, что Иран сегодня в отношениях с Западом ограничивается больше демонстрациями и декларациями, чем реальными уступками.

В реальности, подавляющее население Ирана хочет восстановления отношений с Западом, в том числе и с США

Границы сближения для Вашингтона

Понимает ли Запад декларативность и демонстративность иранских шагов? Понимает ли он, что Иран не откажется от принципов Исламской Республики? Уверен, что понимает и не испытывает особых иллюзий по поводу «демократичности» Рухани и перспектив «либерализации» Исламской Республики. Другое дело, что Запад сегодня не меньше Ирана заинтересован в диалоге и в снижении уровня конфронтации. Для Вашингтона и Брюсселя нормализация отношений с Ираном — не просто некое политическое действие, на эту нормализацию завязаны интересы части экономической элиты Запада. На эту нормализацию завязаны и некоторые геополитические ин-

тересы США. Сегодня Иран — это региональная держава, это государство, которое оказывает огромное политическое влияние на огромном пространстве Востока, от Аравии до Пакистана. Без диалога с таким государством США не могут решать целый ряд собственных задач в регионе. Но при всей значимости диалога с Ираном, для Вашингтона существует та самая «красная линия», которую он никогда не перейдет. Десятилетиями создаваемая американцами и Западом «архитектура» Ближнего Востока держится, по сути, на нескольких элементах. К ним можно отнести два стратегических партнера — Эр-Рияд и Тель-Авив; контроль над Египтом как ключом к Суэцкому каналу; Турция как член НАТО и, одновременно, «модератор» Запада в диалоге с исламским миром. Утрата контроля над любым из этих элементов ведет к разрушению всей конструкции, хаосу и огромным финансовым, экономическим и политическим издержкам.

В последнее время в российской экспертной среде стало модным обсуждать вопрос о том, что якобы Вашингтон ради партнерства с Ираном готов отказаться и от Тель-Авива, и от Эр-Рияда, и от всего остального. Но версии — это одно, а реальная политика — совершенно другое. Сегодня нет никаких признаков того, что США намерены коренным образом менять ближневосточную «архитектуру». В аравийские монархии закачивается оружие, доводя уровень милитаризации Персидского залива до границ здравого смысла. Единственный источник нестабильности этих «нефтяных котлов» — выступления шиитского меньшинства. И здесь мы видим, что Запад предоставил монархиям полную свободу, забыв и о правах человека, и о демократических ценностях. Когда стало ясно, что «братья-мусульмане» оказались не в состоянии обеспечить стабильность в зоне Суэцкого канала, Вашингтон, не промедлив, организовал смещение Мурси теми, кто готов был предоставить гарантии такой стабильности — египетской армией. О поддержке Израиля, поддержке безоглядной, порою — вопреки национальным интересам Америки — и говорить излишне. Поэтому — «красная линия» остается неизменной. Ну а дополнительной гарантией ее нерушимости стали готовящиеся сейчас секретные договоренности между Израилем и Саудовской Аравией в деле «сдерживания» как Ирана, так и сторонников диалога с Исламской Республикой в администрации Белого дома, информация о которых просочилась в прессу.

Российский «коридор возможностей»

Что же в «сухом остатке» после беспристрастного взгляда на фактическую сторону «ирано-американского сближения» и «курса Ирана на Запад»? Да фактически ничего. Диалог, по большому счету, еще и не начинался. А начнись — он станет настолько вязким и долгим, что в итоге обернется лишь некоторыми договоренностями тактического характера, сродни тем, что уже были достигнуты Вашингтоном и Тегераном в 2001 году в отношении Афганистана и в 2003 году в отношении Ирака. Подобные перспективы «нормализации» не только не таят в себе опасностей для России, но и открывают для Москвы новый коридор возможностей.

Во-первых, снижение накала антиамериканской риторики с иранской стороны, чем любил заниматься харизматичный Махмуд Ахмадинежад, суще-

ственно облегчает «модерирование» Россией интересов Ирана на международной арене и, в первую очередь, перед Западом.

Во-вторых, любое ослабление санкционного режима открывает перед Москвой перспективы «вхождения» на иранский энергетический рынок, да и в отношении отдельных элементов военно-технического сотрудничества и НИОКР в оборонной сфере Москве и Тегерану будет договариваться легче. Не с нынешним российским правительством, разумеется, а с администрацией Президента. Необходимо заметить, что, к сожалению, «вхождение» России на иранский рынок может носить лишь ограниченный характер, затрагивающее, как говорилось выше, только энергетику и частично ВТС. Иран готов и дальше держать свои двери открытыми для России практически во всех сферах. Проблема здесь не в иранских устремлениях, не в потенциале экономического сотрудничества и общей емкости иранского рынка, а в состоянии экономики России. Накопившаяся технологическая отсталость, крайне ограниченный ассортимент продукции, конкурентоспособной с аналогичными предложениями даже того же Китая, естественным образом сужают рамки торгово-экономических отношений с Ираном. Кроме того, российская банковская система, которая практически зависит от банковской системы Запада, столь нерасторопна и несамостоятельна, что не в состоянии обеспечить хотя бы нормальное инвестиционное сопровождение и гарантированное финансирование сколько-нибудь крупного проекта. В этой отрасли превосходство западных банков над российскими просто ошеломляющее, а, следовательно, как минимум этот важнейший сегмент рынка для нас потерян, может быть, навсегда. Спасибо «эффективным менеджерам» команды премьера, который, будучи президентом, немало сделал для того, чтобы Россия потеряла иранский рынок. В результате избыточного и безоглядного присоединения России к антииранским санкциям, сотни российских компаний, работающих с этой страной, обанкротились или находятся на грани банкротства. Россия стала терять более миллиарда долларов своего экспорта в Иран ежегодно.

В-третьих. При всех возможных вариантах развития ирано-американского диалога, у России остается неотразимый козырь, возможность применения которого Москвой сейчас достаточно оживленно, пусть и не публично, обсуждается в политических и экспертных «коридорах» Вашингтона и Брюсселя. Речь идет о своеобразном повторении «сирийского сценария», то есть о возможности того, что Россия выступит гарантом мирного характера ядерной программы Ирана.

Самое интересное, что международное сообщество, не его урезанный вариант в виде союзников и особых партнеров НАТО, а реальное международное сообщество, воспринимает данную российскую инициативу с полным одобрением. Словом, любой поворот в ирано-американском диалоге может принести России немалые и политические, и экономические преимущества. Нужно только будет суметь воспользоваться предоставляющимися возможностями. Но за этим — уже не к экспертам, а Сергею Лаврову...

Владимир Мухин

Россия усилит ПВО Ирана новейшими комплексами

Москва и Тегеран договорились в положительном ключе решить вопрос о поставках в Иран российских зенитных ракетных систем (ЗРС). В ближайшие дни Тегеран, видимо, официально откажется от своих требований к России о выплате неустойки в сумме 4,2 млрд долл. в связи с непоставкой этих систем в Иран в 2010–2012 годах. А Москва активизирует переговоры о возобновлении контракта по С-300. Такую информацию сообщили «НГ» военно-дипломатические источники.

В посольстве Ирана в Москве не подтвердили и не опровергли это сообщение. Хотя вчера ряд СМИ процитировали слова пресс-секретаря Министерства иностранных дел Ирана Марзие Афхама: «В соответствии с дружественными связями между Ираном и Россией переговоры между ответственными чиновниками и экспертами продолжаются таким образом, чтобы международные обязательства российской стороны были выполнены и по системам С-300 был достигнут результат».

Как известно, Россия и Иран подписали контракт стоимостью 800 млн долл. на поставку пяти дивизионов С-300ПМУ-1 еще в 2007 году. Но он так и не был выполнен. А в 2010 году, когда Совет Безопасности ООН ввел в отношении Ирана санкции, запрещающие поставку наступательных видов вооружений, тогдашний президент Дмитрий Медведев данный контракт аннулировал. Россия вернула Тегерану аванс в размере 167 млн долл., выплаченный в счет исполнения контракта на поставку ЗРС. А Тегеран потребовал от Москвы выплатить неустойку в размере более 4 млрд долл.

Почему Дмитрий Медведев принял решение не поставлять Ирану С-300, доподлинно неизвестно. Ведь ЗРС С-300ПМУ-1 не является наступательным оружием и является составной частью противовоздушной обороны государства, которое намерено прикрыть свое воздушное пространство от налетов авиации и ракет возможного противника. Ряд экспертов считают, что сделке Москвы с Ираном помешали США, которые в знак уступок при подписании очередного Договора по сокращению стратегических наступательных вооружений (СНВ-3) потребовали от Москвы аннулировать контракт по ЗРС большой дальности для Тегерана. Обещанные Ирану С-300 Москва продала Азербайджану.

Но времена, похоже, меняются. Сообщения о начале переговоров по поставкам Россией в Иран С-300 в последнее время регулярно появляются в российских и зарубежных СМИ. Особенно активно они обсуждаются после встречи президента РФ Владимира Путина с иранским коллегой Хасаном Рухани на полях саммита Шанхайской организации сотрудничества в Бишкеке в сентябре с.г. Москва пока принципиально не опровергла саму идею возможности поставок С-300 в Иран. При этом появилась информация, что вместо С-300ПМУ-1 в Иран могут быть поставлены более современные пять дивизионов С-300ВМ «Антей-2500». (Два таких дивизиона уже поставлены в Венесуэлу.) Их стоимость будет гораздо выше, чем величина контракта на ЗРС С-300ПМУ-1, подписанного в 2007 году. Вот о новой цене контракта сейчас на переговорах Москвы и Тегерана, мол, и идет речь, сообщают источники «НГ».

Косвенно эту информацию подтвердил на прошлой неделе и посол Ирана в России Махмуд Реза Саджади. Он отметил, что «хотя тема затронута (поставок в Иран систем «Антей-2500». — «НГ»), пока серьезных переговоров не проведено». «Серьезные переговоры», видимо, начнутся, когда Тегеран официально откажется от исковых требований к России по контракту на С-300. Такую позицию, как известно, ранее огласил вице-премьер РФ Дмитрий Рогозин.

В экспертном сообществе полагают, что Россия в условиях возможного обострения сирийской проблемы не будет медлить с поставкой современных комплексов ПВО в Иран.

«Россия обязана была осуществлять военно-техническое сотрудничество с Ираном, но давление из Вашингтона не позволило поставить Тегерану чисто оборонительные системы — такие как С-300. Дай бог, чтобы сейчас эта ошибка была исправлена. Россия укрепляет военный потенциал Ирана и тем самым вносит свой вклад, чтобы остановить войну на Большом Ближнем Востоке», — считает президент Академии геополитических проблем генерал-полковник Леонид Ивашов.

С ним согласен и военный эксперт генерал-лейтенант Юрий Неткачев. «Нет секрета в том, что Иран помогает Сирии и стражи Исламской революции воюют на стороне правительственных войск Башара Асада. Россия тоже поддерживает Асада, и эту поддержку надо аккумулировать», — считает он. Неткачев обращает внимание на сообщение немецкой разведки о том, что заключенное в ноябре 2012 года военное соглашение между Сирией и Ираном разрешает Дамаску «размещать на безопасной иранской территории часть военно-воздушных сил и использовать их при необходимости». Таким образом, скорейшее размещение в Иране комплексов «Антей-2500» усилит безопасность не только Ирана, но и ВВС Сирии, уверен генерал.

Сообщения о начале переговоров по поставкам Россией в Иран С-300 в последнее время регулярно появляются в российских и зарубежных СМИ

Владимир Алексеев

Саудовская Аравия все больше толкает США в объятия Ирана

Многие аналитики традиционно считали, что американо-саудовское партнерство непоколебимо и США всегда будут в этом союзе на главных ролях. Однако арабские «революции» и вторжение саудовских войск на Бахрейн в феврале 2011 года, а также выступления саудовских шиитов Восточной провинции в поддержку своих «собратьев» по вере опрокинули эти представления. Саудовская Аравия отвергает возможность вмешательства в свои внутренние дела и обещает отрезать пальцы тем, кто предпримет подобные попытки, заявил 9 марта 2011 года на пресс-конференции в Джидде министр иностранных дел страны Сауд Аль-Фейсал. А чуть раньше МВД КСА выпустило заявление, запрещающее проведение в королевстве каких-либо акций протеста. Позже госдепартамент США также выпустил заявление, в котором указывал на права саудовских граждан на мирные акции протеста, а также право народов на самовыражение. Сауд Аль-Фейсал в ответ подчеркнул, что «ясная позиция КСА заключается в том, что проведение реформ в обществе не может быть достигнуто при помощи митингов и демонстраций».

Ряд аналитиков по Ближнему Востоку в последние несколько месяцев прогнозируют ухудшение отношений между Саудовской Аравией и США по причине противоположных взглядов на разрешение сложившейся ситуации в странах региона, в том числе из-за арабских «революций» и саудовской оккупации Бахрейна, осуществленной по мандату Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). «Это не так. Мы не вмешивались в дела американцев, мы стремимся к этим отношениям и чувствуем, что США также дорожат ими», — сказал глава МИД Саудовской Аравии. Но саудовцы действовали жестко и решительно, невзирая на стратегическое партнерство с Вашингтоном. Тогда госсекретарь Хиллари Клинтон, находившаяся в Каире, заявила: «Чем скорее они (примечание автора — правительство и оппозиция на Бахрейне) сядут за стол переговоров и попытаются найти ответы на законные требования народа, тем быстрее будет найдено решение». А затем она деликатно покритиковала саудовские власти за насилие в отношении шиитских волнений в Восточной провинции КСА и заикнулась о демократии. В результате, саудовский король отказался от встречи с ней, а ее визит в Эр-Рияд, намеченный к проведению после поездки в АРЕ, был вообще отменен.

Учитывая нынешние крайне непростые реалии на Ближнем Востоке и в зоне Персидского залива, Саудовская Аравия начала как никогда раньше испытывать необходимость в обновлении руководства спецслужб для мониторинга над ситуацией и прогнозирования в целях принятия важнейших политических решений. Особенно в сфере модификации отношений с США, которые перестали безоговорочно вставать на сторону КСА. Исходя из того, что за последние 2,5 года внутривнутриполитическая ситуация во многих странах арабского мира претерпела кардинальные изменения, саудовской разведке стали необходимы люди, способные выполнять функции своеобразных «кризис-менеджеров», к

которым, без всякого сомнения, можно отнести принца Бандара бин Султана бин Абдель Азиза Аль-Сауда. Смена руководителя саудовских спецслужб, произошедшая 19 июля 2012 года, была произведена довольно своевременно и правильно. Для Саудовской Аравии, являющейся политическим и энергетическим «гигантом» региона Персидского залива наряду с Ираном, помимо дальнейшего углубления стратегического партнерства с США на нынешнем этапе важно с максимальной долей профессионализма решить целый ряд первоочередных задач. К таковым относятся, прежде всего, ситуация в Сирии и связанное с ней дальнейшее развитие событий в Ливане, иранская ядерная программа и судьба «Хизбаллы», выстраивание партнерских отношений с Египтом и его военной верхушкой, участие в качестве ключевого регионально-го игрока в урегулировании палестино-израильского конфликта, дальнейшее проникновение в Йемен, дальнейшее ведение «подковерной» войны с Ираном за определение политического будущего Ирака, не говоря уже о внутривнутриполитических угрозах, с которыми столкнулось королевство в свете непрекращающихся шиитских волнений как в Восточной провинции КСА, так и в соседнем Бахрейне.

В данном контексте нельзя сбрасывать также со счетов информационный скандал, в центре которого оказалась принцесса Ламья, дочь бывшего главы саудовской разведки принца Мукрина. Согласно появившихся в арабских СМИ в начале мая 2012 года сообщений, принцесса под прикрытием саудовских секретных служб вывезла из Каира миллиарды долларов, принадлежавших семье Хосни Мубарака, воспользовавшись находящимися в Красном море саудовскими королевскими яхтами, а также чартерными авиарейсами. Нельзя исключать и того, что смещение принца Мукрина с должности главы Управления общей разведки стала своеобразным оправдательным шагом семьи Аль-Сауд перед новым египетским руководством, призванным хоть каким-то образом сгладить имеющиеся у сторон противоречия вокруг персоны Хосни Мубарака и его семьи.

Повторный выход на авансцену политической жизни королевства принца Бандара бин Султана, находившегося последнее время в своеобразном «информационном забвении», стало попыткой семьи Аль-Сауд перейти к прагматичной, бескомпромиссной и более агрессивной внешней и внутренней политике с целью возвращения себе статуса безоговорочного регионального лидера. Особенно актуальным это выглядит в свете выхода КСА в течение последних трех лет на главные роли на Ближнем Востоке, вызванного событиями т.н. «арабской весны». Нельзя сказать, что Бандар бин Султан имеет менее скандальную репутацию, нежели смещенный с поста главы саудовских спецслужб принц Мукрин. За годы работы на должности посла Саудовской Аравии в США Бандар бин Султан стал источником многочисленных сплетен, которые с удовольствием тиражировали все ведущие мировые СМИ. Его имя фигурировало в коррупционных расследованиях, проводимых Скотланд-Ярдом в связи с подкупом британских должностных лиц, причастных к подписанию многомиллиардных контрактов на поставку современных видов вооружений в Саудовскую Аравию. Широко известен Бандар ибн Султан также среди американского политического и делового истеблишмента, успевшего наладить с ним тесные связи, учитывая, что саудовский посол пробыл на посту главы дипмиссии КСА в Вашингтоне целых 22 года. Известен он и тайными связями с некоторыми ведущими деятелями Израиля правого толка, в том числе по вопросам, связанным с ХАМАС и ПНА, а также контактами с произраильским лобби в США.

Захлестнувшие Ближний Восток «демократические» потоки породили тревогу в Вашингтоне и европейских столицах. Все западные государства официально приветствовали победу «демократии», а на деле — радикального исламизма, в арабском мире, но опасаются потерять «дружественных тиранов», с которыми Запад уже давно ведет дела. С Ливией было проще, по крайней мере, для США, поскольку Америка практически не поддерживала Муаммара Каддафи. Но настоящим испытанием для Америки на преданность делу «демократии» является ее самый давний союзник — КСА. Эр-Рияд выступает в качестве важнейшего нефтедобывающего партнера, на которого Вашингтон давно уже полагается в вопросах стабилизации мирового нефтяного рынка. КСА также является крупным покупателем вооружений. И что самое важное, королевская семья щедро делится своим богатством в Вашингтоне, заводя многочисленных и влиятельных друзей.

Эр-Рияд является, по сути дела, тоталитарной теократией. Горстка дряхлых старцев и 7000 принцев стали истинным наказанием для этой страны с 27 миллионами населения. Там нет ни выборов, ни гражданских свобод, а люди немусульманского вероисповедания не могут свободно отправлять свои религиозные обряды даже дома. Саудовское правительство распространяет исламский фундаментализм (в виде салафизма — самого реакционного и экстремистского направления идеологии ваххабизма) по всему миру, а граждане страны оказывают существенную финансовую помощь террористам. Однако американское руководство никак не подталкивает членов королевской семьи к осуществлению демократических реформ. При этом, никак нельзя сказать, что обеспеченные принципы интересуются американскими политическими ценностями. Режим в Эр-Рияде всегда использовал все силы и средства, необходимые для самосохранения. А сейчас Саудовская Аравия переняла вашингтонскую стратегию и начала насаждать свои ценности за рубежом, начав с Бахрейна и Сирии. Эр-Рияд тогда решил силой задушить зарождающееся демократическое движение в Бахрейне и сохранить диктатуру семьи шейха Халифы, а затем смести светский режим Башара Асада, которому он мстил и за свое поражение в Ливане после убийства премьер-министра Харири.

Саудовский режим сохраняет абсолютную политическую власть, отвергая выборы, как «не соответствующие исламским убеждениям». Даже скромные реформы короля Абдаллы вызывают активное противодействие в королевской семье. Будущее режима кажется неопределенным и беспросветным. Власть практически полностью сосредоточена в руках сыновей бин Сауда. Однако среди стареющих братьев существуют серьезные разногласия по женской линии. Король и наследный принц — в преклонном возрасте и часто болеют. Скоро бразды правления перейдут к следующему поколению и последствия здесь могут оказаться самыми непредсказуемыми. К этой взрывоопасной смеси следует прибавить также межплеменные и региональные разногласия и распри. Казалось бы, саудовское королевство должно стать вполне очевидным объектом американского воздействия с целью демократизации. Однако даже администрация Буша не подталкивала страну к реформам. Не было никаких встреч с диссидентами, не было критики со стороны заезжих американских лидеров, не было даже холодного приема саудовским официальным лицам.

Эр-Рияд пришел в ужас, когда стал свидетелем мощных протестов на Ближнем Востоке. Новые информационные технологии уже не дают королевской династии возможность скрывать от своих граждан всепроникающую коррупцию,

бесхозностью и бедность. Однако режиму при поддержке армии и хорошо вооруженной национальной гвардии удалось избежать массовых демонстраций. Небольшие толпы собирались в ряде городов, особенно на востоке страны, где сосредоточены шииты, однако их быстро разогнали. Когда протесты за границей начали шириться, король объявил об увеличении социальных расходов на 36 миллиардов долларов. Режим также произвел аресты своих критиков и привел силы безопасности в состояние повышенной готовности.

Радикализация населения королевства, которое вначале хочет пока лишь реформ, может распространиться по всему Персидскому заливу. На самом деле, Саудовская Аравия очень сильно рискует, поскольку все это может сыграть на руку Ирану. Эр-Рияд уже обвиняет Тегеран в том, что он провоцирует беспорядки среди шиитов, но реалии таковы, что, наоборот, Иран вовсе не является движущей силой в этих действиях, в подстегивании шиитов Восточной провинции и Бахрейна на выступления.

Действия Эр-Рияда могут взбаламутить и иракскую политику. Лидер антиамериканских шиитов Муктада аль-Садр (Moqtada al-Sadr) уже призывает к протестам против действий Саудовской Аравии. Даже глава иракских шиитов аятолла Али аль-Систани, являющийся самым почитаемым среди шиитов духовным лицом и обычно избегающий политики и тот подверг критике Эр-Рияд за закручивание гаек. Действия саудитов грозят привести к еще большему расколу между суннитами и шиитами во всем регионе.

Пока что саудовская монархия кажется жизнеспособной и стойкой, однако ее отношения с США становятся все более натянутыми. Но самые крупные проблемы у королевской семьи Саудов носят внутренний характер. Речь идет об отсутствии у нее легитимности. Вполне можно предположить, что на будущие угрозы они станут реагировать с жестокостью. Вот как это объясняет саудовский министр внутренних дел Найеф бин Абдул-Азиз, являющийся, по сути дела, вторым претендентом на трон: «Что мечом завоевано, мечом и сохраним».

По сути, если режиму будет брошен вызов, он, конечно же, будет надеяться на поддержку Вашингтона. И очень многие заинтересованные лица из Вашингтона выступают именно за такой курс. Однако администрация вряд ли сможет выразить поддержку режиму, нарушающему почти все основополагающие принципы (демократии, права человека, свобода слова и т.д.), за которые выступают США. Вашингтон при таком вопиющем положении вещей не может даже спрятаться за фиговым листком реформ.

А над всей этой сумятицей в регионе спокойно наблюдает Иран. Глупое вторжение администрации Буша в Ирак сняло с Тегерана одно из важнейших ограничений. А теперь Королевство Саудовской Аравии вручило шиитскому Ирану мощный инструмент для расширения числа сторонников в арабском мире. Администрации США сейчас приходится отказываться от широко рекламируемой видимости теплых взаимоотношений между Вашингтоном и Эр-Риядом. Сотрудничество по вопросам, представляющим взаимный интерес, будет по-прежнему иметь большое значение. Но Вашингтону придется установить дистанцию между США и саудовским режимом. А заодно продолжить нормализацию отношений с Тегераном, который сможет заменить КСА в качестве главного стратегического партнера и мощного стабилизирующего фактора в Персидском заливе.

Федор Лукьянов

Перемены на иранском фронте?

Наиболее интригующим событием последних недель стало наметившееся потепление между Вашингтоном и Тегераном. Новый президент Хасан Роухани — человек солидный и подчеркнуто умеренный, избегающий эпатажных проявлений, которыми славился его предшественник.

И хотя реальная власть принадлежит в Иране верховному лидеру Али Хаменеи, тональность и степень гибкости внешнеполитического курса во многом определяется особенностями личности президента. Первые месяцы Роухани это подтвердили — таких примирительных жестов со стороны Тегерана не припомнить, наверное, с начала 2000-х.

Встречные высказывания прозвучали из Вашингтона. Барак Обама готов еще раз попробовать изменить отношения с Ираном, на что он нацеливался еще четыре с половиной года назад. Тогда результат оказался обратным, сейчас появился шанс, хотя мало у кого есть иллюзии. Иран не меняет политическую линию, а использует новую ситуацию для маневрирования. Развитие сирийского сюжета благоприятствует — без Ирана добиться там стабильности невозможно. Пространство для гибкости у Обамы ограничено. Иран вызывает в Америке очень глубокое недоверие: последние 30 с лишним лет не вычеркнешь. Есть фактор Израиля, для США не столько внешне-, сколько внутривнутриполитический. Внутренние дела сейчас доминируют в повестке дня администрации, так что наживать себе влиятельных недоброжелателей из числа симпатизирующих Израилю Белый дом не захочет.

И все же вероятность сближения выше, чем прежде. Прежде всего из-за того, что происходит на Ближнем Востоке в целом. В конце 1970-х годов именно иранские события привели к резкому изменению геометрии американских интересов в регионе. Свержение шаха Мохаммеда Резы Пехлеви и воцарение исламских революционеров-шиитов превратило Иран из опорного союзника США в злейшего врага. С тех пор Вашингтону пришлось сделать ставку на геополитических и религиозных противников Тегерана — суннитские монархии Персидского залива, а в определенный период даже на Ирак Саддама Хусейна. Контакты и влияние в шиитском мире американцы практически утратили, что их долго не беспокоило. Тревожный звонок 11 сентября 2001 года, когда выяснилось, что 15 из 19 террористов — выходцы из Саудовской Аравии, смутил, а «арабская весна» перепутала все карты.

Суннитский мир Ближнего Востока движется в понятном направлении — к исламизации и радикализации. Насколько скоро и надолго исламисты возьмут регион под контроль — вопрос открытый. Опыт Египта показывает, что путь революций может быть зигзагообразным. Но вне зависимости от кон-

кретных поворотов фабулы очевидно, что неизменности и предсказуемости в этой части мира ждать в предстоящие годы или даже десятилетия не приходится. А отношение к Западу меняется не в позитивную сторону. Одним из определяющих факторов становится соперничество разных ветвей ислама, причем шииты не намерены оставаться исключительно в обороне. Отсутствие контактов с ними заметно сужает пространство для маневра США.

Известный комментатор Джордж Фридман, который работает в жанре геополитической беллетристики, но часто подмечает верные тенденции, несколько лет назад написал в своей книге-прогнозе о мире XXI века, что у Соединенных Штатов нет альтернативы пересмотру отношений с Ираном. Только заключив сделку с Тегераном, полагает он, Вашингтон выстроит устойчивую опору на Ближнем Востоке. А поскольку иранцы — нация гордая и амбициозная, договоренность с ними должна быть серьезной и по возможности равноправной, принудить Иран к капитуляции не получится. В качестве аналога Фридман приводил дипломатический разворот, совершенный в начале 1970-х Генри Киссинджером и Ричардом Никсоном на китайском направлении. Установление отношений с Пекином стало важным обстоятельством, которое в дальнейшем способствовало победе Америки в «холодной войне».

В современной политике возможно буквально все — невероятное раз за разом становится очевидным

Любая аналогия, конечно, хромает. Джон Керри при всем уважении не Киссинджер, Барак Обама не Никсон, который слыл настолько правым и реакционным, что мог позволить себе сделку с «дьяволом», не опасаясь обвинений в слабости и беспринципности. Да и иранское руководство имеет много качественных отличий от китайской эпохи Мао. Но зато в современной политике возможно буквально все — невероятное раз за разом становится очевидным.

Отношения России с Ираном никогда не были безоблачными, присутствует обоюдная настороженность, хотя она давно не выливалась в прямые конфликты. И все же Москва оставалась на стороне Тегерана в самые трудные времена, используя свои возможности для недопущения крайних сценариев. Гипотетическое размораживание между США и Ираном лишает Россию особого статуса — иранский рынок, ныне блокированный западным эмбарго, откроется для конкуренции. Однако пользоваться изоляцией Ирана в коммерческих интересах все равно долго не получится — мешают международные санкции, да и идти на открытый конфликт с Америкой и Европой ради торговли с Тегераном Россия не готова.

При любом сценарии Иран остается одним из ведущих самостоятельных игроков на Ближнем Востоке и в прилежащих регионах. Поэтому Москве выгоден выход Ирана из «заточения», но при обязательном условии, что она будет наращивать с ним всесторонние связи, опираясь на опыт сотрудничества в куда менее благоприятных условиях.

Владимир Ефимов

Иран и предстоящий передел границ на Ближнем Востоке

Вот, похоже, и началось. Устав от глупостей зарвавшихся от несметных нефтедолларов Саудовской Аравии и газовых долларов Катара, в США явно приступили к реализации планов, подготовленных еще много лет назад британскими экспертами по этно-конфессиональному устройству Ближнего и Среднего Востока. Речь идет, в первую очередь, о докладах сэра Генри Кэмпбелл-Бэннермена и планах Бернарда Льюиса, в которых оба эксперта по региону объяснили неестественность нынешнего прохождения установленных еще после первой мировой войны границ Ближнего и Среднего Востока вдоль этнических, религиозных и лингвистических линий «разделения».

Тем самым решалась задача через подобного рода «демаркацию» границ установить гегемонию Запада в регионе. Без создания конфликтных зон путем неестественного разъединения населяющих Ближний и Средний Восток народов и конфессий (мусульман-суннитов, мусульман-шиитов, христиан, сабейцев, алавитов, друзов и т.д.) было бы трудно навязывать странам, возникшим на осколках Османской империи, свое господство. «Разделяй и властвуй» — этот английский принцип был положен в основу политики Запада вплоть до последнего времени. Взгляды и концепции этих британских специалистов были основаны на солидном академическом и методологическом подходе, что позволило превратить их теоретические наброски в эффективные планы действий.

Возможно, прежняя стратегия могла бы еще «поработать» несколько лет и даже больше, но тут Саудовская Аравия и Катар, распираемые политическими амбициями, которые ничем кроме финансового ресурса не подкреплялись, решили активно влезть в «арабские революции», разгоревшиеся в рамках американо-английских планов «демократизации» Ближнего Востока, даже и повлиять на их исход. И что получилось в результате? На замену старым и коррумпированным диктаторам пришли вовсе не светские и прозападно настроенные силы, опирающиеся на мощный ресурс молодого поколения, а исламисты, причем зачастую радикальные, исповедовавшие идеи 19-го — 20- веков времен крушения колониальной системы и «хо-

лодной войны» между США и СССР. И они начали крушить все западные задумки и насаждать ваххабитские нормы устройства, навязываемые Эр-Риядом и Дохой суннитским экстремистам, хотя эти две монархии сами давно уже нуждаются в демократизации и ликвидации режимов дряхлых правителей, пришедших к власти еще с идеями 40-х — 50-х годов.

Из-за их упертости и наглого вмешательства, ранее бывший оплотом арабской демократии Тунис, сейчас превратился в исламистское государство; Ливия де-факто развалена на три анклава — Триполитанию, Киренаику и Аззан (последний на днях провозгласил свою автономию); Египет погряз в череде гражданских конфликтов между военными, светскими силами и исламистами, сплотившимися вокруг «Братьев-мусульман», и балансирует на грани очередного кровопролития; Йемен оказался на краю распада на Север и Юг, а в Сирии идет ожесточенная борьба правительственных войск против оппозиции, где правила игры диктуют уже не сирийские мятежники, а арабские джихадисты-иностранцы. Об Ираке нет смысла даже говорить, учитывая, что суннитские боевики западных и центральных провинций ведут дело к созданию анклава «Суннитстан», чтобы объединиться со своими собратьями-суннитами в Сирии. Курдистан уже давно автономен, а вопрос создания «Шиитстана» ставится в повестку дня.

Поэтому Вашингтон, в конечном счете, осознал пагубность проводившейся в последнее время Саудовской Аравией и Катаром подстрекательской политики по дестабилизации ситуации на Ближнем Востоке и резко взял курс на сближение с Ираном, который вполне может заменить собой Саудовскую Аравию в качестве главного стратегического партнера в Персидском заливе с его богатейшими энергоресурсами. Это, кстати, частично отражено в статье специалиста по Ближнему Востоку Робина Райта (Robin Wright), появившейся в воскресном приложении к влиятельной американской газете «Нью-Йорк Таймс» 28 сентября, то есть на следующий же день после голосования в Совете Безопасности ООН по резолюции 2118, в которой сформулированы основные параметры ликвидации химического арсенала в Сирии. Автор, хотя и не делает ссылок на опубликованную еще в июне 2006 г. в журнале *Armed Forces Journal* статью полковника Ральфа Петерса (Ralph Peters) «Кровавые границы: как улучшенный Ближний Восток мог бы выглядеть» («Blood borders: How a better Middle East would look»), в которой тот предрекал перекройку нынешних ближневосточных границ, однако фактически ее воспроизводит с небольшими изменениями. То есть в новом виде и современными аналитиками возрождены идеи выше упомянутых сэра Генри Кэмпбелл-Бэннермена и Бернарда Стюарта, который работал в английской разведке на Ближнем Востоке еще во время второй мировой войны. Из чего следует, что судьба Саудовской Аравии уже предрешена. Ей уготован распад на пять анклавов, из которых нынешняя Восточная провинция (историческое название — Аль-Хисса), населенная шиитами, станет источником поставок нефти на Запад, уже не делясь доходами с суннитскими районами. Исторический район Хиджаз получит в управление 2 главные святыни

Вашингтон, в конечном счете, осознал пагубность проводившейся в последнее время Саудовской Аравией и Катаром подстрекательской политики по дестабилизации ситуации на Ближнем Востоке

ислама — Мекку и Медину, а семье Аль Саудов останутся центральные пустынные районы (исторический район Неджд) вместе с ваххабитской идеологией. Аль-Асир, расположенный на юго-западе, скорее всего, воссоединится с Северным Йеменом, тем более что там проживают йеменские племена, а северные районы страны могут войти в состав Иордании. Попутно, правда, автор «расчленяет» еще и Сирию, а также подтверждает нынешний де-факто распад Ирака по этно-конфессиональному признаку. Но самое главное — что на этой карте Иран остается в том же виде, что и сейчас — огромным государством, нависающим над раздробленными арабскими карликами.

Так что это означает? Попытку Вашингтона предотвратить саудовскую критику процесса нормализации отношений США с Ираном? Похоже на это. Ведь нельзя назвать случайностью тот факт, что впервые за всю историю участия Саудовской Аравии в заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН выступление ее министра иностранных дел Сауда эль-Фейсала, намечавшееся на 1 октября, было отменено как раз после публикации этой примечательной во всех отношениях статьи (равно как и после голосования по резолюции 2118 в СБ ООН и телефонного разговора Хасана Роухани с Барак Обамой). И тут же Эр-Рияд пытается критиковать США за сближение с Ираном, намеками угрожая даже вывести свои авуары из американских банков. И появляются утечки о контактах спецслужб королевства во главе с принцем Бандар бин Султаном с Моссадом и турецкой разведкой. А вот такое поведение стало уже лишним. США — не та страна, которой можно угрожать. И их решение по Ирану продиктовано своими стратегическими интересами, а не подачками саудовских шейхов высокопоставленным чинам Белого Дома, как это имело место в случае с САР.

Отсюда вполне логичный вопрос — как понимать появление этой статьи, если непосредственно после ее публикации состоялся первый за последние тридцать с лишним лет телефонный контакт между руководителями США и Ирана? Ведь в столь солидной газете как «Нью-Йорк Таймс» работают слишком грамотные обозреватели, чтобы в столь острый исторический момент печатать столь острые статьи, да еще направленные против американских союзников в Персидском заливе. Так что все предельно ясно. Данная статья — признак неумолимого расхождения путей саудовской и американской политики на Ближнем Востоке. Эр-Рияд, строил всю свою внешнеполитическую линию в последние годы на конфронтации с шиитским Ираном и его союзниками — Сирией и Ираком, на том, чтобы убедить США и Израиль «отрубить змее голову» (т.е. режиму аятолл в Иране), как это стало известно из опубликованных «Викиликс» телеграмм госдепартамента США. И вот сейчас саудовская монархия вдруг обнаружила, что без каких-либо консультаций с нею, фактически за ее спиной начинается диалог Вашингтона с историческим шиитским конкурентом.

Понятно, что саудовские руководители могут какое-то время игнорировать эти мощные сигналы своего ближайшего союзника, но они уже паникуют, судя по их реакции, на ирано-американское сближение и не могут не осознавать, что в США идет глубокое переосмысление собственной политики на Ближнем Востоке в последние 20 лет. И, похоже, Саудовской Аравии не будет много места в новой линии США в регионе, где ставка будет делаться

на Иран, Израиль и ось шиитских государственных образований на обломках нынешних арабских стран Персидского залива.

И здесь хочется вспомнить концепцию бывшего госсекретаря США Кондолизы Райс «конструктивного хаоса», которая исходит из насилия и войн повсюду в регионе, чтобы позволить США, Великобритании и Израилу изменять карту Ближнего Востока согласно их интересам. Это концепция в основном вытекает из двух вышеупомянутых британских теорий и планов. Важно также отметить, что «прорыв» в отношениях Вашингтон-Тегеран происходит как раз в то время, когда весь Ближний Восток охвачен войнами, конфликтами и хаосом. Так называемая «арабская весна» охватила несколько ведущих и густонаселенных арабских стран, включая Египет, Сирию, Ирак, Ливию, Йемен, Тунис. Эти «революции», как их первоначально называли, не сделали почти ничего, чтобы улучшить жизненный уровень людей и повести их в сторону демократии.

Исходя из тех исторических поворотов, которые произошли на Ближнем Востоке, беспокойство в Саудовской Аравии и странах Совета сотрудничества государств Персидского залива вызвало в первую очередь то, что США могут достигнуть договоренности с Ираном за счет арабских интересов, особенно консервативных монархий Аравии, давно устаревших извне и изнутри своими идейными устоями 17-го века. Причем случиться это должно именно на основе реализации упомянутых выше планов, когда Запад, в первую очередь США и Великобритания, будут обеспечивать свою абсолютную гегемонию в этом энергетически богатом регионе путем дальнейшего его деления на небольшие государственно-политические анклав — шиитские, суннитские, курдские и т.д. Ждать осталось совсем недолго.

Реза Ходжат-Шамами

Озабоченность России «дружественной дипломатией» Ирана

Впервые за последние 34 года Иран и США демонстрируют склонность развивать свои отношения. Эта тенденция проявилась в 15-минутном телефонном разговоре президентов двух стран Рухани и Обамы, повышении уровня переговоров Ирана с группой «5+1» до министров иностранных дел и, что самое главное, в непосредственной встрече глав внешнеполитических ведомств двух стран — Джавада Зарифа и Джона Керри. Тем не менее, не стоит ожидать, что в ближайшем будущем встречи будут проводиться на уровне президентов обеих стран. Помимо того, что между политиками и влиятельными фигурами Ирана и США существуют серьезные расхождения по поводу прямых переговоров между Тегераном и Вашингтоном, здесь играют роль и другие факторы, главным из которых является реакция на это и других политических игроков.

Сила в структуре глобального миропорядка полностью рассредоточена в политико-социальной сфере, которая, желаем мы того или нет, оказывает свое влияние на все государства и даже определяет стиль их поведения. Во многих случаях «отношение сил» в сопровождении определенных не отделимых друг от друга интересов не дают конструктивной дипломатии быстро приносить свои плоды. Кроме того, по логике вещей, старые раны не лечатся очень быстро. Данное «отношение сил» проявляет себя как минимум на двух уровнях. Во-первых, внутри каждой из двух стран (Ирана и США), а во-вторых, в их контрактах с другими государствами.

Говоря о втором уровне, на Иран может существенно повлиять позиция России. В отношении США такую роль способен сыграть Израиль. Между тем интересы каждой из сторон требуют иного поведения.

Иран — США: паритет на Ближнем Востоке

В ближневосточном регионе Исламская Республика Иран придерживается позиции «коллективной безопасности», которая исключает участие внерегиональных сил. Эта позиция подразумевает проведение политики, направленной против гегемонии отдельно взятой страны. Для этого Иран пользуется поддержкой своих союзников из числа региональных государств и разных политических групп и Сирия является одним из его

ключевых партнеров. Что касается США, то об их интересах безопасности во всем мире и особенно на Ближнем Востоке широко известно, поэтому противоречия между двумя государствами вполне естественны. Они ослабнут только тогда, когда изменится политика хотя бы одной из этих сторон. Учитывая интенсивное развитие Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе и данные спецслужб о том, что к 2030 году он обгонит США по разным показателям, Вашингтон сосредоточит свою политику на Восточной и Юго-Восточной части Азии. Хотя эта перемена и сможет сократить напряжение, создавшееся между двумя странами (Ираном и США), не следует ожидать, что Соединенные штаты перестанут заботиться о безопасности Израиля, ведь именно на это указал Барак Обама в своем выступлении на 68-й Генеральной Ассамблеи ООН. На Ближнем Востоке Вашингтон преследует военно-экономические цели.

В целом, внешняя политика США нацелена на обеспечение собственной безопасности. По этой причине данная политика по большей части осуществляется при помощи армии и разведки. Помимо проблемы безопасности и сохранения своего стратегического положения на Ближнем Востоке, особую важность для Соединенных Штатов представляют вопросы энергетики и экономики региона. Исламская республика, в свою очередь, вплоть до нынешнего момента на первое место ставило проблему собственной безопасности, пренебрегая собственным развитием. Ввиду этого, с экономической точки зрения, она не может составить сильную конкуренцию Соединенным Штатам. Хотя в плане безопасности между двумя государствами все еще существуют серьезные вызовы, энергетика и экономика могут стать новыми факторами урегулирования отношений между ними и снижения напряженности. Новое правительство Ирана сейчас в силах перенаправить политику страны, сделав главный акцент не на безопасности, а на развитии. Таким образом, напряженность между Ираном и США перерастет из враждебности в экономическую конкуренцию, для которой крайне важным является достичь соглашения по ядерной программе.

Однако существуют и другие аспекты, способные содействовать снижению напряженности между Тегераном и Вашингтоном. Речь идет об отношениях Ирана с союзниками США в регионе, главными из которых являются Саудовская Аравия и Турция.

«Дружественная дипломатия» относится к числу приемов, благодаря которым Иран в состоянии изменить негативное мнение о себе у союзников США. По крайней мере, их лобби может содействовать изменению политики Соединенных Штатов по отношению к Ирану. Первым жестом такой «дружественной дипломатии» можно считать прогулку министра иностранных дел Ирана Джавада Зарифа с президентом Турции Абдуллой Гюлем по берегу реки Гудзон. В связи с этим не стоит забывать, что особой важностью обладает точка зрения общественности Ирана и США на перспективу прямых переговоров, разрядки напряженности и даже установления дипломатических отношений. Согласно теории конструктивизма, особой важностью обладают социальная идентичность и интел-

В целом, внешняя политика США нацелена на обеспечение собственной безопасности

лектуальные тенденции отдельно взятого общества, которые и отражаются в проводимой им политике. В некоторых случаях эти интеллектуальные тенденции могут проявить себя в опросах общественного мнения. По последнему такому исследованию, проведенному крупнейшим американским информагентством United Press International (UPI), «25% американцев уверены, что в ближайшие месяцы ирано-американские отношения улучшатся, одна треть опрошенных убеждена, что эти отношения станут еще хуже, и 40% полагают, что они останутся на прежнем уровне». Как бы то ни было, не следует забывать, что начавшийся процесс относительной разрядки напряженности в отношениях Ирана и западных стран будет иметь ряд важных последствий. Очевидно, что Россия, в частности, сейчас переосмысливает свою позицию в мире и поэтому выстраивает свою политику в противовес американской гегемонии, что, кстати, согласуется с представлениями Ирана.

Политика России и Ирана

То, как Россия и Иран оценивают политику США, обуславливает схожесть позиций Москвы и Тегерана по многим проблемам международных отношений. Самым ярким примером этого сейчас является ситуация на Ближнем Востоке и особенно в Сирии. В той же связи можно отчасти указать и на ядерную проблему Ирана. Конечно, в Исламской республике часто критикуют Россию за ее позицию по этому вопросу и то, что она поддерживает санкции и резолюции против Ирана. Несмотря на эту критику, схожесть позиций обеих стран по региональным и международным вопросам вполне очевидна. Например, и Россия, и Иран являются противниками расширения НАТО на Восток, установления его противоракетных комплексов в Восточной Европе и увеличения военного влияния США в разных регионах мира, в частности, в Персидском заливе. Главным образом такое единство мнений и сближает страны. Однако, несмотря на некоторую схожесть позиций по сирийской проблеме, Россия и Иран так и не смогли объединиться в хотя бы каком-то союзе. Дело в том, что российские политики убеждены в тенденциозности мировоззрения Ирана о Соединенных Штатах и Западе в целом. Именно это и создает брешь в отношениях с Россией, которая все меньше верит в возможность установления с Ираном стратегического союза. Между тем обе страны спокойно бы могли обеспечивать интересы друг друга в самых разных сферах. Еще одним важным аспектом является то, что Россия вовсе не намерена увеличивать влияние Ирана на региональном уровне. Российские лидеры полагают, что именно этого и добьется Иран благодаря своему сближению с Соединенными Штатами, и если данная двусторонняя тенденция, начавшаяся со стороны Тегерана и Вашингтона, принесет свои плоды, возможность установления некоего российско-иранского союза будет сведена к минимуму. Другим важным моментом в отношениях с Россией является то, что в посткоммунистический период своей истории эта страна так и не смогла найти достойного стратегического союзника, разделяющего ее интересы. Именно поэтому некоторые иранские эксперты и аналитики мало доверяют России, особенно в долгосрочной перспективе, и у них есть для этого основания.

Выводы

В данной ситуации на первый план выходит вопрос о том, какими будут отношения Ирана, США и России в будущем и насколько можно их прогнозировать. Нельзя признать правильной точку зрения о том, что сближение и установление даже самых минимальных дипломатических отношений с одной стороной автоматически означает начало вражды с другой, а ведь в России именно так и воспринимают результаты поездки президента Ирана Хасана Рухани в Нью-Йорк для участия в Генеральной Ассамблее ООН. В относительном сближении Ирана и США российские лидеры видят вызов собственной провосточной политике, поэтому, вероятнее всего, их реакция на это не заставит себя долго ждать. Существует даже предположение о том, что согласие Москвы именно сейчас, с большим опозданием, передать Тегерану руководство Бушерской атомной электростанцией является условием пересмотра его сближения с Вашингтоном. Между тем США необходимо сотрудничество с Ираном для создания баланса в регионе. В настоящий момент вызовы, которые бросают Соединенным Штатам региональная политика Саудовской Аравии, не менее серьезны, чем проблемы, создаваемые им Ираном, хотя, конечно, противостояние между Вашингтоном и Эр-Риядом не так ярко выражено. Иран может продвигаться в том же направлении и из противостояния и даже вражды этих двух государств извлечь для себя выгоду. Ирану было бы полезно вспомнить о традиционной политике по «принципу маятника», то есть балансирования между двумя сильными державами, ради достижения своих национальных интересов, чтобы тем самым ослабить беспокойство России по поводу новых устремлений своего южного соседа.

Владимир Ефимов

Проблема шиитов может взорвать Саудовскую Аравию

Восточная провинция Саудовской Аравии, где сосредоточены основные нефтяные запасы королевства, уже с весны 2011 года находится на пороге гражданской войны между суннитами и шиитским меньшинством. Если волна арабских революций перекинется на королевство, это может взорвать рынок нефти, поставив мир на грань экономического коллапса. Причем эксперты убеждены, что на данном этапе США этого не допустят, пока в Персидском заливе не будет создана новая схема стабильности и безопасности, основанная на участии в ней и Ирана. Отсюда — начавшееся неожиданное сближение между Вашингтоном и Тегераном с сентября сего года.

Арабская весна, приведшая к падению режимов в Тунисе, Египте и Ливии, не оставила в стороне и королевство. В Восточной провинции (самой крупной и самой богатой нефтью), где в основном живут шииты, довольно часто прокатывается волна их протестных выступлений. Составляющие до 15% населения Саудовской Аравии (т.е. не менее 4 млн чел.) шииты являются жертвами дискриминации саудовских властей практически во всех сферах — от госслужбы и карьеры в силовых структурах до неуважения их религиозных прав. В Эр-Рияде же убеждены, что за подъемом шиитских волнений в королевстве стоит Тегеран, который стремится расшатать устои правящего режима Ас-Саудов и разжечь волну сепаратизма в местах компактного проживания местных шиитов. Конечная цель Ирана, полагают в КСА — вести дело к выходу Восточной провинции из состава Саудовской Аравии и ее вхождению в некую конфедерацию шиитских арабских анклавов наряду с Бахрейном и Южным Ираком под патронажем Тегерана.

Исторически сложилось так, что шиитское население КСА сконцентрировано именно в Восточной провинции, а в некоторых районах, где расположены важнейшие месторождения, оно составляет большинство. Если начнется шиитский вооруженный мятеж (а Тегерану, как полагают аналитики ССАГПЗ, вполне по силам его организовать), это нанесет серьезный удар по экономике королевства — нефть и нефтепродукты обеспечивают 90% его экспортных доходов.

Борьба Эр-Рияда с Тегераном за влияние в исламском мире идет не одно десятилетие. Саудовские правители в 2010–2012 гг. не раз призывали

США, а заодно и подначивали Израиль, нанести удар по Ирану. Не меньшее значение для Эр-Рияда имеют и монархии Персидского залива, где с наступлением «арабской весны» тоже активизировались шииты. В особенности в Бахрейне, расположенном в 18 км от побережья Саудовской Аравии и соединенном с ней мостом. Власть там принадлежит суннитской династии аль-Халифа, но три четверти жителей — шииты. Их выступления в 2011 году были столь мощными, что силы безопасности Бахрейна оказались не в состоянии самостоятельно навести порядок — и это удалось сделать лишь с помощью грубого вмешательства саудовских и эмиратских военных.

В Эр-Рияде были полностью убеждены, что волнения в Бахрейне спровоцированы Ираном, цель которого — сместить правящую династию и привести к власти представителей шиитского большинства. А это почти неизбежно произойдет, если в стране пройдут свободные выборы. Тогда Иран, по оценкам Эр-Рияда, достигнет своей давней стратегической цели — получит плацдарм на Аравийском полуострове и будет контролировать оба берега Персидского залива. После грубого и беспощадного подавления бахрейнской революции Тегеран обвинил Саудовскую Аравию в агрессии, а Запад и США — в двойных стандартах. При этом Вашингтон и европейские страны даже словом не обмолвились о жесточайших репрессиях Саудовской Аравии на Бахрейне.

Спецслужбы Эр-Рияда между тем предупреждают: шиитские активисты в Бахрейне и в Восточной провинции координируют свою деятельность и готовят совместные акции — как только получат отмашку от Тегерана. Кроме того, появились первые признаки недовольства шиитов и в Катаре, где на них приходится свыше 10% населения, причем многие шиитские кланы занимают ведущие позиции в строительстве, торговле, банковском секторе и сфере услуг. Один лишь Фардан, являющийся мультимиллиардером и владельцем крупнейшего коммерческого банка в Катаре, может серьезно «расшатать» катарскую экономику, если захочет поддержать собратьев по вере.

Спецслужбы Эр-Рияда между тем предупреждают: шиитские активисты в Бахрейне и в Восточной провинции координируют свою деятельность и готовят совместные акции

Вражда саудитов с Ираном уходит корнями в историю. Вскоре после образования их государства его первыми действиями были нападения на Кербелу и Наджаф, шиитские святые города в нынешнем Ираке. Затем, уже в период существования исламской республики в Иране, эта вражда проявилась в убийстве иранских паломников в Мекке. Они не требовали свержения саудовской династии, а всего лишь выкрикивали лозунги против США и Израиля. Вражда саудитов с Ираном объясняется не политическими, нефтяными, ядерными или региональными вопросами. Саудиты опасаются, что ислам в толковании лидера Исламской Республики вскрыет лицемерие и ложь ваххабизма как сектантского учения, на котором опирается власть Ас-Саудов.

Прежде у шиитов Восточной провинции Саудовской Аравии было свое государство, и они по собственной воле объединилось с ваххабитами в

начале 20-го века. Сейчас же шииты КСА подвергаются серьезной опасности. В любой момент они могут поднять бунт и, тем самым, смогут стать угрозой для саудовской династии. Тогда на Аравийском полуострове — Бахрейн, Йемен и другие шиитские районы Аравии, объединившись, смогут создать большое, с точки зрения мощи и населения, государственное образование, очень даже дружественное Ирану.

Пока же дискриминация религиозного меньшинства остается одной из главных политических проблем Саудовской Аравии. Только в 1980-е годы шиитам Восточной провинции разрешили совершать обряды траурного дня Ашуры. На сегодня шииты составляют 15% (или 4 млн чел.) от общей численности саудовских граждан. В свою очередь, стоит отметить, что шиитский пейзаж также не однотонен. В граничащей с Йеменом провинции Неджран, например, проживают около 500 тыс. исмаилитов. Значимая шиитская колония сосредоточена в Медине. Шиитское же население Восточной провинции, представлено течением «иснаашарийя» — приверженцев двенадцати Имамов. Это течение господствует в Иране и составляет большинство в населении Бахрейна, Ирака и Кувейта.

В 1913 году шиитские районы нынешней Восточной провинции (в начале XX столетия подчиненные Османской империи) были включены в воссозданное королем Абдель Азизом саудовское государство. На их оседлое земледельческое население было распространено бедуинское покровительство новой власти. Лишь после 1926 года, когда в обретшей нынешние границы Саудовской Аравии были созданы ханбалитские религиозные институты, на шиитов была распространена ваххабитская система судопроизводства и норм жизни. Шиитская богословская традиция объявлялась «еретической», разрушение шиитских культовых зданий приобрело оттенок повседневной борьбы за «изживание порока», проведение важнейшей шиитской традиции — Ашура запрещалось.

Усилия пришедшего к власти в 2005 году короля Абдаллы бен Абдель Азиза содействовали снижению уровня маргинальности шиитского меньшинства. Проводимый им курс «осторожной открытости» включил шиитскую интеллигенцию в реализацию программ «национального диалога», сопровождающегося контактами богословов обоих направлений ислама. Однако эти изменения частичны, а их замедленность не может снять проблему дискриминации — армия, полиция и служба государственной безопасности остаются для шиитов закрытыми, антишиитские фетвы ваххабитских богословов, как и ограниченность религиозной свободы — реальность.

Неразрешенность шиитского вопроса связана с весомыми причинами — сопротивлением ваххабитских богословов, исключившим назначение шиитских правоведов в Совет высших улемов и саудовским видением Ирана как стратегического противника. Вхождение же в саудовское общество станет возможным, если эта ситуация радикально изменится. Но для этого Эр-Рияду необходимо интегрировать шиитов в общественно-политическую систему страны без всяких дискриминаций и прекратить обвинять Тегеран во всех внутренних бедах саудовского королевства.

Игорь Николаев

Роль Ирана в афганском урегулировании

На всевозможных конференциях и дипломатических саммитах самого высокого уровня, посвященных афганскому урегулированию, вы можете выслушать представителей Японии, Австрии, Италии и еще десятка столь же удаленных от Кабула государств. Представители Исламской Республики Иран встречаются реже, их голос на «афганских» конференциях просто заглушают. Это такой парадокс современной дипломатии — страна, имеющая с Афганистаном почти тысячекилометровую границу, фактически исключена из международного процесса политического урегулирования в «горячей точке» региона. Еще большая странность — отсутствие полноценного ирано-российского диалога по Афганистану. А ведь, по большому счету, совместная работа Ирана и России в области афганского урегулирования может стать новым стратегическим проектом, сравнимым по значимости с сирийским.

Впрочем, объяснение этой странности, по большому счету, очевидно — ирано-российское партнерство по Афганистану является проектом, который по стратегической значимости для региона превзойдет важность совместных усилий Москвы и Тегерана в сирийском вопросе. Столь же очевидно, что российское и иранское видение будущего Афганистана в корне отличается от того, какой видят эту страну США и НАТО, какой «новый порядок» создает здесь сегодня контингент ISAF.

Принципиальное отличие иранского и российского подхода к проблемам многострадального Афганистана от «западного проекта», навязанного Кабулу, кроется в том, что для США и НАТО эта страна — лишь поле, на котором разыгрывается очередная геополитическая партия Вашингтона. По большому счету, на «территории игры» может происходить все, что угодно, интересы «туземного населения» для Запада здесь особой роли не играют. Для Тегерана же и Москвы необходимо именно благополучие и стабильность населения, которые, в свою очередь, станут залогом региональной стабильности и благополучия соседей Афганистана по региону.

«Звезда британского неоимпериализма», именитый шотландский экономист и историк Нил Фергюссон, консультировавший в 2008 году избирательную кампанию американского «ястреба» Джона Маккейна, в почти девятилетней давности интервью российскому телевидению откровенно сказал: «В XIX столетии британцы могли контролировать только Кабул. У них про-

сто не было сил для того, чтобы установить свою власть в остальной стране. Это во многом напоминает то, что происходит в Афганистане в данный момент. Стоит отметить, что эта модель предпочтительней... Существует выбор. Либо вы контролируете столицу, а всю остальную страну отдаете на откуп военным лордам, либо вы оказываетесь вовлечены в крайне жестокую и, возможно, бесполезную войну на всей территории Афганистана». Красноречивое признание британского аналитика позволяет понять, почему НАТО столь настойчиво стремится ограничить участие России и Ирана в афганском урегулировании. Западный проект для Афганистана — это проект софт-колониальный, проект использования страны в качестве плацдарма для дальнейшей военно-политической экспансии и создания угроз Китаю, России и Ирану. И альтернативные проекты развития Афганистана, предлагаемые Тегераном и Москвой, воспринимаются как прямая угроза планам США и НАТО в регионе.

«Мешки денег и помощь террористам»

Вполне естественно, что для реализации собственного софт-колониального проекта в Афганистане, для устранения из афганского урегулирования Тегерана, для которого данный проект не просто неприемлем, но и опасен, Вашингтон использует весь арсенал средств информационной войны. Главным оружием здесь является обвинения Тегерана в поддержке «афганских террористов», причем, как это обычно и происходит в информационных войнах Запада, все ставится с ног на голову. Обвинять Иран в поддержке экстремистского движения Талибан является примером наглейшего цинизма и вопиющей лжи — это значит напрочь забывать о том, что талибы (выкормыши США, а затем Саудовский Аравии) на протяжении всей своей деятельности последовательно проводили строго антииранскую политику. Пик напряжения между Ираном и Талибаном, о чем скромно молчит Вашингтон, пришелся на 1998 год, когда при штурме Мазари-Шарифа талибы убили девять иранских дипломатов. С учетом того, что ваххабитская Саудовская Аравия имеет огромное влияние на талибов и всегда призывала, и призывает к физическому уничтожению шиитов, маловероятно, что массовая расправа над дипломатами Ирана произошла «случайно». Это был демонстративный жест, показывающий намерения Талибана в отношении Исламской Республики, жест, который шокировал даже тогдашних покровителей талибов из пакистанской межведомственной разведки.

Именно антииранская деятельность Талибана стала причиной того, что в 2001 году, в начале операции «Несокрушимая свобода», Иран оказал поддержку антиталибской коалиции. Но при этом он открыто выразил свое несогласие с планами США по «строительству демократии по-американски» в Афганистане. Это обстоятельство не могло не вызвать раздражения Запада, поскольку тогда Иран оказался, по сути, единственной страной, потребовавшей ограничения полномочий ISAF. Со временем, когда права иранских предостережений по поводу дальнейшего развития ситуации в Афганистане подтвердилась, Западу не оставалось ничего другого, как перевалить с больной головы на здоровую, и в провалах «строительства демократии» обвинить именно Тегеран.

В 2011 году тогдашний министр обороны США Роберт Гейтс обвинил Иран в ведении «двойной игры» в Афганистане, при этом он, ссылаясь на американскую разведку, заявил о том, что Тегеран снабжает «Талибан» оружием и деньгами. На это обвинение более чем достойно ответил экс-президент Ирана Махмуд Ахмадинежад: «США сами создали «Талибан» и «Аль-Каиду», финансировали их и оказывали им всяческую поддержку. Теперь же используют термин «терроризм» для оправдания своего присутствия в 12 тысячах километров от Америки, на противоположной стороне планеты!»

Пылающая граница

Согласно докладу ООН 2009 года, 40% опиатов, производимых в Афганистане, переправлялись через территорию Ирана. Одного этого факта было бы достаточно, чтобы понять, что афганская нестабильность, присутствие там западного контингента, поощряющего наркопроизводство, представляет собой угрозу национальной безопасности Исламской Республики. К тому же, созданная западными странами во главе с США террористическая организация «Джундалла», с территории Афганистана проникает в иранскую провинцию Систан-Белуджистан, сеет там смерть и разрушения. Усилиями иранских спецслужб боевое ядро «Джундаллы» к концу 2010 года было практически уничтожено, лидер группировки Абдулмалек Риги осужден и казнен. На какой-то период создалось впечатление, что с «людоедами шайтана» покончено. Но, как стало видно в нынешнем году, «Джундалла», получив щедрые финансовые вливания от спонсоров, реанимируется.

Сегодня это группировка, финансирование которой осуществляется из доходов от наркотрафика, а задачами, которые ставятся перед ней, теперь являются экспорт салафизма в среду иранских суннитов и содействие разведывательно-диверсионной активности саудовских и израильских спецслужб. Да-да, именно израильских, поскольку в борьбе против Тегерана «принципиальные идейные разногласия» Тель-Авива, саудовской монархии и салафитов вдруг куда-то исчезают...

Если добавить к описанной выше картине нацеленные на Иран пункты военно-технической разведки и площадки для американских беспилотников, способных не только вести наблюдение за иранской территорией, но и наносить по ней удары, то становится очевидным, что стабильный Афганистан без западного военного присутствия является приоритетом обеспечения национальной безопасности Исламской Республики Иран. И в деле создания «зоны стабильности в Афганистане», пусть пока только в отдельных его провинциях, Иран с 2001 года преуспел куда больше, чем Запад с его многомиллиардными затратами на построение «афганской демократии». Причем, успешности Ирана в этом признают даже западные медиа. Влиятельное издание «World Politics Review» в статье «Iran's Outreach to Afghanistan, Tajikistan Faces Obstacles» откровенно, пусть и с оговорками, констатирует: «Хотя в основе попыток расширить сферу влияния Ирана лежат его собственные интересы, они, тем не менее, способствовали появлению некоторой стабильности в Афганистане и Таджикистане. Если ему удастся вновь интегрироваться в мировое сообщество, Иран сможет превратиться в гораздо более мощную силу, способную внести конструктивные изменения в ситуацию в своем регионе».

Зона стабильности

В афганскую провинцию Герат и окрестные районы поступает иранское электричество, пасущиеся рядом верблюды осторожно пересекают прямую, гладкую асфальтированную дорогу — одну из лучших дорог в Афганистане, протянувшуюся на 120 километров, до самой границы с Ираном — это совсем не похоже на обычный ряд новостей из Афганистана, но это действительно так. Иран одним из первых признал временное переходное правительство Афганистана во главе с Хамидом Карзаем. Дипломатической заслугой Ирана стал успех конференции 2005 года в Германии по будущему Афганистана. В Токио на конференции по финансовой помощи Афганистану Иран также был в ряду основных спонсоров экономического возрождения Афганистана. Тегеран предложил программу сотрудничества с Кабулом, включающую в себя государственную финансовую помощь в размере 500 миллионов долларов США, выплату зарплат кабульским учителям в течение 6 месяцев, проект автостреды Мешхед-Герат. Тегеран остается главным донором среднедушевого дохода в Афганистане, денежные переводы работающих в Иране афганцев составили, по данным 2010–2011 годов, 6% афганского ВВП. Иранские инвестиции, особенно в провинции Герат, позволили увеличить объем двусторонней торговли до 1,5 миллиарда долларов в 2010 году.

Экономические преференции от американского проекта «Новый шелковый путь» так и остаются на бумаге, а Иран уже объявил о том, что афганские экспортеры получают 90% скидку на портовые сборы и 50% — на складские, и право беспрепятственного транзита при использовании порта Чабахар на юге Ирана. Проекты железнодорожного сообщения через Афганистан, предложенные Тегераном и получившие поддержку как в Индии, так и в Китае, решают задачу вовлечения Афганистана и Таджикистана в общий транзитный коридор. То есть являются прямым конкурентом пресловутого «Нового шелкового пути». И вопреки бытующему мнению, экономические проекты Ирана направлены не только на афганских шиитов, не только на хазрейцев и таджиков, а на весь Афганистан. Вполне естественно, что это вызывает раздражение Запада и транснациональных корпораций. Ведь без громкой политической риторики и пышных презентаций Иран сегодня предлагает Афганистану, да и всей Центральной Азии, альтернативный западному проект развития, учитывающий и реальные потребности афганской экономики, и особенности традиционного афганского общества.

Под «зонтиком»

2014 год станет временем возникновения новой политической и военной ситуации как в самом Афганистане, так и вокруг него, что влечет за собой новые угрозы и вызовы интересам России и Ирана в регионе. «Вывод войск», который декларирует Вашингтон, ни в коей мере не будет означать, что американцы и их союзники из Афганистана уйдут. Найдется достаточно много «веских оснований», в том числе предусмотренных американо-афганским договором о стратегическом партнерстве, для дальнейшего присутствия Запада в регионе. Уже сегодня очевидно, что место ISAF займут частные военные компании, услуги которых будут оплачиваться из

афганского бюджета. «Международные бизнес-посредники» также никуда не исчезнут из афганской экономики, на которой они достаточно успешно паразитируют, причем, в «откатах» и «уводе средств» они сегодня вполне могут дать фору коррумпированным российским чиновникам. И здесь надо понимать, что присутствие в Афганистане для Запада не самоцель, а промежуточная остановка, плацдарм для расширения своего присутствия на постсоветскую Среднюю Азию. Именно в этой экспансии будет заключаться основной вызов Запада Тегерану, Москве и Пекину в регионе.

С 2001 года, с начала операции «Несокрушимая свобода», США создали опорные точки влияния в среднеазиатских республиках и Казахстане, которые позволят им выйти к Каспию (что становится все более реальным в свете американо-казахстанских и американо-азербайджанских договоренностей), а также оказать эффективное политическое давление на нынешние среднеазиатские режимы, вплоть до организации там очередных «цветных революций». Нет сомнения, что под угрозой утраты власти эти режимы станут более «внимательны и отзывчивы» на требования Запада. Не закрыт вопрос и о «Центре транзитных перевозок» в Кыргызстане, что означает сохранение пункта, через который в любой момент может произойти усиление дополнительными средствами военных объектов НАТО, и развертывание их в боеспособные «миротворческие контингенты», что сводит роль ОДКБ в регионе фактически к нулю. В «сухом остатке» — утрата Россией, Китаем и Ираном контроля над регионом и переход его под «зонтик» НАТО.

В одиночку Ирану создаваемую в Афганистане зону стабильности не удастся не только расширить, но и удержать. Финансовые и политические ресурсы Тегерана, которые он может выделить на «афганское направление» достаточно ограничены, в первую очередь, из-за санкций. В Афганистане Иран сегодня конкурирует с альянсом США, НАТО и транснациональных корпораций, что делает эту конкуренцию для иранской стороны заведомо проигрышной. Но «афганская зона стабильности» отвечает интересам не только Ирана, но и России. Стратегическое партнерство Москвы и Тегерана в «афганском вопросе», диалог России, Ирана, Индии и Китая (разумеется, с привлечением в качестве партнеров Пакистана и постсоветских государств Средней Азии) может стать реальным ключом к внутриафганской, а, следовательно, и региональной стабильности.

Исходящие из Афганистана угрозы, если отбросить политическую трескотню и всевозможные «страшилки», по сути своей сводятся к двум проблемам — поток опиатов и отсутствие рабочих мест в самом Афганистане. Запад эти проблемы решать не только не намерен, но и заинтересован в их сохранении. Следовательно, решать их придется на уровне регионального диалога, инициаторами которого должны стать Москва и Тегеран. И не столько из соображений «интернациональной помощи» Кабулу, сколько в интересах обеспечения собственной национальной безопасности и противостояния экспансии Запада.

Владимир Алексеев

Треугольник смерти в Сирии

В свое время Саудовская Аравия, Катар и Турция получили название «треугольник смерти» и весьма тесно координировали свою деятельность на территории Сирийской Арабской Республики с ЦРУ США. Главную роль в этом альянсе поначалу играл премьер-министр Катара Хамад Бен Джасsem Аль-Тани (с конца июня с.г. — уже бывший) и саудовский принц Бандар Бин Султан, возглавивший в середине июля с.г. секретные службы Саудовской Аравии. Именно они вплоть до мая с.г. реализовывали все финансовые и военные планы в отношении Сирии. Бандар Бин Султана называют самым влиятельным иностранцем в США. Известно, что он финансировал операции контрас в Никарагуа, наемников в Афганистане, Боснии, Ливии и чеченских боевиков в России, а теперь — сирийских террористов. Именно он подозревается в участии в организации в Дамаске теракта, унесшего жизни четырех сирийских высокопоставленных военных руководителей, и стоит за провокациями с применением зарина против мирного сирийского населения.

Но если Саудовская Аравия и Катар всегда действовали в основном «из-за кулис», хотя особенно и не таились, но формально отдавая предпочтение политическим играм в виде формирования коалиции сирийских оппозиционных сил и создания правительства «в изгнании», а также «обрабатывая другие арабские страны», то Турция взяла на себя все «грязные» военные операции. Именно здесь дислоцируются сирийские боевики во главе с так называемой Сирийской свободной армией (ССА), командный центр которой находится в городе Адана на юге Турции, в 100 км от границы с Сирией. Отсюда координируется оказание поддержки боевикам и террористам в САР. Турция снабжает «Свободную сирийскую армию» не только стрелковым оружием, но и переносными зенитно-ракетными комплексами (ПЗРК) и противотанковыми управляемыми ракетами (ПТУР). В соответствии с «директивой» президента США командный центр боевиков в Адане контролируется ЦРУ; рядом с командным центром расположена американская военная база Инджирлик. Поэтому к «треугольнику смерти» можно смело приплюсовать и четвертого участника в лице США.

С начала августа с.г., с объявлением о подписании Баракom Обамой распоряжения, разрешающего ЦРУ и другим американским спецслужбам оказывать помощь боевикам «Сирийской свободной армии» в свержении Башара Асада, неофициальная военная поддержка мятежников приобрела законный статус. В конце июля правительство США создало новую структуру,

базирующуюся в Вашингтоне — «Группу поддержки Сирии» (ГПС), которая получила от Министерства финансов США лицензию, позволяющую ей непосредственно предоставлять сирийским боевикам финансовую, информационную и логистическую поддержку, а также оказывать иные услуги, оказание которых в прочих случаях запрещено. Утвержден и список «получателей» американского оружия. Это якобы позволит организовать поставку оружия намного более эффективно, нежели это делается Катаром и Саудовской Аравией.

С конца сентября с.г. в среде сирийских боевиков идет активное дробление вооруженных формирований по идеологическому признаку, как минимум на три крупные группы. Первая, «Сирийская свободная армия» (ССА), в командовании которой преобладают дезертиры, всякого рода отъявленные рецидивисты. ССА в качестве своей «политической витрины» рассматривает американскую «Группу поддержки Сирии», которая и обеспечивает ей щедрые финансовые вливания. Вторая группа — «Национальный совет Сирии» (НСС), представленный в основном диссидентами и политическими неудачниками, давно покинувшими страну. НСС живет и существует благодаря финансовой помощи Катара. Третья группа — сирийская ветвь «Братьев-мусульман», дистанцировавшаяся от НСС и создавшая независимые от ССА военные подразделения. К настоящему времени они все уже вошли в конфликт друг с другом, при этом активнее всех усиливаются ваххабитские группировки, называющие себя «воинами джихада». В итоге разделились и спонсоры сирийских боевиков: Сирийскую свободную армию — через ГПС финансирует США, Национальный совет Сирии — полностью живет на деньги Катара, а сирийскую ветвь «Братьев мусульман» — щедро финансирует Саудовская Аравия.

Свою карту в событиях в Сирии разыгрывает и Турция, которая, хоть и серьезно умерила свои амбиции в последнее время, но в начале конфликта чуть ли не открыто декларировала необходимость воссоздания нео-османской империи с Анкарой во главе. В результате получила щелчок по носу от Саудовской Аравии, которая, дабы умерить чрезмерную строптивость «союзника», спровоцировала в июне с.г. в Стамбуле и других крупных городах Турции мощные выступления против премьер-министра Эрдогана. С Катаром и его зарвавшимся премьер-министром в Эр-Рияде поступили еще жестче, просто выбросив его в конце июня с.г. на политическую помойку, предварительно отстранив от власти эмира Хамада и посадив на трон его еще не созревшего к роли лидера среднего сына Тамима. А ведь поначалу «нерушимый треугольник» казался монолитным! Только вот одного не учли партнеры Саудовской Аравии — ее влияние на Вашингтон, прежде всего финансовое, гораздо важнее роли газового «карлика», коим является Катар, и регионального места Турции, которой отводится основное место на Кавказе и в Центральной Азии, но никак не на Ближнем Востоке. Тем более что КСА — основной поставщик нефти на мировой рынок. Так что с лета с.г. отчетливо виден раскол внешних спонсоров сирийской войны на два лагеря. А это вызвало смятение в рядах антиасадовской оппозиции. Соперничество между двумя региональными осями — Турцией и Катаром, с одной стороны, и Саудовской Аравией, поддержанной США, с другой, фактически привело к трещине в рядах сирийской оппозиции. А борьба за деньги и оружие только усиливает растущее напряжение между двумя лагерями. Катарско-турецкая ось поддерживает «Братьев-мусульман», тогда

как саудовскую ось поддерживают Соединенные Штаты», которые делают ставку на светские и умеренно-религиозные круги оппозиции, а не на оголтелых боевиков-террористов типа «Джабхат ан-Нусра» или же «Исламское государство Ирака и Леванта», фактически — филиалов «Аль-Каиды».

Катарское оружие попадает в Сирию через Турцию в руки группировок, связанных с «Братьями-мусульманами» и группировками «Аль-Каиды», в том числе состоящих в основном из иностранных наемников. Саудовцы тем временем вооружают дезертиров из сирийской армии, опасаясь растущего влияния радикального ислама. Но наиболее одиозно здесь то, что именно полусветская Турция, а не саудовское ваххабитское королевство, является главным спонсором исламистских элементов в Сирии. Соединенные Штаты поддерживают линию Эр-Рияда, и саудовское оружие поступает в Сирию через Иорданию. Джихадистов — радикалов, типа «Джабхат Аль-Нусры», помимо Катара, поддерживают индивидуальные спонсоры и организации, базирующиеся в других странах Персидского залива — в Кувейте и ОАЭ.

В медийной войне вокруг Сирии также разделение: соревнуются катарская «Аль-Джазира» и саудовская «Аль-Арабия». Оппоненты Хитто выступают в «Аль-Арабии», а «Аль-Джазира» расписывает, с каким «энтузиазмом» встречали «премьера в изгнании» в Алеппо боевики «Лива-ат-Таухид», близкой к «Братьям-мусульманам» группировке.

Надо сказать, что еще с самого начала «арабской весны» происходит серьезное соперничество между Саудовской Аравией и Катаром, особенно в Египте. Доминирование «Братьев-мусульман» во всех странах, которые пали жертвами «весны», очень сильно беспокоило Саудовскую Аравию. Именно поэтому там обрадовались, когда президента Мохаммеда Мурси в августе с.г. сбросили военные. Конечно, проблема состоит вовсе не в «поддержке радикальных элементов» соперниками Эр-Рияда. Ведь ваххабитская Саудовская Аравия поддерживает салафистские группы, которые являются еще более радикальными, чем «Братья-мусульмане». Реальной проблемой является достижение превосходства в политическом влиянии.

С тех пор, как сирийский кризис превратился в полномасштабную войну с помощью провокаций различных иностранных сил, в расколе этих сил Турция открыто примкнула к Катару. Видимо, Доха больше заплатила Анкаре, чем другие. Да еще и газом поманила. Формирование этих двух «блоков коалиций» — Катара и Турции, с одной стороны, и Саудовской Аравии, Иордании и Объединенных Арабских Эмиратов, с другой, обострилось до такой степени, что привело к различным кровавым операциям — например, к загадочным взрывам в турецком городке Рейханлы 11 мая с.г., когда был убит 51 человек, но почему-то это было по большей части проигнорировано турецкими СМИ. Турецкий премьер Эрдоган обвинил во взрывах сирийское правительство, не приведя каких-либо доказательств. А турецкий «коллектив» хакеров RedHack утверждает, что турецкая разведка знала заранее, что сирийская джихадистская группа «Джабхат аль-Нусра» готовила к взрыву внутри Турции три заминированные машины. Причем Эрдоган отправился в США, не посетив Рейханлы, чтобы выразить соболезнования семьям жертв взрывов. Зато в предыдущие недели лидеры трех арабских стран посетили Вашингтон: король Иордании Абдалла II, Мохаммед бен Заед бен Султан Аль-Нахайян, наследный принц Объединенных Арабских Эмиратов, и саудовский министр иностранных дел Сауд Аль-Фейсал. Двумя

«игроками», на которых пожаловались эти страны, стали Турция и Катар. Эти две страны посылают огромные суммы денег, оружия и боеприпасов исламским организациям, особенно группам, связанным с «Братьями-мусульманами», без координации с другими игроками сирийского конфликта.

А тут еще одно загадочное кровавое происшествие — 5 мая с.г., когда террорист-смертник напал на катарскую автоколонну в Могадишо, столице Сомали. Когда взорвались бомбы, в Сомали с визитом находилась катарская делегация. Катарский министр внутренних дел также входил в делегацию, но якобы его не было в колонне. Правда, чуть позднее ливанская газета «Ад-Дияр» заявила, что во время атаки был убит глава катарской разведки Ахмед Насер бен Касим аль-Тани. Согласно «Ад-Дияр», в ноябре 2012 года премьер-министр Катара Хамад бен Джабер аль-Тани и его глава разведки провели встречу с главой «Моссада» Тамиром Пардо и израильским премьер-министром Беньямином Нетаньяху. На этой встрече обсуждался план убийства сирийского президента Башара аль-Асада. Во время встречи израильский премьер увязал участие своей страны в этой операции с признанием Израилем Советом по сотрудничеству стран Персидского залива (СССПЗ) после свержения Асада. Глава катарской разведки, как известно из его близкого окружения, мечтал захватить Дамаск и сотрудничал с Израилем для реализации этой мечты. Согласно «Ад-Дияр», аль-Тани был и тем, кто отвечал за координацию переброски йеменских джихадистов в Сирию после того, как их обучил американский спецназ в Катаре.

Но кто стоял за взрывом в Могадишо? В Сомали есть только одна группа, которая может провернуть такую крупную и профессиональную атаку с использованием двух автомобилей с пластитом: связанная с «Аль-Каидой» группировка «Аш-Шабаб». Пока неясно, действительно ли аль-Тани погиб во время этой атаки. Но совершенно точно, что на него покушалась «Аль-Каида». На заднем плане этой последовательности событий, которые распространились и на Африку, откровенно просматривается соперничество между осью Турция-Катар и Саудовской Аравией.

Саудовцы через принца Бандара еще в августе с.г. представили США свои действия по отношению к сирийской оппозиции, открестившись от ее наиболее радикального крыла, как обуздание радикальных исламистских групп. Другой частью этой операции было решение осуществлять передачу оружия боевикам в Сирии через Салима Идриса, главу верховного военного совета СНК. Итак, с одной стороны, саудовцы берут под контроль «Братьев-мусульман», а с другой стороны, они за 3 месяца до этого посылают Катару «сообщение» посредством бомб «Аль-Каиды» в Сомали. И в довершение всего этого — взрывы в Рейханлы.

Таким образом, на сегодня вырисовывается достаточно своеобразный альянс — треугольник уже не в форме Саудовская Аравия — Турция — Катар, а в составе США-Саудовская Аравия — «Аль-Каида». Именно эти силы являются сейчас основными борцами против сирийского режима, не считая, разумеется, местных мятежников. Однако цели у каждого из этих игроков разные. Если Соединенные Штаты стремятся уничтожить последний независимый режим в арабском мире, по возможности обезопасить от химоружия своего союзника — Израиль, а также как можно ближе «продвинуться» к Ирану, лишив Тегеран единственного арабского союзника, то Эр-Рияд вынашивает планы ваххабитского доминирования в регионе.

Саудовской Аравии необходимо, прежде всего, устранить влияние Ирана и Сирии, вытеснить их из регионального политического пространства. Однако содействовать безопасности Израиля и обеспечивать геополитические интересы Соединенных Штатов саудовское королевство готово лишь до тех пор, пока это не затрагивает его собственные интересы. Вряд ли в планах у саудовской монархии записано строительство демократии в Сирии. Тем более, что собственный режим в королевстве Аль Саудов далек от демократии лет так на 300.

Но если США и КСА вполне могут найти точки соприкосновения, то цели третьего члена альянса, «Аль-Каиды», кардинально отличаются от того, что декларируют эти два государства. Уже сейчас боевики и их руководители заявляют о построении на территории Сирии исламского государства, управляемого на основе законов шариата, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Более того, в своем единственном заявлении, касающемся Сирии, лидер «Аль-Каиды» Айман аз-Завахири сказал о том, что противникам режима Башара Асада следует бороться не только с сирийским президентом, но и со странами Запада. Соединенным Штатам следует задуматься, не изберет ли «Аль-Каида» своей целью после ухода войск НАТО из Афганистана именно Вашингтон. А что до строительства демократии в Сирии, привлекающего столь пристальное внимание европейских и американских политиков, то оно, по всей видимости, уже «откладывается» — сторонники «исламского государства» на базе шариата уже преобладают, как в рядах иностранных наемников, оплачиваемых США и ваххабитами Аравии, так и среди самих сирийских оппозиционеров.

Женева и иранский атом: Новые надежды и новые сложности

Завершившиеся, вчера переговоры в Женеве по «иранскому ядерному досье» не привели к соглашениям, снимающим вопрос об «иранском атоме» с повестки дня международного сообщества. Но новые подходы, продемонстрированные Ираном в Женеве, созданные на переговорах политические и технические «заделы», имеющие далеко идущие последствия, демонстрируют, что в «иранском ядерном досье» открыта новая страница. На этих переговорах иранская сторона доказала серьезность своих намерений настолько весомо, что «шестерке» практически не осталось другого выбора, как принять иранские предложения за основу. Пожалуй, главным в женевском раунде были не иранские предложения, и не готовность Запада объективно их оценить. Главным был настрой сторон на скорейшее разрешение проблем вокруг «иранского атома», и название плана, предложенного Тегераном «шестерке», как «Конец ненужного кризиса и начало новых горизонтов», в этом отношении было более чем символичным.

Дипломатический галоп

Слова возглавлявшего иранскую делегацию Джавада Зарифа о том, что «уже вынесен урок из горького опыта, связанного с принятием в отношении Ирана санкций. Они не принесли никакой выгоды никакой из сторон, поэтому мы этот горький опыт учли и считаем, что «шестерка» международных посредников должна изменить подходы к решению вопроса иранской ядерной программы» — в полной мере относились и к Ирану и к Западу. Неуступчивость Тегерана, его чрезмерная строптивость, неготовность пойти, хотя бы на частичный компромисс, обернулись для Исламской Республики серьезными социальными и экономическими издержками и потрясениями. Но не меньшие политические и финансовые издержки понес Запад, ближневосточная политика которого без Ирана зашла в открытый тупик.

Еще год назад, стороны могли позволить себе затягивание переговорного процесса, игру в неуступчивость и увлечение протокольным и правовым крючкотворством. Сегодня ситуация изменилась. Без прорыва в вопросах «иранского ядерного досье» невозможно включить Иран в процесс ближневосточного урегулирования. Ирак и Сирия, Хезболла и «блудный» ХАМАС, гарантии безопасности аравийских монархий и проблемы афганского урегулирования — вот далеко не полный перечень острейших для международного сообщества вопросов, решение которых без прямого участия Тегерана попросту нереально.

С другой стороны, давление и жесткая внутрииранская полемика вокруг курса на «сближение» с Западом, натиск «консерваторов» на «умеренных» из «правительства реформ и надежды», заставляет Роухани и его команду прикладывать максимум усилий для достижения результатов на переговорах с «шестеркой». Результатов, которые можно было бы предъявить иранскому обществу в качестве доказательства правильности провозглашенного командой Роухани нового курса. Сейчас, в эти дни, новому кабинету Роухани необходимо в срочном порядке остановить дальнейшее падение экономики, стабилизировать, а затем укрепить национальную валюту, сократить галопирующую инфляцию, на деле повышать жизненный уровень народа. Кредит доверия на решение командой Роухани этих первоочередных вопросов составляет максимум от трех до шести месяцев. Все эти вопросы невозможно решить без снятия калечащих иранскую экономику многочисленных двухсторонних и международных санкций. Но без восстановления отношений с Западом это сделать практически невозможно. В свою очередь, восстановление отношений с Западом невозможно без прорывного и реального прогресса в решении ядерной программы Ирана. А достичь прорывного или реального прогресса на переговорах с «шестеркой» также невозможно без серьезных уступок со стороны Тегерана.

Эта обострившаяся для Тегерана и Запада объективная необходимость в достижении договоренностей и обусловила тот «дипломатический галоп», о котором совершенно точно сказал замглавы российского МИДа Сергей Рябков: «Темп переговорного процесса вновь повышается, предстоящий полноформатный раунд намечен на 7–8 ноября, фактически через три недели. По меркам переговоров Ирана с «шестеркой» это беспрецедентный темп».

Скучные технические подробности

В упоминавшемся уже плане «Конец ненужного кризиса и начало новых горизонтов», представленном в докладе Джавада Зарифа, содержались предложения, носящие действительно прорывной характер. Суть слайдов, иллюстрировавших его выступление перед «шестеркой» можно свести к четырем коротким, но поистине революционным пунктам:

Тегеран готов обсуждать ужесточение международного контроля путем проведения внезапных проверок ядерных объектов

Первое. Тегеран готов обсуждать ужесточение международного контроля путем проведения внезапных проверок ядерных объектов. Но — в обмен на признание права на мирные ядерные исследования. Второе. Тегеран готов приостановить процесс обогащения урана до 20%. Но — не отказываясь от этих работ полностью, поскольку 20%-й уран используется в медицинских и научных целях. Третье. Тегеран готов отказаться от излишков урана, обогащенного до 20%. Но — без вывоза его за рубеж, причем Иран согласен на международный контроль за этими излишками. И, наконец, четвертое. Иран готов ограничить количество

центрифуг уже имеющимися и обсудить с международным сообществом формы контроля над предприятиями в Фордо и Араке.

В обмен на данные шаги, Иран ожидает снятия с него санкций. Причем — готов к их поэтапной отмене. На первом этапе — отмена санкций, причем, не всех, а тех, что, во-первых, наложены на него Советом Безопасности ООН и, во-вторых, наиболее одиозных из наложенных в одностороннем порядке Западом в торговой и финансовой сферах. На третьем этапе, после своеобразного «тестирования» форм и методов международного контроля и внезапных проверок, но не позднее чем через восемь месяцев после заключения соглашения с «шестеркой», — отмены оставшихся односторонних санкций, наложенных на него США и ЕС.

Собственно, данным планом Тегеран на две трети перекрывает выдвинутые в отношении его ядерной программы претензии Запада. В ходе женевских переговоров это стало достаточно очевидным, несмотря на особую и одиозную позицию французского представителя, «не увидевшего» в иранских предложениях «ничего принципиально нового». Впрочем, особенности дипломатического зрения обрекли французского представителя на гордое одиночество, поскольку остальные члены «шестерки» и даже сама Кэтрин Эштон, известная крайним пессимизмом в отношении иранской ядерной программы, по достоинству оценили все значение иранских предложений.

Другое дело, что столь серьезные предложения требуют тщательной проработки. Именно поэтому участники переговоров отказались от конкретики в итоговом заявлении, выбрав для него достаточно обтекаемые формулировки. Но главным итогом следует считать то, что новый раунд переговоров, на котором, возможно, и произойдет как детализация соглашений, так и «торг за конкретные уступки», состоится уже в ближайшие недели, ориентировочно — 6–7 ноября.

Закулисье переговоров и израильские торпеды для мирного процесса

Говоря о переговорах в Женеве было бы совершенно неправильным обойти два события из политического закулисья переговоров, которые, возможно, окажут более чем серьезное влияние на дальнейшее развитие как собственно переговорного процесса, так и на отношения Ирана с Западом. Достигнутое в Женеве соглашение между Тегераном и Лондоном о назначении в короткие сроки временных поверенных в делах и возможном возобновлении деятельности посольств (сейчас интересы Тегерана в Великобритании представляет Швейцария, а интересы Лондона в Иране — Оман) в политическом плане гораздо серьезнее, чем простая нормализация. Лондон и Вашингтон на международной арене всегда выступали согласованно, и нет никаких сомнений, что это решение Даунинг-стрит согласовал с Белым домом.

И поскольку решение состоялось, то с высокой долей вероятности можно говорить о том, что здравомыслящая часть американской политической элиты понимает, что сегодня ключом к восстановлению баланса сил и интересов на Большом Ближнем Востоке являются прямые договоренности с Ираном. Но эта же часть американской политической элиты прекрасно понимает, что в случае резкого поворота к нормализации отношений с Ираном вполне возможно, что всемогущее израильское и саудовское лобби

обеспечит администрации Обамы массу проблем, в том числе и в Конгрессе. В преддверии Женевы администрации Белого дома пришлось даже обратиться к Конгрессу с призывом отложить рассмотрение законопроекта

В преддверии Женевы администрации Белого дома пришлось даже обратиться к Конгрессу с призывом отложить рассмотрение законопроекта о новых санкциях, которые направлены на полное прекращение нефтяного импорта и столь же полное торговое эмбарго

о новых санкциях, которые направлены на полное прекращение нефтяного импорта и столь же полное торговое эмбарго. Примечательно, что за этот законопроект выступают и республиканцы, и демократы. Впрочем, странность этого альянса объясняется тем, что при разной партийной принадлежности конгрессменов объединяет их тесная и многолетняя связь с АИРАС и набирающего дикого темпа саудовским лобби.

Сопrotивление переговорному процессу в самих США столь велико, что Конгресс решил вмешаться в деятельность Госдепартамента на иранском направлении, призвав и Обаму, и Керри не отказываться от угрозы применения силы как инструмента общения с Ираном. Тем более, по мнению конгрессменов, именно эта тактика принесла исторический успех в ликвидации химического оружия Сирии и в сирийском вопросе в целом. Происходящее в Конгрессе и на вашингтонском политическом Олимпе является отражением того, что происходит сегодня на Ближнем Востоке.

И второе событие. 15 октября, накануне начала переговоров в Женеве, израильский «узкий кабинет по вопросам безопасности» провел специальное заседание, в ходе которого единогласно принял заявление о том, что «представлялась возможность достичь подлинного политического урегулирования, которое положит конец военным ядерным разработкам Ирана. Для этого необходимо, чтобы международное сообщество не спешило ослаблять политическое и экономическое давление на Иран».

Но еще более интересные вещи сказал чуть позже израильский премьер Нетаньяху в ходе открытия зимней сессии Кнессета. Его слова о том, что «иранская экономика на грани краха», что «необходимо усилить санкции в отношении Тегерана» — в принципе можно было бы и пропустить, поскольку без этих заявлений у него ни одно выступление не обходится. А вот слова о том, что «позиция многих арабских государств по ряду ключевых вопросов совпадает с израильской» и «мы находимся с ними по одну сторону линии фронта (в вопросе иранской ядерной программы — Iran. ru)» — это уже более чем серьезно. По сути — это и официальное признание наличия антииранской коалиции арабских монархий и Тель-Авива, и объявление войны попыткам США и Европы нормализовать отношения с Ираном. Следовательно, уже в ближайшее время от этой коалиции нужно ожидать отчаянных попыток торпедировать переговорный процесс в Женеве, сорвать его любыми способами, вплоть до информационных и политических провокаций.

Евгения Новикова

Тегеран и «шестерка» расширяют окно возможностей

Женевские переговоры Ирана и «шестерки» международных посредников не стали прорывными, но дискуссия обнадеживает. Стороны условились встретиться вновь 7–8 ноября. До этого пройдет встреча экспертов по ядерным вопросам и специалистов по санкциям. Израиль и суннитские монархии используют все возможные инструменты, чтобы мир не состоялся.

«Результат оказался лучше, чем многие думали, но хуже, чем некоторые надеялись», — признал глава российской делегации Сергей Рябков, замглавы МИД. Но глубина проработки темы, на которую отважились иранцы, беспрецедентна. «Предложение Ирана было новым, с таким уровнем содержательности, который мы не видели ранее», — указал представитель Белого дома Джей Карни. Но хотелось бы большего. Американский дипломат сообщил: Иран «представил больше деталей, чем когда бы то ни было, но нам нужно их намного больше».

План ИРИ по урегулированию ядерной проблемы называется «Конец ненужного кризиса и новые горизонты». Его презентацию на английском языке провел глава МИД ИРИ Мохаммад Джавад Зариф, хотя встреча проводилась на уровне политдиректоров. Его собеседники увидели в этом признак серьезности подхода и нацеленность на результат.

По завершении встречи ни Иран, ни «шестерка» не разгласили сути предложений Тегерана, однако прессе удалось узнать некоторые детали. Иран хочет признания права на обогащение урана и снятия санкций. В обмен он подтверждает приверженность исключительно мирному атому. Он готов временно уменьшить число центрифуг, заморозить на полгода обогащение урана до 20% и отказаться от излишков этого вещества без вывоза за рубеж, а также прекратить работы предприятия по производству плутония. ИРИ не против посещения своих объектов инспекторами с внезапными проверками. Эта возможность предусмотрена на третьем этапе трехэтапного плана, сообщил замглавы МИД Ирана Аббас Аракчи.

Обе стороны, подводя итоги, отмечали нехватку доверия. «В США знают, что мы открыты к дискуссиям, готовы дать возможность американцам продемонстрировать их добрые намерения и добрую волю, чтобы двигаться в одном, а не в разных направлениях, — сказал глава МИД ИРИ. — Считаем, что «шестерка» международных посредников должна изменить подходы к

решению вопроса. И мы, естественно, пойдем и увидим эти изменения». Запад же, напротив, ждет первого шага от Ирана.

И все же Зариф назвал дискуссии полезными, плодотворными и внушающими оптимизм. А глава американской делегации Венди Шерман заявила: «Такой открытости я ни разу не видела за те два года, в течение которых участвовала во встречах с представителями Ирана».

Дипломаты США и ИРИ провели двустороннюю встречу, длившуюся около часа. Подробности не разглашаются. «Я думаю, наблюдается некоторое сближение позиций: реализация ряда краткосрочных мер на тот период, пока идут переговоры по поводу деталей всеобъемлющего соглашения, — сказал Роберт Эйнхорн, старший научный сотрудник Института Брукингса. — Ключевая задача — достичь соглашения по временным мерам, в котором желание «шестерки» остановить развитие ядерной программы будет сбалансировано с иранским желанием смягчить санкции как можно раньше».

«Пока будет причина для санкций, они останутся», — сказал представитель главы дипломатии ЕС Майкл Манн. В Госдепартаменте не исключают смягчения жестких мер «пропорционально предложениям, которые Иран положит на стол переговоров».

Отметим, позиции участников «шестерки» претерпели изменения. Великобритания, как и США, выражает позитив. Но позиция Франции существенно изменилась. Президент Франсуа Олланд обещал израильтянам проявить жесткость — и французские дипломаты заявили, что не видят в плане иранцев реальной готовности к уступкам.

Позиция Парижа близка не только к израильской, но и катарской и саудовской. Нефтяные суннитские монархии противостоят Ирану в региональной игре. Париж в последнее время испытывает серьезное влияние Дохи, что обусловлено тесными экономическими связями. По некоторым данным, с 2009 года Катар вложил в недвижимость и промышленность Франции около 15 млрд евро. В то же время не исключено, что причина иная. Расклад позиций в «шестерке» мог быть срежиссирован заранее, полагает Дмитрий Данилов, заведомо европейской безопасности Института Европы РАН. «Франция демонстрирует традиционную самостоятельность, выступая в такой роли, в какой ее хотели бы видеть европейские союзники, — пояснил он «НГ». — Франция показывает, что успех возможен, если Иран проявит волю». Такую роль не могут ныне играть США, обещавшие идти навстречу Ирану.

Вашингтон в сложной ситуации: ему приходится заверять союзников в том, что рискованных уступок не будет. Как пишет Guardian, перспектива договоренности по ядерной программе ИРИ стала причиной плохих снов саудовского королевского семейства. Претензий к США много: вместо удара по Сирии — химическое разоружение, вместо новых санкций для Ирана — переговоры. Эр-Рияд высказывает позицию Вашингтону. Тот в затруднении. Западные дипломаты предупреждают: выдвижение жестких требований в обмен на снятие санкций может подорвать авторитет президента Хасана Рухани на внутреннем поле. Консерваторы и силовики обрушат на него массу обвинений. Тогда уж точно ядерную проблему решить не получится.

Король послов покидает Россию

Чрезвычайный и полномочный посол Исламской Республики Иран в России Махмуд Реза Саджади в воскресенье, 20 октября, по завершении своей дипломатической миссии отбывает на родину. Этот незаурядный человек с потрясающим обаянием и открытостью для общения запомнился, в первую очередь тем, что первым среди иностранных послов завел свой блог в Живом журнале. Через короткое время этот блог взлетел на первые строки рейтинга российской блогосферы и превратился в настоящее «окно в Иран», открытое каждому пользователю.

Господин Саджади был и остается самым активным сторонником всестороннего развития российско-иранских отношений. Он всегда высоко ценил прямые и непосредственные контакты иранского и российского народов, и многое сделал лично для таких контактов и взаимодействия.

Так получилось, что основная часть его дипломатической миссии пришлось на президентский срок Дмитрия Медведева, на время резкого крена российской внешней политики в сторону Запада. Именно в это время Россия фактически присоединилась к основным антииранским санкциям США и ЕС, грубо разорвала контракт на поставки оборонительной ракетной системы С-300, недопустимо затянула ввод в эксплуатацию Бушерской АЭС. Прозападный и антииранский курс «медведевской администрации» вызывал откровенное недоумение иранского руководства, чувство горечи и обиды у иранского народа. Несмотря на это, благодаря дару дипломата от Бога, личному обаянию и высочайшему профессионализму господину Саджади удалось уберечь российско-иранские отношения от нападок и резких политических жестов...

В своей деятельности он уделял максимум внимания налаживанию диалога не только с официальными структурами, но и с простыми гражданами. Фактически, господин Саджади наглядно показал, что есть народная дипломатия и какой силой обладает она в отношениях между двумя великими странами. Именно целям народной дипломатии, открытого и дружеского диалога с российскими гражданами служили и его популярный блог, и многочисленные встречи с экспертами, деятелями культуры, простыми людьми, интересующимися Ираном.

За два дня до отъезда, господин Саджади в последний раз в ранге посла пригласил своих близких друзей, чтобы лично поблагодарить каждого за

дружбу и сотрудничество и выразил надежду на встречу с ними уже на территории Исламской Республики. Собравшихся на эту встречу тронули его слова о том, что уезжая из России он оставляет здесь частицу своего сердца.

Тысячи россиян выражают свое искреннее сожаление, узнав о завершении миссии посла. А один постоянный читатель его блога написал «почему-то мне кажется, что вы всегда были «Королем послов» в России. И делали нечто большее, чем просто рядовой посол...». Разумеется, физически невозможно было пригласить всех на церемонию прощания, но остроумный и незаурядный Махмуд Реза Саджади совершил еще одно маленькое чудо, которое, уверены, станет своеобразным «ноу-хау» в истории современной дипломатии — выступил с прощальным видеообращением. В нем он проинформировал о своем скором отъезде и тепло попрощался со своими многочисленными российскими друзьями и сторонниками как Исламской республики, так и миролюбивого курса Ирана, направленного на безопасность мира и дружбу с Россией.

Мы, искренние его друзья, сумевшие по достоинству оценить потрясающее чувство юмора, душевную щедрость и политический масштаб его фигуры, верим, что он станет Послом доброй воли, неофициальным послом России в Иране, сохранит все контакты со своими российскими друзьями и продолжит вести свой, чрезвычайно популярный среди россиян блог <http://sajjadi.livejournal.com>

Игорь Николаев

Смерть Америке или диалог с Вашингтоном?

Неделю назад выступление бывшего президента и нынешнего главы Совета по целесообразности, одного из самых влиятельных политиков Ирана Али Акбара Хашеми Рафсанджани в провинции Керманшах было прервано собравшимися. На слова Рафсанджани об ирано-американских отношениях и необходимости их нормализации присутствующие ответили скандированием лозунга «Смерть Америке!». Призывы оратора успокоиться успеха не имели, и выступление пришлось свернуть. Случай в иранской политической практике достаточно беспрецедентный, сравнимый разве что с бросанием ботинка в президента Роухани во время его возвращения в Тегеран с Генеральной ассамблеи ООН.

Дискуссия о путях дальнейшего диалога с США и границах уступок, на которые может пойти Исламская Республика в нормализации отношений между Тегераном и Вашингтоном, находится сегодня в центре внимания и иранского общества, и политических элит. Описание этой дискуссии в западных медиа создает довольно одностороннее представление о ней. Дескать, противники реформ из числа консерваторов всячески торпедируют усилия президента Роухани и его команды достичь компромисса с Западом, а, следовательно, срывают попытки реформаторов избавиться от «калечащих санкций» и облегчить экономическую ситуацию в Иране. Все дело в антиамериканизме иранцев, насаждаемом нынешним режимом — практически единогласный диагноз, вынесенный западными комментаторами. Насколько верен этот диагноз? И кто же в действительности сеет антиамериканизм?

Вашингтонский вклад в иранский антиамериканизм

На излете своего президентского срока, в апреле 1999 года, Билл Клинтон сказал весьма примечательную вещь: «Я думаю, важно признать, что Иран... был предметом довольно частых злоупотреблений со стороны различных западных стран. И я думаю, иногда это очень важно сказать людям: «Смотрите, у вас есть право злиться на то, что США делали в отношении Ирана». Трудно возразить, особенно если вспомнить наиболее «громкие» шаги Вашингтона в отношении Исламской Республики.

Шаг первый. Революция 1979 свергла монарха, при котором коррупция и политические репрессии приняли невообразимые масштабы. И в Иране хорошо помнят, что «добро» на эти репрессии шах получил из Вашингтона, что именно США и Израиль ставили «на крыло» палачей их шахской САВАК. Недавний «красивый жест» ЦРУ, которое официально признало свое участие в свержении правительства Мосаддыка (как будто кто-то в этом сомневался) на иранскую сторону не произвел ни малейшего впечатления. Иранский Меджлис после обнародования этих документов дал предвари-

тельное одобрение на подготовку судебных исков к США по поводу организации этого переворота.

Шаг второй. Агрессию Ирака против молодой Исламской Республики подержал, фактически, весь мир. На всем протяжении этой войны «лучший враг Америки» Саддам Хуссейн получал от США кредиты, технику и необходимые разведданные. Но помимо этого, США фактически санкционировали Саддаму применение химического оружия против иранских вооруженных сил и мирного населения. Американская разведка передала иракскому командованию карты с указанием мест, где сконцентрированы иранские войска, и куда удобнее всего нанести химический удар. И когда атаки с применением отравляющих веществ произошли, администрация США сделала все возможное, чтобы преступления Саддама не стали предметом рассмотрения международного трибунала, чтобы химическая война против Исламской Республики была вычеркнута из памяти международного сообщества.

Шаг третий. 3 июля 1988 года ракетный крейсер ВМФ США «Венсен» (Vincennes), обеспечивавший проводку судов в Ормузском проливе, выпускает две ракеты по аэробусу авиакомпании Iran Air, выполнявшему рейс 655. 290 находившихся на борту человек, 274 пассажира и 16 членов экипажа, подавляющее большинство из которых были иранскими гражданами, погибли. США выплатили их семьям \$61,8 миллиона долларов, но не принесли официальных извинений, заявив, что это была «техническая ошибка». Лишь спустя много лет, капитан сопровождавшего «Венсен» ракетного фрегата признал, что эта самая «ошибка» была прямым следствием антииранских настроений командира «Венсена» Уилла Роджерса.

Шаг четвертый. В Иране прекрасно помнят и то, что оказали США серьезную помощь в 2001 году, в проведении операции «Несокрушимая свобода» в Афганистане. В этой операции взаимодействие Ирана и США давало шанс на нормализацию отношений и на совместную работу по урегулированию внутриафганского кризиса. С иранской стороны, кстати, в этой работе участвовал нынешний министр иностранных дел Ирана Джавад Зариф. Но уже в январе 2002 года Буш-младший, вопреки логике и фактам, официально объявил Иран (наряду с Ираком и Северной Кореей) государством «оси зла». Райан Крокер, американский дипломат, занимавшийся организацией ирано-американского партнерства по Афганистану, с горечью признает: «Мы были необычайно близки к нормализации. Но одно слово в одной речи изменило историю и наших отношений, и всего региона».

Замечу, что вышеперечисленное — это лишь самые резонансные шаги. А есть еще и подготовка террористов из группировки «Моджахедин-э Халк» в Неваде, есть провокации, направленные на то, чтобы обвинить Иран в «международном терроризме», есть «калечащие санкции»... Нет главного — официального отказа администрации США от этих методов, и их осуждения. И в иранском обществе поневоле возникают законные вопросы: «Так что, все это мы должны простить США просто так?» Иранцы хорошо помнят и знают, что именно США были основными зачинщиками всего антииранского в мире на протяжении последних 75-ти лет. И сейчас США стоят у руля мировой антииранской истерии и где гарантии того, что они откажутся от этих методов?»

Естественно, слова Обамы о том, что США не намерены «стремиться к изменению правящего строя в Иране», никого в Исламской Республике не

убеждают. Слова — это одно, а конкретные шаги и дела — совсем другое. И сейчас, когда новое руководство Ирана во главе с Роухани, прилагая огромные усилия, направляет миру четкий и ясный посыл о готовности разрешить ядерный кризис между его страной и Западом, в то же самое время, и в мире, и в Иране попросту не видят никаких реальных ответных шагов со стороны США. К примеру, на недавних женевских переговорах группы 5+1 иранские предложения по урегулированию проблемы были такими глубокими и революционными, что «шестерке» международных переговорщиков пришлось взять трехнедельную паузу для их освоения. Парадоксально, но Вашингтон с его уклончивостью, оглядкой на ближневосточных союзников в Тель-Авиве и Эр-Рияде, оглядкой на собственных «ястребов» из Конгресса, делает для нынешнего нагнетания антиамериканских настроений в Иране гораздо больше, чем иранские консерваторы.

Об особенностях иранского консерватизма

Попытка представить консерваторов как махровых антиамериканцев, три раза в день поющих «Смерть Америке», имеет к реальным взглядам консервативных кругов на ирано-американский диалог весьма отдаленное отношение. Необходимость диалога между Тегераном и Вашингтоном сегодня понимают все. Иранские консерваторы — люди крайне прагматичные. Поэтому главной причиной их настороженности в отношении диалога с США является не сам диалог, а его границы, допустимый уровень уступок. Нормализация ради нормализации в стиле «а-ля Горбачев» для них совершенно неприемлема. При всей тяжести режима «калечащих санкций» к коллапсу иранской экономики они не привели, стабильности иранского общества не угрожают. В сложнейших условиях внешнего давления практически была ликвидирована угроза массового терроризма. На басмаческих рейдах курдских экстремистов из РЖАК и суннитских радикалов Джундаллы был поставлен жирный полумесяц, а сепаратизм иранских азербайджанцев так и остался на «бытовом» уровне. По факту — Исламская Республика в необъявленной войне, развязанной против нее международной антииранской коалицией во главе США, выстояла. Поэтому консерваторы вполне логично считают, что речь должна идти не об односторонних уступках, а о взаимных договоренностях и гарантиях.

Точнее всего эту точку зрения консервативных кругов выразил начальник Генерального Штаба всех Вооруженных сил ИРИ Хасан Фирузабади: «Традиционные опоры США в регионе рушатся, что дает Ирану прекрасную возможность дипломатическими усилиями достичь решения многих проблем, сделать регион безопаснее. Понятно, что противники Обамы в США не хотят допустить, чтобы его администрация вышла победителем из нынешнего кризиса. Правительство США не должно уступить этим кругам». В переводе с дипломатического на человеческий — сформулировано предельно жестко и четко: США увязли на Ближнем Востоке. Иран готов помочь администрации Обамы выйти из тупика, в котором Вашингтон оказался. В обмен на это Исламская Республика рассчитывает на признание собственных интересов — отмену санкций, признания права на развитие мирного атома и роспуск международной антииранской коалиции. То есть речь идет не о каких-то иранских уступках, а о диалоге равнозаинтересованных в нем

сторон. И ожесточенность полемики иранских политических элит кроется в том, что, по мнению консерваторов, президентская команда Роухани не до конца понимает, что США заинтересованы в диалоге никак не меньше, чем Исламская Республика, а значит — высока вероятность односторонних уступок.

Весьма показательно в этом отношении выступление Али Саиди, представителя Верховного лидера в Корпусе стражей исламской революции (КСИР), который сказал, что «Смерть США — это лозунг, который имеет свое время и свое место. Это не постоянный принцип и он может быть изменен. Но отказ или принятие этого лозунга, как и всякого другого политического принципа, — исключительная прерогатива духовного лидера страны». Собственно, этими словами Саиди еще раз подчеркнул ограниченные возможности Роухани и его кабинета на вопросы формирования внешней политики, еще раз обозначил границы компетенции нового кабинета. И сделано это было более чем своевременно.

Вольно или невольно, но своими кадровыми назначениями нынешний иранский президент несколько сместил устоявшийся внутривнутриполитический баланс в сторону «клана Рафсанджани». И к самому Рафсанджани, и к людям из его окружения у иранских консерваторов накопилось достаточно много вопросов, а усиление этого клана положительных эмоций у консерваторов тем более не вызывает. По сути, в стране произошла ротация ситуации — Рафсанджани сейчас оказывает на нынешний кабинет такое же влияние, какое оказывал в свое время на кабинет Ахмадинежада Исфандияр Машаи. Многие этот перекося замечают и хотят, чтобы президент Роухани как можно быстрее исправил эту ситуацию. Словом, обеспокоенность усилением одной из частей иранских политических элит придает дополнительную эмоциональность нынешним дискуссиям об ирано-американском сближении.

Иранская политическая система, построенная на системе сдержек и противовесов, обладает огромным запасом прочности. Режим калечащих санкций и снижение жизненного уровня, информационная война и террористические атаки, организуемые извне — все это не смогло раскачать устои Исламской Республики, разрушить сплоченность общества. Иранский народ по праву чувствует себя победителем в той необъявленной войне, которая навязана ему международной антииранской коалицией во главе с США, и гордятся этим. Такое настроение ставит нынешнего иранского президента Хасана Роухани в сложное положение. Нормализация отношений с США — назревшая экономическая и политическая необходимость. Но как только иранское общество ощутит, что эта нормализация достигается путем односторонних уступок — на политической карьере Роухани и всей его команды можно будет ставить точку. Как будет действовать в этих условиях «шейх дипломатии»? Удастся ли ему найти компромиссное решение между жестким антиамериканизмом «консерваторов» и готовностью «реформаторов» к самому широкому диалогу с Вашингтоном? Пожалуй, сегодня это самый интригующий вопрос для тех, кто следит за развитием внутривнутриполитических событий в Иране.

Центральная Азия в геополитике Среднего Востока: иранский вектор

«Иран — один из ключевых региональных акторов Среднего Востока в Центральной Азии. Конечно, активность Ирана несоизмерима с активностью стратегических партнеров стран ЦА — Турции, России, Китая, Индии. Тем не менее, значение Исламской Республики Иран (ИРИ) для Казахстана и ЦА определяется рядом факторов и интересов». Об этом в ходе международной конференции «Средний Восток и Центральная Азия в общем геополитическом пространстве», которая прошла 11 октября 2013 года в Алма-Ате (при поддержке Фонда Александра Князева, «Инфорос», портала «Радиоточка» и ФМО КазНУ им.Аль-Фараби), заявила доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и мировой экономики, директор Центра Германских исследований КазНУ им. аль-Фараби, (Казахстан) Мара Губайдуллина. На правах партнера конференции ИА REGNUM публикует выступление эксперта полностью.

Значение Ирана для стран Центральной Азии

Иран — один из ключевых региональных акторов Среднего Востока в Центральной Азии. Конечно, активность Ирана несоизмерима с активностью стратегических партнеров стран ЦА — Турции, России, Китая, Индии. Тем не менее, значение Исламской Республики Иран (ИРИ) для Казахстана и ЦА определяется рядом факторов и интересов.

В геополитике региона приобретает значение близость ИРИ к Центральной Азии: здесь естественным образом создается комплекс региональных взаимных связей и противоречивых зависимостей.

Общую границу мы рассматриваем как фактор, разделяющий и одновременно стимулирующий двусторонние контакты. Оптимистический сценарий может предполагать в будущем более активное сближение стран, народов, бесконфликтную динамику многосторонних связей. Для этого есть предпосылки: общая граница по Каспийскому морю, она связывает Иран, Казахстан и Туркмению. Туркмения граничит с Ираном также по суше. Через оба центральноазиатских государства регион ЦА стал ближе к Ирану, фактически «вошел» в общее с ним региональное пространство.

Общая граница — также фактор всех известных сегодня угроз и вызовов.

Экономический и политический вес Ирана на Среднем Востоке и в исламском мире важен для республик ЦА: вторая экономика региона, его индустриальный потенциал, ресурсы, и конечно, крупнейшие в мире запасы нефти, высокоразвитые технологии, развитая инфраструктура и др., — все это привлекательные стороны Ирана для развивающихся экономик Центральной Азии. Серьезные позиции Ирана в ОЭС, ОИК, ОПЕК — аргумент в пользу политического сотрудничества ЦА с Ираном.

Транзитные возможности иранской территории — крупные морские, сухопутные и воздушные линии связывают кратчайшим путем Запад и Восток, выводят ЦА к Персидскому заливу, к мировым торговым путям, — все это в интересах республик ЦА с точки зрения их выгоды. Как известно, замкнутое пространство ЦА без выхода к мировому океану ограничивает торговлю и экспортные возможности государств региона. Наоборот, расположение Ирана на стыке трех континентов, прямой выход к Персидскому заливу и мировым торговым путям, дает ему геостратегические преимущества на Среднем Востоке.

Вместе с тем, транзитный потенциал Ирана может быть использован исключительно совместно с партнерами по ЦА, быть предпосылкой и мотивацией для тесной региональной кооперации. Думается, региональная кооперация ЦА — вопрос сегодняшнего дня, региональная интеграция ЦА — вопрос завтрашнего дня. Оба варианта имеют место быть, и оба варианта есть основа для серьезных противоречий.

Цивилизационный фактор: единое пространство с давними связями, с общим историческим наследием, исламской культурой, традициями, языковой близостью к таджикам и т.д. становится нередко инструментом в политической аргументации Ирана в отношениях со странами ЦА.

Конфессиональный фактор. Политика Ирана в ЦА проводится в пределах преимущественно «светских» интересов, без явных усилий на религиозный акцент. Межконфессиональные контакты идут вслед за торгово-экономическими интересами. Я бы назвала подобное соотношение интересов и политики, что сложились между ЦА и Ираном, терпеливой «позиционной игрой».

Общая характеристика отношений

В основе сотрудничества Ирана и стран ЦА, которое строится, прежде всего, на двусторонней основе, лежат как прагматичные интересы, так и элементы геополитики. Отношения с ИРИ оцениваются в Республике Казахстан и в странах ЦА как «дружеские», «бесконфликтные» и «плодотворные». Во всех пяти столицах ЦА с 1992 г. в полной мере функционируют посольства ИРИ, в Тегеране представлены дипломатические миссии ЦА. Более того, в Актау (Казахстан) и Анзали (Иран) открыты представительства портов; действует Генеральное консульство ИРИ в Актау (с 2009 г.).

За все время постсоветские республики ЦА и Иран никогда не конфликтовали, избегали каких-либо противостояний, открытых противоречий. Между ИРИ и ЦА сложился свой стиль поведения, по-своему особенный, а порой противоречивый. Он проявляется в диалектике взаимного притяжения и отталкивания.

Так, «иранский фактор», как потенциальная угроза для международного сообщества, не стал определяющим фактором во внешней политике центральноазиатских стран. Более того, Таджикистан — единственная страна в СНГ, имеющая военные связи с Ираном. Если в отношениях с Туркменией и с Таджикистаном содержится стратегическая обусловленность, то в многовекторном «раскладе» приоритетов внешней политики Казахстана Иран как стратегический партнер не значится.

Казахстан же неизменно подчеркивает «важность» связей с актором регионального значения — Исламской Республикой Иран. И наоборот, Казахстан для ИРИ представляет «стратегическую важность для широкой региональной кооперации», он «братская и дружественная страна», «серьезный региональный партнер» (бывший президент ИРИ Махмуд Ахмадинежад). Сегодня отношения Казахстана и ИРИ приобрели упорядоченность, разработана «Дорожная карта 2011 г.» (План мероприятий Казахстана с Ираном до 2015 г.). В эволюции отношений Тегерана и Ташкента за два десятилетия произошли изменения. В недалеком прошлом их отличала обоюдная критика. Со стороны Узбекистана — за усиление влияния ислама в ЦА и за рост т. н. «таджикского сепаратизма» в Бухаре и Самарканде, который официальный Ташкент связывал с активностью Ирана в ЦА.

Со стороны Ирана — критика узбекских и киргизских властей из-за их «проамериканской политики» (территория Узбекистана и Киргизии была предоставлены для военных США в период антитеррористической кампании в Афганистане).

На фоне критических выпадов бывший президент Ирана Хатами призывал к «диалогу цивилизаций», открывающему путь для безопасного мира, что не противоречило царившим проамериканским настроениям в регионе (лекция М. Хатами в КазНУ им. аль-Фараби, 2002 г.). Сегодня отношения с Узбекистаном, Киргизией ровные — деловые и более дружественные.

Тегеран пытается укрепить позиции в зоне традиционного иранского влияния и интересов — на Каспии, в Туркменистане, Таджикистане, и в Афганистане. Если рассматривать региональных игроков, то нельзя не учитывать позицию Казахстана и Узбекистана.

Почему? Иран стремится к многосторонним связям с ЦА (поддерживает проекты центральноазиатской кооперации), также к сотрудничеству в рамках ШОС, где представлены все государства ЦА. Иран, имея статус наблюдателя в ШОС с заявкой на членство, регулярно и настойчиво заявляет о необходимости своего членства в ШОС. Официальный Тегеран с одобрением поддерживает инициативы лидеров ЦА: идею Назарбаева о Евразийской интеграции, о Пакте стабильности на Каспии, план выхода из мирового финансового кризиса.

Иран — участник политического проекта СВМДА; по этой линии ИРИ одобрил кандидатуру, а затем действия Казахстана на посту Председателя ОБСЕ. Иран продвигает Казахстан в ОИС, Казахстан занимал Председательство и в этой Организации. ИРИ — участник всех съездов Лидеров мировых и традиционных религий в Астане. Но при всем, конфессиональная близость (ислам) не стала определяющей в решении вопросов двустороннего сотрудничества, включая ОИС.

Позиция Казахстана по иранской ядерной программе, по правам человека и др. проблемам до последнего времени отличалась своего рода «пассивным вовлечением» в проблему. Сегодня обозначено доверие со стороны Ирана к казахстанской позиции, о чем свидетельствуют два раунда международных переговоров со всеми участниками процесса весной 2013 года в Алма-Ате.

В целом, Иран пытается снизить антииранские настроения, расширяя сотрудничество с ЦА, оказывая экономическую помощь, умело используя антизападные настроения.

Проблемы

В отношениях между Ираном и странами ЦА остается ряд открытых вопросов и затруднений, урегулирование которых возможно как в близкой, так и отдаленной перспективе. Вот некоторые из них:

— Отсутствие четкой Стратегии, как и четкой цели сотрудничества ЦА с Ираном, отсюда — отсутствие полноценных результатов. Прежде всего, государства ЦА должны заявить о собственной, по возможности самостоятельной позиции по Ирану.

— Разность социально-экономических моделей — ИРИ и развивающихся государств ЦА, само по себе не является проблемой, но противоречия возникают при выстраивании торгово-экономических отношений на «равноправной основе».

— Разность политических и идеологических подходов во взаимных отношениях по вопросам региональной и международной политики.

— По Ирану, как «проблеме мировой политики», сталкиваются интересы мировых держав, они направлены на исключение международного участия Ирана, что, в свою очередь, ведет к нарушению баланса межрегиональных связей, создает новые проблемы. Этот дисбаланс рикошетом задевает позиции республик ЦА, не позволяя развивать им в полную силу весь потенциал двусторонних связей. Международные санкции, наложенные на Иран, ограничивают контакты и доступ развивающихся стран ЦА к его технологиям.

— Наиболее серьезная афганская проблематика, куда притянуты и международные силы, и куда втянуты все республики ЦА.

— Конфессиональный фактор в отношениях между ИРИ и государствами ЦА не является решающим, но некоторые «трения» происходят, могущие привести к суннитско-шиитским противоречиям. Так или иначе, отталкивающим фактором является иранская объединительная идея трех персоязычных стран — Ирана, Афганистана и Таджикистана, и вполне правомерное противодействие в этой связи Узбекистана.

— Каспийский фактор остается ключевым в отношениях между прикаспийскими государствами и Ираном, где республики ЦА не всегда стремятся отстаивать свою позицию. Вопросы правового режима на Каспии остались вне контекста повестки дня данного региона, а «колеблющаяся» позиция центральноазиатских игроков ЦА усложняет принятия единого понятия, определяющего данное состояние на основе действующего международного права.

— Возможно, вмешательство внешних игроков в удобной для них ситуации. В этом случае вопрос о правовом режиме огромного Каспийского региона будет сдвинут с мертвой точки. Лучше, если это будет сделано собственными усилиями, так как с каждым годом к вопросу о правовом режиме присоединяются все новые проблемные темы, как охрана биоресурсов, экономическая безопасность и др.

— Энергетический фактор в двусторонних отношениях между ИРИ и Казахстаном, ИРИ и Туркменистаном значим, но имеются и будут возникать противоречия интересов относительно добычи, переработки и транспортировки нефти и газа. Необходим правовой режим в ценовой политике, особенно это касается поставок газа из Туркмении в Иран.

— Слабые прямые контакты между ЦА и ИРИ (политические, экономические, торговые, гуманитарные связи и пр.) из-за закрытости государств приводит к недоработанности в сфере правового регулирования означенных взаимных контактов.

— Как следствие, недостаточность, а чаще — отсутствие налаженных и регулярно действующих транспортно-логистических коммуникаций между Казахстаном и Ираном, др. странами ЦА и ИРИ.

— Визовый режим между ИРИ и ЦА осложнен как международной изоляцией Ирана, так национальными «изоляционистскими правилами», поэтому в ближайшее время не может стоять вопрос об его отмене. Упрощенный порядок для иранских граждан введен лишь в Казахстане и Таджикистане, но не открыт в Туркмении, Узбекистане.

— Трудности в экспортно-импортных операциях связаны как с объективными обстоятельствами международной изоляции Ирана, но также с излишней бюрократией. Отсюда отсутствие налаженного иранского банкинга на территории государств ЦА, за исключением Республики Казахстан, что затрудняет обслуживание торговых операций.

— Водные ресурсы и энергетические проекты, реализуемые в Таджикистане (Сангтудинская ГЭС-2) вызывают противодействие Узбекистана их строительству, что провоцирует «протестные» ноты со стороны Ирана («рельсовая блокада» Таджикистана и пр.).

— Создание главной военно-морской базы и ВМС Казахстана на Каспии (залив Курык вблизи Актау) создает протестные настроения иранской стороны (2004 г.).

— Развитие военно-морских сил Казахстана, Туркмении, Азербайджана при поддержке США — к критике со стороны Ирана (2011 г.).

— Перспектива расширения связей — программа широкой диверсификации газовых маршрутов Туркмении («Довлетабат -Салыр Яп» в дополнение к действующему газопроводу «Корпедже-Курткуи» на линии Туркмения — Иран). Сняв недавние противоречия в газовой сфере, Иран, как впрочем, и Туркмения, сегодня не допускают их повторения.

— Из-за социально-экономической нестабильности и противоречивых политических приоритетов Киргизия пока не может стать объектом для каких-либо значительных инвестиционных проектов Ирана.

Перспективы

— Будущее — за межгосударственными проектами. Потенциал: крупные совместные проекты, обеспечивающие транспортировку экспортных грузов. Например, проект — международный транспортный коридор «Север-Юг» (железная дорога через Казахстан — Туркмению — Иран к крупным морским портам Бендер-Аббас на побережье Персидского залива и Карачи в Индийском океане).

— Железнодорожная и автомобильная магистраль, соединяющая страны ЦА с Ираном — ближайшее будущее (действуют железные дороги «Мешхед-Серахс-Теджен»; «Узень (Казахстан) — Кызылкая — Берекет — Этрек (Туркменистан) — Горган (Иран)»; новая автомагистраль «Мешхед-Серахс»).

— По линии транспортного коридора «Север-Юг» выстраиваются «интеграционные звенья» со странами ЦА: особая экономическая зона (ОЭЗ) «Серахс» (туркмено-иранская граница); региональные и приграничные центры торговли (на границе между иранской провинцией Голестан и Ахалской провинцией Туркмении).

— Перспективен проект трансафганского транзитного коридора — железная и автомобильная дороги по линии «Термез-Мазари Шариф-Герат-Мешхед», ведущей к иранским портам Бендер-Аббас (Персидский залив) и Чахбехар (Индийский океан).

— Реализация транспортного коридора «Восток-Запад» имеет как оптимистический настрой — «в странах региона произойдет экономическая революция. Центральная Азия и Китай получают выход к Персидскому заливу» (М. Кешаварзаде, посол ИРИ в РУ), так и угрозы безопасности.

— Выбор Казахстаном «многовариантных» путей транспортировки экспортной продукции на внешние рынки (нефть, твердые сорта пшеницы и др.) требует обеспечения инфраструктурой, вливания совместных инвестиций в ее развитие. Достигнутые результаты на территории Казахстана (совместное расширение морского порта Актау, в Мангистау — строительство нового порта и нефтехранилища, к которому построена новая дорога «Ералиево — Курык») и на территории Ирана (увеличена мощность порта Анзали для казахстанской продукции; строительство казахстанских терминалов в портах Амирабад, Имам-Хомейни) имеют перспективу продолжения.

— Перспективна новая форма сотрудничества Казахстана и ИРИ: «Партнерство между портами на Каспии» (Ноушахар — Актау), (Анзали — Актау) и приграничное сотрудничество Ирана и Мангистауской области.

— Строительство транспортных магистралей и сотрудничество в энергетической сфере ИРИ и Таджикистана перспективно: совместная реализация энергетических проектов: Сангтудинская ГЭС-2 на р. Вахш (2010 г.); ТЭО Айнинская на р. Зеравшан; Шурабская ГЭС на р. Вахш. В перспективе — две Нурабадские ГЭС на р. Хингоу.

— Дальнейшая торговля Узбекистана с Ираном, который является важнейшим импортером узбекского хлопка, текстиля, сжиженного газа (LNG, Шуртанский газохимический комплекс), минеральных удобрений, черных и цветных металлов и др.

Иран, российские ВВС и газ Северного моря

Передавая запущенную в производство и принятую на вооружение копию американского беспилотника ScanEagle командующему российскими ВВС генерал-лейтенанту Виктору Бондареву, командующий базой ПВО Корпуса стражей исламской революции Хатам аль-Анбия бригадный генерал Фарзад Эсмаили

сказал: «Этот запущенный в производство беспилотник является символом технических возможностей Исламской Республики и передаваемый сегодня нашему высокому гостю образец — дружеский подарок российским ВВС и русскому народу». В любом подарке, сделанном на Востоке, есть намек. В переданном российской стороне «дроне» скрыт намек на то, каким Иран видит дальнейшее развитие военно-технического сотрудничества с Россией. Этот «дружеский привет» показал, какой могучий потенциал заложен в российско-иранской дружбе и на какой принципиально новый уровень могут выйти геополитические возможности России.

ВВС всегда были на острие политики. 20 июня 1937 года советский одномоторный самолет АНТ-25, экипажем которого командовал легендарный летчик Валерий Чкалов, преодолев 8504 километра, совершил первый беспосадочный перелет из Москвы в США, приземлившись в американском Ванкувере (штат Вашингтон). Встречавший их американский генерал Джордж Маршалл вскоре стал начальником армии США, а потом был государственным секретарем и министром обороны. Кульминацией исторического визита наших летчиков в США стала их встреча в Белом доме с президентом США Фраклином Делано Рузвельтом. На приеме, устроенном «Клубом исследователей» и Русско-американским институтом в те дни в Нью-Йорке в честь советского экипажа, Чкалов сказал: «Примите искренние дружеские пожелания от 170 миллионов советских людей, которые мы принесли вам на крыльях самолета». В наши прагматичные времена таких слов стесняются, но главнокомандующий российских ВВС Виктор Бондарев с полным основанием мог бы повторить их в Тегеране во время своего четырехдневного визита.

Предложения совместного технологического прорыва

Содержание достигнутых договоренностей раскрывать еще преждевременно, поскольку конкретные детали дальнейшего сотрудничества России и Ирана в военной сфере еще нуждаются в экспертной доработке и согласованиях на уровне штабов. Но говорить о том, что было предложено иран-

ской стороной, вполне возможно. Прежде всего необходимо отметить, что иранцы более чем серьезно подготовились к визиту генерал-лейтенанта Виктора Бондарева. Накануне его приезда завершились учения ПВО Ирана «Защитники небес-5» (Defenders of the Velayat Skies-5), которые проходили на территории 700 тысяч квадратных километров, и в которых участвовало более 12 тысяч иранских военнослужащих. Российская делегация была ознакомлена с итогами учений, что позволило ей получить объективную информацию о состоянии ПВО Исламской Республики. Ну, а поскольку практически одновременно с иранскими «Защитниками небес» состоялись учения израильских ВВС, в ходе которых отрабатывались действия во время полетов на значительные расстояния с дозаправкой в воздухе, то российской стороне были предложены и выводы по особенностям действий израильской авиации в случае атаки на Иран.

Обмен мнениями по тактическим вопросам применения ВВС вполне логично привел к тому, что иранская сторона предложила проведение стажировок российских военных летчиков в Иране, что, по мнению сторон, позволит отработать пилотам российских ВВС навыки действий в условиях Ближнего Востока, насыщенного техническими системами ПВО американского и израильского производства. Кстати, рассматривать данное соглашение как свидетельство «агрессивных планов Кремля» по меньшей мере глупо хотя бы потому, что израильские ВВС обучаются преодолению заслонов из российских С-300 еще с 2006 года, но мы ведь не говорим, что Израиль намерен атаковать Россию?

Иранская сторона продемонстрировала главному российским ВВС и действующую систему мониторинга оперативной обстановки в Персидском заливе, которая представляет собою сложный комплекс из средств технической разведки и тех самых иранских копий американского ScanEagle, одна из которых была передана России.

Сегодня иранская копия «работает» на дальность в 1200 километров с 24-часовым режимом полета. При этом, в случае необходимости, она может быть оснащена всем необходимым для нанесения высокоточного ракетно-бомбового удара. Как уже говорилось, всякий восточный подарок несет в себе, как минимум, один намек. В случае с иранской копией ScanEagle, намек, собственно, не было. Было прямое предложение российской стороне принять участие в модернизации этого беспилотника и совместном российско-иранском его производстве. Данное предложение более чем актуально в условиях, когда азербайджанские беспилотники, созданные по израильской технологии, уже начинают облет Каспия, а в перспективе готовятся к «обеспечению безопасности каспийских нефтепроводов».

Сегодня иранская копия «работает» на дальность в 1200 километров с 24-часовым режимом полета

Обсуждение вопроса об участии России в модернизации целого ряда иранских видов авиационной и ракетной техники было, пожалуй, ключевым событием визита. Помимо назревшей необходимости модернизации состоящих на вооружении ВВС

Ирана «МИГов», Россия получила предложения о совместных проектах в вертолетостроении, ракетостроении и разработке систем технической разведки. Иран достаточно недвусмысленно дал понять, что предлагает Рос-

сии принципиально новый уровень военно-технического сотрудничества — совместные научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, которые до этого Россия вела только с Китаем. В ходе обсуждения этих вопросов неожиданное развитие получила тема о судьбе злополучного контракта по С-300. Иранская сторона дала понять, что, конечно, не откажется от приобретения ЗРС «Антей-2500», но одновременно с этим предложила России поучаствовать в модернизации уже существующих иранских S-200, которые, по сути, являются копией С-300ПС, приобретенных Ираном у России в 1993 году.

О некоторых политических нюансах, внешних и внутренних

Разумеется, делая эти предложения иранская сторона учитывала все особенности как российско-иранских, так и российско-американских отношений, а потому одновременно с диалогом военных произошел и диалог дипломатов. Сергей Рябков, по согласованию с иранской стороной, чуть приоткрыл завесу над иранской позицией перед предстоящим вторым раундом женеvских переговоров, состоявшихся на прошлой неделе. Иран готов приостановить обогащение урана до 20% и серьезно ограничить объемы 5% обогащения. По сути, это снимает основные претензии к иранской ядерной программе со стороны ЕС и США и является достаточным основанием для снятия односторонних санкций. А следовательно — снимается часть препятствий для российско-иранского военно-технического сотрудничества, в котором заинтересованы не только иранские, но и наиболее здравомыслящие российские властные круги.

Было бы несправедливым умолчать о внутрироссийском политическом аспекте визита главкома ВВС в Иран. Российское правительство парит в заоблачных высях либертарианства и монетаризма, попросту игнорируя Иран как торгового партнера. Для наших силуановых и дворковичей «солнце восходит на Западе», а потому российское внешнеэкономическое сотрудничество, равно как и российскую внешнюю политику, они представляют себе только и исключительно в тесных связях с западными партнерами, причем при любых, иногда совершенно униженных для России условиях. То обстоятельство, что российское геополитическое присутствие на Востоке дает шанс российской реиндустриализации, никак не укладывается в их головы, поскольку в этих головах лишь сектантские догмы «либеральной экономики». С их стремлением сократить все непрофильные активы, от социальной сферы до армии, им вообще российское присутствие на Востоке не нужно, да и не укладывается. Стеная о дефиците российского бюджета, они видят пути его наполнения либо во внешних заимствованиях, либо в увеличении налогов с населения. О зарабатывании денег путем развития собственного ВПК у них речи не идет, потому как развитие промышленности для извлечения прибыли из военно-технического сотрудничества — это «высшая математика», а математический аппарат

Иран готов приостановить обогащение урана до 20% и серьезно ограничить объемы 5% обогащения

«эффективных менеджеров» в сфере инновации по оптимизации финансовых потоков заикнулся на арифметике — отнять и поделить. С приходом Дмитрия Rogozina появились новые надежды, но он что-то сильно застрял, прошло достаточно времени, но пока, кроме медийных телодвижений и пиар-кампании, в ВПК и оборонке ничего существенного не сделано. Поэтому насущные проблемы экономики и безопасности, проблемы сохранения российского присутствия на рынках Востока вынуждены решать силовики, столь презируемые отечественными либертариями.

Визит министра внутренних дел Колокольцева в Иран окончился прорывом в вопросах сотрудничества с Исламской Республикой в сфере общественной безопасности

Визит министра внутренних дел Колокольцева в Иран окончился прорывом в вопросах сотрудничества с Исламской Республикой в сфере общественной безопасности. Визит Бондарева создал мощный задел для закрепления России на иранском сегменте рынка вооружений и сотрудничества по НИОКР. Видимо, необходимы визиты Дмитрия Rogozina, Сергея Шойгу и Александра Бортникова для того, чтобы решить вопросы по сотрудничеству в атомной промышленности, обеспечения региональной безопасности, адекватного реагирования на новые вызовы, развитию инфраструктуры каспийских портов и тому подобные «мелочи», которые необходимы с точки зрения национальной безопасности и которые могут принести в россий-

ский бюджет десятки миллиардов долларов. Самое интересное, что силовикам вполне по силам решить данные вопросы экономического сотрудничества, компетенции и государственного мышления у них на это хватит.

Визит главкома российских ВВС Виктора Бондарева в Иран произошел как нельзя вовремя. Как раз в то время, что он находился в Тегеране, британское правительство заявило о готовности возобновить совместно с иранцами разработку шельфового газового месторождения «Рам» (Rhum), что в 390 километрах к северо-востоку от Абердина. В освоение этого крупнейшего из еще неосвоенных месторождений в Северном море, которое велось совместными усилиями (50 на 50) BP и Iranian Oil Company Limited, «дочкой» National Iranian Oil Company, было уже вложено 564 миллиона долларов, но из-за присоединения к антииранским санкциям ЕС в 2010 году проект был заморожен. Сейчас ситуация изменилась, причем, британское правительство, по всей видимости, не намерено дожидаться решения Вашингтона в отношении отмены санкций. «Стремительность» Лондона, впрочем, более чем понятна — возврат на иранский рынок давно уже воспринимается европейскими деловыми кругами как способ выхода из экономического кризиса. Решение по «Рам» — «первая ласточка», скоро мы узнаем о возобновлении ирано-германских и ирано-французских экономических проектов. В этих условиях визит Виктора Бондарева и достигнутые договоренности означают, что у России есть шансы хотя бы не опоздать на этот лакомый и чрезвычайно перспективный иранский рынок и занять на нем полагающиеся ей по определению соответствующие ниши.

Джамшед Хакимов

Эрдоган и Тегеран: Возвращение к диалогу

Ставшая достоянием гласности история о том, что турецкая разведка «сдала» иранским спецслужбам около десятка агентов, которые, будучи гражданами Ирана, на турецкой территории встречались со своими кураторами из МОССА-Да, — лишь верхушка политических интриг, которые лихорадочно плетутся сейчас на Ближнем Востоке бывшими членами антисирийской и антииранской коалиции.

Сирийские события стали толчком для срочного пересмотра основными региональными игроками своей тактики во внешнеполитической игре. Саудовская Аравия демонстративным отказом от места временного члена Совета безопасности ООН дала понять, что бороться за выживание и сохранение своего места в мусульманском мире намерена теперь без оглядки на международное сообщество. Катар публично объявил о разрыве с «гегемонистским прошлым» и на чистом глазу намекнул Дамаску о готовности «нормализовать отношения», при этом — не прекращая спонсировать боевиков.

Видя распад антисирийской коалиции, правящая турецкая элита лихорадочно начала перестраивать собственную внешнюю политику, стремясь, с одной стороны, выйти из провала в сирийской кампании с наименьшими потерями. С другой — не допустить перерастания внешнеполитического кризиса во внутривнутриполитический, способный обернуться для ПСР и Эрдогана потерей власти. Развилка, на которой оказалась сегодня Турция, в первую очередь, благодаря двусмысленной политике Вашингтона, имеет огромное значение для того, как станут выглядеть политические расклады и дипломатические альянсы в регионе в ближайшей перспективе. Пока что все идет к тому, что шансы Тегерана на возобновление диалога с Анкарой возрастают. А вот забот у Тель-Авива прибавится, поскольку «холодная сдержанность» между Турцией и Израилем — самое точное определение, которое будет характеризовать двусторонние отношения в ближайшее время.

Шпионские страсти и израильские обиды

Сейчас представители израильских спецслужб утверждают, что глава турецкой разведки и ближайший соратник Эрдогана 45-летний Хакан Фидан — скрытый исламист и иранофил, что до последнего времени он «успешно маскировался под друга Израиля». Представители разведывательного сооб-

щества Тель-Авива говорят сейчас, что были уверены в нерушимости израильско-турецкого разведывательного альянса даже тогда, когда официальная Анкара делала антиизраильские заявления.

Перед нами — либо откровенная наивность, либо стремление скрыть провал израильских силовиков. Провал, произошедший в силу их самонадеянности и высокомерия. В Египте израильтяне сотрудничали со службами безопасности и разведкой даже на пике влияния Мурси и «братьев-мусульман». Израиль всегда мог договориться с саудитами. Но с Турцией вышла осечка. Сотрудничество с Израилем было нужно Эрдогану как дополнительное доказательство лояльности к США. Именно поэтому даже после истории с «Флотилией свободы» турецко-израильское охлаждение ограничивалось лишь враждебной риторикой, при сохранении объемов сотрудничества в военной и разведывательной сфере.

Но сейчас, когда процессы «Эргенекона» фактически поставили силовой блок Турции под контроль ПСР, когда Эрдогану стала важнее массовая поддержка внутри страны — Израиль перестал представлять для него интерес в качестве стратегического партнера. Тем более что Тель-Авив своими руками сделал все возможное для нового витка напряженности в отношениях. Авигдор Либерман, бывший министр иностранных дел Израиля, последовательно выступавший против принесения Анкаре извинений за случай с «Флотилией свободы», повлекший гибель турецких граждан, теперь патетически восклицает: «Турция доказала, что не имела намерения достичь примирения. Турки не хотят примирения. Все они хотят поставить Израиль на колени. Они в полной мере сотрудничают и с иранцами, и с враждебными Израилю исламистами. Мы дорого заплатили за примирение с Турцией и не получили ничего взамен». Однако это уже никого не впечатляет, поскольку мир откровенно устал от вывертов политической логики Тель-Авива.

Когда Израиль втягивает США в войну против Ирана — это борьба с ядерной угрозой. А когда получает отказ Вашингтона влезать в конфликт за израильские интересы, да еще и с непредсказуемым результатом — то это, по мнению Тель-Авива, «предательство». Когда МОССАД организует убийства иранских ядерщиков и, представляясь сотрудниками ЦРУ, устанавливает контакты с суннитскими радикалами из Джундаллы и террористами из МЕК — это «борьба с кровавым режимом аятолл». А когда получает от этих радикалов взрывы и диверсии на собственной территории — это уже терроризм.

Израильско-турецкие отношения из этой логики совершенно не выпадают. Когда Израиль активизирует сотрудничество с Грецией и Кипром в чувствительной для Анкары сфере безопасности — это реализация права Израиля на самостоятельную политику. А когда Турция в ответ действует так, как считает нужным — это, по мнению Тель-Авива, «гноусное вероломство».

Разумеется, в этой истории негодование Израиля больше адресовано не «вероломным туркам», которым израильтяне теперь ни на шекель не верят, а Вашингтону. Но тот предпочитает хранить многозначительное молчание, за которым — откровенная растерянность администрации Обамы в турецком вопросе.

Вашингтон, Анкара и Башар Асад

Нет ничего более опасного и изматывающего, чем неопределенность. А системный кризис, в который обвалилась американская дипломатия, только эту неопределенность у союзников Вашингтона и порождает. Если оценивать события последних пяти лет по принципу «доведения до логического конца», то с американской стороны никакой последовательности в стратегии не наблюдалось. Разорвали Ливию — и устранились, оставив страну, весь Магриб и прилегающую к нему часть Африки перед угрозой расползания вооруженных тем же Вашингтоном исламистов.

Твердили о «красной линии» для Башара Асада, вооружали бандитов и поддерживали интервенцию в страну «международного джихада» — и вновь в последний момент отступили, поняв, что последствия прямой агрессии будут катастрофическими. Сместили руками военных Мурси и «братьев-мусульман», но теперь, когда требуется укрепить египетского союзника — закручивают интригу вокруг военной помощи. Накинули на Иран удавку «калечащих санкций», обвалили бизнес европейских партнеров на иранском рынке — но ничего не добились, ни к чему Тегеран не принудили.

В Афганистане, правда, достигли своих целей, трансформировав «Несокрушимую свободу» в «непрекращающееся присутствие», но на фоне остальных провалов успех в Афганистане может обернуться тем еще обременением.

Помимо прочих негативных последствий, ставших для администрации Обамы привычной ложью, непоследовательность и запутывание заставляют союзников США действовать самостоятельно, в меру собственного понимания своих интересов. Региональной стабильности это не добавляет, создает большое количество предпосылок к будущим конфликтам, но ничего другого ориентированным на США государствам и элитам не остается.

Турция в нынешнем ее состоянии никогда не пойдет на разрыв отношений с США. Также как никогда этого не сделает Саудовская Аравия. Но сейчас руководство этих стран начинает лихорадочно искать собственную внешнеполитическую линию, которая гарантировала бы им внутреннюю стабильность. Когда по данным опросов общественного мнения действия Башара Асада в отражении внешней интервенции и в борьбе с «джихадистами» поддерживает 20% опрошенных представителей турецкой общественности, любому станет ясно, что оставаться и дальше членом антисирийской коалиции как минимум чревато внутривнутриполитическими издержками. Более того, в турецких газетах гуляет шутка о том, что если бы Асад баллотировался на выборах в Турции, то он бы обошел оппозицию, имеющую сейчас около 25% голосов. В каждой шутке — лишь доля шутки. Эрдоган, с его необычайно развитым политическим чутьем понял первым, а потому — первым и задумался о выборе дальнейшей внешнеполитической тактики Анкары.

Особенности турецкого выбора

Собственно, особого выбора у Анкары сегодня нет. Погоня за вступлением в ЕС никаких особых выгод Турции не дала. Участие в антисирийской коалиции чуть не обернулось для Турции серьезными внутренними потрясениями. 600-тысячный контингент сирийских беженцев уже представляет угрозу социальной стабильности для ряда турецких провинций, а стремительная

криминализация и «наркотизация» приграничных с Сирией районов является уже угрозой для национальной безопасности. Становится понятным, что с Дамаском надо договариваться, пусть не любой ценой, но и не особо торгуясь. Недавний обстрел турецкими войсками позиций «джихадистов» на сирийско-турецкой границе — это своеобразный сигнал, что «медовый месяц» в отношениях с антиасадовскими силами закончен, что Турция начала выходить из конфликта.

Критики Эрдогана отмечают одно многозначительное обстоятельство. Как только во внешней политике происходит крен в сторону Запада — у Турции наступает полоса проблем. Что выиграла Анкара от охлаждения отношений с Москвой из-за Сирии? Что выиграла Турция от сворачивания под давлением Запада торгово-экономического сотрудничества с Ираном?

Внешнеполитические амбиции Эрдогана, его стремление придать Турции роль модератора в диалоге Запада с мусульманским Востоком, могут быть реализованы, что похоже явилось сюрпризом и для самого Эрдогана и для его однопартийцев, самостоятельно. Переговоры по ядерной программе Ирана, прошедшие на турецкой площадке, переговоры по Афганистану, давшие начало «стамбульскому процессу» — все это значительно укрепило роль Турции на международной арене. Возвращение к этому курсу для Эрдогана сейчас самый оптимальный выход из той сложной ситуации, куда он сам себя же и загнал. С учетом прагматизма турецкого руководства и особенностей внутренней ситуации в стране — ждать смены внешнеполитического курса Анкары осталось не долго. Это не произойдет сразу и вдруг, но в Тегеране к нему уже готовятся.

На Ближнем Востоке сегодня — время передела, время новых балансов и альянсов. Выверенная и точная дипломатическая партия Тегерана, Москвы и Дамаска в отношении Анкары вполне может ослабить ее ориентированность на Вашингтон. А это, в конечном итоге, будет только способствовать безопасности региона. Диалог Анкара-Тегеран при всех его сложностях более естественен и полезен, чем альянс Анкары и Тель-Авива.

Игорь Николаев

Саудовско-израильский альянс: направление главного удара — Тегеран

Демонстративный отказ Саудовской Аравии войти в число непостоянных членов Совета Безопасности ООН и более чем жесткие заявления Нетаньяху о том, что США в отношении ядерной программы Ирана обманывают сами себя, стали прологом возникновения нового ближневосточного альянса. Союз Эр-Рияда и Тель-Авива — это классический пример «дружбы против кого-то», когда в основе партнерства лежит страх. Страх перед Исламской Республикой Иран. Страх за собственное будущее.

Являясь долгое время двумя краеугольными камнями американской системы присутствия на Ближнем Востоке, своеобразными «непотопляемыми авианосцами» в регионе, и Тель-Авив, и Эр-Рияд все же сохраняли между собой определенную дистанцию. Открытый союз ортодоксальной суннитской монархии и «островка западной демократии в мусульманском мире» выглядел достаточно противоестественно. Все знают, что политика — дело грязное, что в ней всегда присутствует элемент «сделки с дьяволом», но одно дело знать, а другое — во всем этом участвовать. Поэтому и дому Саудов, и Тель-Авиву до определенного времени приходилось свои отношения скрывать.

Моментом истины для этих государств стал президентский срок Барака Обамы. Демократы запутались сами и запутали своих союзников. Казавшееся незыблемым стратегическое партнерство Вашингтона с двумя этими государствами оказалось под угрозой. Сначала Белый дом откровенно «кинул» антисирийскую коалицию, которая без ВВС США справиться с Башаром Асадом не в состоянии, и все свои расчеты строили именно с учетом американского военного удара. Сейчас — новая напасть, декларируемое Вашингтоном намерение нормализовать отношения с Ираном, что для Израиля и Саудовской Аравии означает крушение всех внешнеполитических усилий последнего десятилетия.

Какое уж тут соблюдение приличий. Обвинения в лицемерии со стороны мусульманского мира дом Саудов как-нибудь переживет, а вот шиитское «исламское пробуждение» может закончиться для него физическим устранением с политической арены. Аналогичная ситуация и в Израиле. Союз с мусульманскими фундаменталистами, которые до сих пор публично рубят головы преступникам и запрещают женщинам ездить за рулем автомоби-

ля — меньшее зло по сравнению с усилением Ирана, который прекрасно помнит, какая страна являлась движущей силой необъявленной войны и калечащих санкций против Исламской Республики. Не от хорошей жизни, а исключительно из-за кризиса американской внешней политики Барак Обама оказал миру серьезную услугу — заставил Эр-Рияд и Тель-Авив сбросить маски и сделать тайные двусторонние договоренности достоянием и израильского общества, и мусульманской уммы.

Уйти, чтобы остаться

Другое дело, что услуга эта — с «двойным дном», своеобразная проверка ближневосточных партнеров США на прочность, на способность играть более самостоятельную роль в отстаивании американских интересов в регионе. Разговоры о том, что «США сокращают свое присутствие на Ближнем Востоке», что «центр тяжести американской внешней политики смещается в сторону Юго-Восточной Азии и Тихого океана» — имеют под собою основания. Но лишь отчасти. Один из нынешних архитекторов внешней политики США, Сьюзан Райс, в отношении Ближнего Востока выразилась достаточно определенно: «Мы не можем заниматься только одним регионом 24 часа в сутки 7 дней в неделю. Президент Обама решил, что наступил хороший момент для того, чтобы сделать шаг назад, посмотреть критично и открыто на то, как мы представляем себе этот регион».

Президент Обама решил, что наступил хороший момент для того, чтобы сделать шаг назад, посмотреть критично и открыто на то, как мы представляем себе этот регион

Оценка ею же «азиатско-тихоокеанского региона» выдержана в совершенно иной тональности: «Там целый мир, — сказала она. — И у нас есть интересы и возможности в том целом мире». Собственно, ее слова — это продолжение идеи Хилари Клинтон о «повороте в сторону Азии», которые и сама Клинтон, и Обама высказывали еще два года назад. Только вот следует ли воспринимать эти заявления нынешней администрации как намерение Вашингтона уйти с Ближнего Востока? Воспринимать можно, верить — нельзя.

Американская внешняя политика — это, в первую очередь, бизнес, продолжение экономической экспансии «свободного рынка» другими средствами. Главное для американской политической

элиты — сохранение баланса между извлекаемой прибылью и расходами на обеспечение безопасности извлечения. И сейчас баланс сместился. В результате того, что США откровенно переоценили собственные возможности в деле «переформатирования» Ближнего Востока, что они с грацией слона разрушили сложившуюся там систему сдержек и противовесов, сегодня им приходится слишком много вкладывать в регион. Американская экономика такого объема вложений откровенно не тянет. И самый лучший выход из ситуации, который Белый дом и избрал, — переложить значительную часть собственных расходов на местных игроков, на Израиль, на Саудовскую Аравию, на египетских военных... Никуда США с Ближнего Востока уходить не собираются, речь идет лишь о своеобразном аутсорсинге, о передаче части функций по поддержанию безопасности своим стратегическим партнерам.

Естественно, не забывая извлекать прибыль и от военной помощи, и от стабильности, которую эти партнеры будут устанавливать.

«Возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке»

Разумеется, в этом ближневосточном «финте Обамы» присутствует немалая доля внешнеполитического социал-дарвинизма, дескать — выживет сильнейший, и своим выживанием докажет право на стратегическое партнерство с США. Отсюда — откровенное недовольство и Эр-Рияда, и Тель-Авива, которые привыкли вытворять все, что захочется, не особо задумываясь о последствиях, потому как на случай осложнения отношений с соседями рядом с ними всегда оказывался один из флотов США.

Теперь им предстоит действовать самостоятельно, но их одиночество лишь иллюзия. Военные базы США в Аравии остаются на своих местах. Все оружейные контракты продолжают действовать. Экономическая конъюнктура позволяет той же Саудовской Аравии поддерживать самый высокий в мире уровень расходов на военные нужды по отношению к ВВП — 8,9%. Политическое влияние дому Саудов обеспечивают «прикормленные» ранее политические движения и военизированные группировки от Ливии до Пакистана. Основная угроза для Эр-Рияда — Тегеран. Ведь династия понимает, что если Исламская Республика даже в условиях калечащих санкций сумела нарастить свой внешнеполитический потенциал, сумела остаться ключевым игроком на Ближнем Востоке, сумела выиграть в Сирии — то страшно даже представить, какого положения сумеет добиться Иран, не расходуя свой потенциал на противостояние с США и Евросоюзом.

**Военные базы
США в Аравии
остаются на сво-
их местах**

Из сходной логики исходит и Тель-Авив. Только совсем уж ангажированный наблюдатель может «не замечать», что именно Иран, Сирия и Хезбалла являются реальными и последовательными сторонниками справедливого решения палестинского вопроса. Все остальные игроки используют израильско-палестинские переговоры сугубо в корыстных интересах, готовы в любой момент торговаться и продаваться, меняя палестинцев на политические преференции. ХАМАС откровенно запутался в поисках спонсора и покровителя, антиизраильского в ХАМАСЕ, по большому счету, только риторика. Кроме того, Сирия и Хезбалла — это непреодолимое препятствие для расширения израильского контроля над Левантом.

Израильская истерика по поводу иранской ядерной программы, которую Тель-Авив представляет как главную угрозу региональной и международной безопасности, имеет и еще одну сторону, усердно замалчиваемую в медиа. Наметившийся выход Ирана из международной изоляции позволит Тегерану все решительнее и настойчивее поставить вопрос о создании на Ближнем Востоке «зоны, свободной от ядерного оружия». А это — начало конца израильского ядерного арсенала. В условиях противостояния с Ираном существование этого арсенала вполне оправдано в глазах Запада. В условиях нормализации отношений с Тегераном международного сооб-

щества — ядерное вооружение Израиля будет признано избыточным и встанет вопрос о его ликвидации. Словом, Эр-Рияд и Тель-Авив обречены на антииранский альянс, и эта обреченность заставляет их забыть о том, как они будут выглядеть в глазах мировой демократической общественности и мусульманской уммы.

Когда лекарство хуже болезни

Иранофобия Тель-Авива и Эр-Рияда носит маниакальный характер, является своеобразной болезнью, поразившей десятилетия назад мозги политических элит этих стран. Но их альянс вполне может обернуться для всего региона гораздо более худшими последствиями, чем даже американская экспансия. Демонстративный отказ Саудовской Аравии от места в Совете Безопасности ООН, нелестные высказывая Эр-Рияда о «деградации» этого международного института, имеют еще одно, мало кем замеченное последствие. Фактически, Эр-Рияд заявил, что мнение ООН для него ничего не значит и прислушиваться к нему он не намерен. Аналогичная позиция Израиля с его хроническим наплевательским отношением ко всем резолюциям этой международной организации также очевидна. На практике это будет означать, что и Израиль, и Королевство теперь на ООН в решении палестинского, сирийского, шиитского и других актуальных вопросов, влияющих на региональную безопасность, — ориентироваться не намерены.

Кровавые репрессии, развязанный Эр-Риядом в собственной Восточной провинции, в Бахрейне и Йемене, поддержка домом Саудов международного терроризма во всем мире и спонсирование самых ортодоксальных и отможенных групп исламских экстремистов пойдет теперь по нарастающей. Тель-Авиву теперь тоже нет особого смысла демонстрировать свою «готовность к политическому диалогу по Палестине», как-то ограничивать себя в борьбе с иранской ядерной угрозой, методами которой Тель-Авив считает диверсии и убийства, наращивать военное противостояние Хизбалле и Башару Асаду. Израильско-саудовский альянс в повседневной жизни региона обернется новым витком «государственного терроризма», ростом активности «джихадистов» в Сирии и Ираке, нестабильностью Ливана.

Нам следует ожидать активизации необъявленной войны против Исламской Республики Иран. Причем, суннитские экстремисты Джундаллы и израильская агентура в Иране будут действовать в привычной и для Эр-Рияда, и для Тель-Авива манере — нагло, агрессивно, не останавливаясь перед большой кровью. Недавние события в Белуджистане, в ходе которых погибло семнадцать иранских пограничников, боестолкновения с боевиками РЖАК на границе с Ираком — это первые, но очень тревожные сигналы того, что израильско-саудовский альянс против Тегерана приступил к активным действиям. В дальнейшем боестолкновений и крови станет только больше, потому как данный альянс — это война. Война необъявленная, но от того лишь более жестокая и изощренная. Война, которая соберет кровавый урожай дестабилизации во всем регионе.

Иран и таможенный союз

Предложенный президентом Владимиром Путиным проект евразийской интеграции, прямым следствием которой стал Таможенный союз (ТС), дает России шанс сохранить в XXI веке статус ключевого игрока на международной арене. Провал этого проекта грозит огромными репутационными издержками и окончательным разделом постсоветского пространства между США, ЕС и НАТО с одной стороны и Китаем — с другой. Многое сейчас зависит от того, куда пойдет расширение ТС — вдогонку за миражами или же по пути геополитических и геоэкономических реалий.

Естественно, что столь высокая значимость процесса евразийской интеграции вызывает самое пристальное внимание к будням Таможенного Союза. По итогам октябрьской встречи глав государств-членов ТС в Минске вновь заговорили о «кризисе интеграции», о кризисе как, собственно, Союза, так и его концепции. Нынешние рассуждения о кризисе корнями своими уходят в «украинский вопрос». Конкуренция за Украину между ТС и ЕС — это, по большому счету, следование обветшавшему курсу на место в большой европейской политике, стремление хоть через окно туда влезть, хоть через другое какое место. Две-три сотни лет назад это действительно было необходимо. Но времена изменились, XXI век все больше становится временем Востока, временем Азии, куда и смещается мировой баланс сил и интересов.

Между Турцией и Индией: метания двуглавого орла

Своеобразным признаком того, что это понимают в руководстве ТС, стал «обмен» репликами между Нурсултаном Назарбаевым и Владимиром Путиным все в том же Минске. По словам Нурсултана Назарбаева президент Турции обратился к нему с просьбой вступить в Таможенный союз и он лично предлагает принять Турцию. А Владимир Путин в ответ сказал, что «только что у нас в гостях был наш большой друг премьер-министр Индии. Он просил меня поставить вопрос на нашей сегодняшней встрече о том, что Индия хотела бы рассмотреть возможность подписания договора о зоне свободной торговли с Таможенным союзом».

Метания между Анкарой и Дели завершились решениями по Армении и Киргизии, тоже, впрочем, заключающими в себе ряд нюансов. Сроки присоединения Еревана к ТС четко не определены. После обсуждения с Бишкеком так называемой «дорожной карты» в конце лета — начале осени нынешнего года, киргизская сторона предъявила претензии на «компенсацию» за вступление в ТС, которая, по большому счету, является своеобразной «платой за лояльность» киргизским элитам.

Провал в политической географии и экономический прагматизм

У любого нормального эксперта давно уже возникает вопрос, в полной ли мере «архитекторы» постсоветской и евразийской интеграции знакомы с географическими картами. Если проанализировать дискуссии, проходившие в рамках ШОС, ОДКБ, а теперь — и Таможенного Союза, то можно с удивлением обнаружить, что ключевая держава региона, отношения с которой являются ключом к целому ряду проблем — Исламская Республика Иран — полностью выпадает из обсуждения в качестве перспективного члена евразийских объединений.

Этот «заговор молчания» вокруг Ирана лежит вне нормальной политической логики. Обсуждать тему участия в Таможенном Союзе члена НАТО, связанного, кстати, с Евросоюзом соглашением об интеграции в общий рынок и входящего в таможенный союз с ЕС аж с 1995 года — можно. «Как Турция может находиться одновременно в рамках таможенного союза и Европейского, и Евразийского?» — ни у кого такой вопрос не возникает. «Почему Иран не может принимать участия в работе Таможенного Союза?» — столь очевидный вопрос даже не ставится. И ладно бы с ней, с географией, которая неполиткорректно напоминает, что до Ирана все же ближе, чем до Индии. Речь в данном случае идет и об утрате экономического прагматизма, который, как нам говорят, лежит нынче в основе российской внешней политики.

Что означает для Таможенного Союза присоединение к нему Ирана, пусть пока, на переходный период, в виде зоны свободной торговли?

Первое. Иран может стать крупным торговым партнером России на Среднем Востоке, обширным рынком сбыта российских машин, оборудования, транспортных средств, металлопродукции и пиломатериалов, то есть — продукции высокого передела.

Очевидность этого показал период с 2006 по 2011 годы, когда торговый оборот с Ираном вырос с \$2,1 до \$3,7 миллиардов, причем российский экспорт составлял \$3,4 миллиарда, а импорт из Ирана — \$351 миллионов. Собственно, и сам российско-иранский оборот может скачкообразно вырасти до \$10–15 миллиардов в ближайшие два-три года, поскольку большую долю в нем составит не сырье, а продукция высокого передела и НИОКР. Учитывая уже накопленный экономический, научно-технический и оборонный потенциал Исламской Республики, ее присоединение к Таможенному Союзу даст значительный прирост общего ВВП стран-участниц.

Второе. Через сотрудничество с Ираном ТС получит выход на рынки Среднего Востока и доступ к важнейшим транзитным маршрутам. Можно с уверенностью сказать, что участие Ирана в ТС сделает сам Таможенный Союз интересным проектом для «зоны Большого Ирана», простирающейся от Аравии до Пакистана, вызовет повышенный интерес Востока к геополитическим планам Путина и его команды.

Третье. Зона свободной торговли с Ираном повлечет за собой присоединение к ней Пакистана и Индии, причем не искусственным, как сейчас, а вполне естественным путем, в силу реалий экономического развития. Ситуация с геополитической ориентацией и Индии, и Пакистана до конца не определена. Вашингтон и Пекин ведут активную борьбу за включение их в

зону своего влияния, и ТС станет для Дели и Исламабада является лучшим способом сохранения баланса во внешней политике, к которому оба государства так стремятся.

Четвертое. Внутренний рынок ТС после создания этой зоны свободной торговли становится более устойчивым по отношению к экспансии китайских товаров, причем у них появится реальная конкуренция. Китай сегодня с недоверием смотрит на начинания в рамках Таможенного союза, подозревая Москву в желании отгородиться протекционистскими барьерами, но его позиция в отношении большого евразийского рынка серьезно изменится, когда Пекин поймет, что рынок этот начинает формироваться без него. Соответственно, и уступчивости у него несколько прибавится.

Пятое. Россия, Казахстан и Иран, действующие в рамках единой экономической стратегии получают возможность осуществления крупных инфраструктурных проектов на Каспии, что является давно назревшей необходимостью. Есть и шестое, и десятое в этом списке экономических выгод. Нет только никаких «Нью-васюков», поскольку каждый пункт из вышеприведенного списка можно дополнить конкретными экономическими выкладками. Сейчас мы это не делаем исключительно в силу того, что формат нашей статьи в этом случае выйдет за рамки разумного.

Иран, ТС и геополитика

На днях в Сеуле проходила крупная конференция по Евразии, участники которой подчеркивали: евразийское пространство едино, и его восточная оконечность не менее заинтересована в больших трансконтинентальных проектах, чем западная. Практического воплощения, пусть пока только на уровне концепций, у евразийского единства только два — американская стратегия «Нового шелкового пути», которая, по сути, является своеобразным «шампунем для региона» и направлена на закрепление западного контроля Евразии. И Таможенный Союз как предтеча союза Евразийского, обеспечивающий развитие стран-участников в рамках собственных интересов. Доказательством служит несколько моментов геополитической эффективности блока «Таможенный Союз + Иран».

Его возникновение снимает вопрос о вступлении, а главное — об экономических перспективах Армении. Его возникновение делает реальностью обсуждаемую сегодня идею присоединения к Таможенному Союзу Сирии. Его возникновение повысит привлекательность ТС для остальных государств Центральной Азии, поскольку для них откроются и новые экономические, и новые транзитные возможности. И что, наверное, наиболее актуально сейчас — его возникновение остановит разрыв «пространства СНГ», которое стремительно скатывается к «точке невозврата».

Не стоит, вероятно, даже и говорить, что целый ряд вопросов региональной безопасности, как, собственно, и архитектура этой безопасности начнут выглядеть совершенно по-иному. Россия и ее партнеры в глазах международной общественности получают право на активизацию внешней политики в целом ряде регионов, а именно Центральной Азии, Кавказа, ЮВА и даже Персидского Залива, поскольку речь будет идти о «защите экономических интересов», действии более чем понятном для остального мира. У США и НАТО будут серьезно ограничены возможности для экспансии и разру-

шения сложившегося баланса сил в регионах. И не в силу военной угрозы Таможенного Союза, а по той простой причине, что теперь эта экспансия потребует огромных экономических затрат, на которые ни США, ни их союзники идти не готовы.

По большому счету, блок «ТС + Иран» ломает сложившуюся к сегодняшнему дню западную экономическую схему, при которой часть Востока «выпадает» из мировых экономических связей. Нас пытаются уверить, для целого ряда государств (таких, например, как Афганистан, Киргизия, Таджикистан, отчасти — Монголия, Вьетнам и Кампучия) сегодня «нет ниши в системе производства». Что единственно возможное для них занятие — это либо передача собственных природных ресурсов под управление транснациональных корпораций, либо «развитие туризма». Так вот, блок «ТС + Иран» способен стать альтернативой такого геоэкономического социал-дарвинизма.

Нестандартный, рвущий все шаблоны ход — присоединение Ирана к ТС — способен в корне изменить перспективы Таможенного Союза, сделав его самым популярным и значимым проектом ближайшего десятилетия. Но любое интеграционное образование, будь то Таможенный Союз, будь то сонна свободной торговли «ТС + Иран», требуют длительной и кропотливой работы. И не столько потому, что необходимо отработать политические и правовые возможности и полномочия, скорректировать принципы функционирования, свыкнуться с новыми политико-правовыми реалиями. Главное здесь — четкое понимание взаимной выгоды и политическая воля к ее достижению, поскольку, если идея собственно Таможенного Союза вызывает у Запада негативную реакцию, то уж идея «ТС + Иран» вызовет волну ненависти. Впрочем, Россия сейчас в таком положении, что одобрения Запада не дожидается ни при каких обстоятельствах, кроме как сменой режима и полной капитуляцией. Но нам этого нужно?

Стремясь вывести отношения с Ираном из тупика, в которые сами их и загнали, политические элиты США сделают все, чтобы не допустить российско-иранского сближения. Евразийская интеграция, да еще и включающая в себя базовым элементом Иран — настоящий геополитический кошмар Запада, который он попытается сорвать всеми доступными способами. Предотвратить это можно только шагами на опережение, встречными инициативами и предложениями Исламской Республике, которая не сможет от них отказаться. И первыми шагами Запада и США, чтобы остановить движение Ирана в сторону России и ТС, станут отмена всех санкций и массированные инвестиции в экономику Ирана, в том числе в такие лакомые сферы как нефтегазовая, энергетическая, промышленная и военно-техническая.

Осторожный оптимизм в отношении российского поворота на Восток внушают слова Сергея Лаврова, сказавшего, что «Таможенный союз — это не замкнутый блок, он открыт к взаимодействию с другими странами». Но деклараций сегодня уже мало. Необходим решительный шаг, способный придать новый импульс евразийской интеграции. Необходим качественный рывок вперед, который заставит мир поверить в то, что ТС — всерьез и надолго. И через эту веру — серьезно отнестись к роли России на международной арене.

Редакция приглашает к сотрудничеству политиков, экспертов и читателей, которые разделяют цели и задачи журнала и полагают, что их материалы могли бы внести вклад в формирование у российской и зарубежной аудитории объективного, реалистичного представления о современном Иране, его внутренней и внешней политике.

Более подробно об условиях сотрудничества смотрите на сайте журнала www.siran.ru. Ждем Ваших авторских статей по адресу info@siran.ru

Асалем, провинция Гилян

